

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

RAMON LLULL

LLIBRE
D'AMIC E AMAT

LLIBRE
DE L'ORDE DE CAVALLERIA

LLIBRE
DE LES BESTIES

CANT DE RAMON

РАМОН ЛЬЮЛЬ

КНИГА О ЛЮБЯЩЕМ
И ВОЗЛЮБЛЕННОМ

КНИГА
О РЫЦАРСКОМ ОРДЕНЕ

КНИГА
О ЖИВОТНЫХ

ПЕСНЬ РАМОНЫ

2-е издание, стереотипное

Издание подготовил
В. Е. БАГНО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
„НАУКА“
2003

УДК 82/89: 860
ББК 84.4/8
Л 89

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ» (1997)

Д. С. Лихачев (почетный председатель), *В. Е. Багно*,
Н. И. Балашов (заместитель председателя), *В. Э. Вацуро*,
М. Л. Гаспаров, *А. Л. Гришунин*, *Н. Я. Дьяконова*,
Б. Ф. Егоров (председатель), *А. В. Лавров*,
А. Д. Михайлов, *И. Г. Птушкина* (ученый секретарь),
И. М. Стеблин-Каменский, *С. О. Шмидт*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ» (2003)

В. Е. Багно, *Н. И. Балашов* (председатель), *М. Л. Гаспаров*,
А. Н. Горбунов, *А. Л. Гришунин*, *Р. Ю. Данилевский*,
Н. Я. Дьяконова, *Б. Ф. Егоров* (заместитель председателя),
Н. В. Корниенко, *Г. К. Косиков*, *А. Б. Куделин*, *А. В. Лавров*,
А. Д. Михайлов (заместитель председателя), *Ю. С. Осипов*,
М. А. Островский, *И. Г. Птушкина* (ученый секретарь),
Ю. А. Рыжов, *И. М. Стеблин-Каменский*, *С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. Д. МИХАЙЛОВ

- © В. Е. Багно, составление, перевод, статьи, примечания, 1997
- © А. М. Косс, перевод, 1997
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Литературные памятники» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 2003

ISBN 5-02-027147-0

КНИГА О ЛЮБЯЩЕМ И ВОЗЛЮБЛЕННОМ

1. Спросил Любящий Возлюбленного своего, не выше ли сил его сила любви; и ответил Возлюбленный, что в любви-то любовь Любящего и набирает силу.

2. Долог и опасен путь, ведущий Любящего к Возлюбленному, и полон он жалоб, стенаний и горьких раздумий, и озарен он любовью.

3. Многих Любящих привела к единому Возлюбленному любовь, и всех он их одарил любовью; и кладом для каждого из них был Возлюбленный, а сокровищем — благодатная опека его, наполнявшая сердца их сладостною печалью.

4. Слезами исходил Любящий, стеная: «Когда же рассеется мрак на земле, дабы затерялись дороги, ведущие в ад? А вода, что течет неизменно вниз, когда, изменив природу свою, потянется она в небо? И когда же наконец праведников будет больше, чем грешников?»

5. О, когда же дозволено будет Любящему умереть за Возлюбленного своего? А Возлюбленный, когда же увидит он Любящего зачехнувшим от любви?

6. Взывал Любящий к Возлюбленному своему: «Ты, придающий сиянье солнцу, наполни мне сердце любовью». И ответил Возлюбленный: «Не будь ты полон любовью, не источали бы твои глаза слезы и не явился бы ты сюда для встречи со своим любимым».

7. Задумал испытать Возлюбленный, воистину ли Любящий его любит; и спросил, в чем для него разница между присутствием и отсутствием Возлюбленного. И ответил Любящий: «В неведении и забвении, в осознании и воспоминании».

8. Спросил Возлюбленный Любящего: «Ведомо ли тебе, получил ли ты что-либо взамен за твою любовь ко мне?» И ответил Любящий: «Да, ибо нет для меня разницы между радостями и печалью, которыми я тебе обязан».

9. «Признайся, Любящий, — сказал ему Возлюбленный, — вытерпишь ли ты, если удвою я твои страдания?» — «Да, если удвоишь во мне любовь к тебе».¹

10. Спросил Возлюбленный Любящего: «Знаешь ли ты теперь, что такое любовь?» И ответил Любящий: «Если бы не знал я, что такое любовь, разве знал бы я, что такое печаль, страдания и скорбь?»

11. Спросили Любящего: «Почему ты молчишь, когда Возлюбленный твой зовет тебя?» И ответил Любящий: «Преодолев страх, я наконец решил пойти на его зов и откликнулся, уповав на его милость».

12. «Обезумевший от любви, почему ты перестаешь быть самим собой, пренебрегаешь деньгами, отказываешься от соблазнов этого мира и

живешь, окруженный всеобщим презрением?» Ответил Любящий: «Дабы заслужить заслуги моего Возлюбленного, который людьми скорее незаслуженно нелюбим, чем любим и оценен по заслугам».

13. «Ответь, обезумевший от любви, кого распознать проще: Возлюбленного в Любящем или Любящего в Возлюбленном?» И ответил Любящий, и сказал, что любовь выдает Возлюбленного, а Любящего — стоны и слезы, страдания и печали.

14. О, как хотелось Любящему, чтобы знал Возлюбленный его, что он умирает, страдая от любви к нему; и встретил он Возлюбленного своего, который читал книгу, и описаны в ней были все беды, которыми он был любви обязан, и все радости, которые она для него таила.

15. Познакомила Богоматерь Любящего со своим Сыном, дабы мог он облобызать его ноги и увековечить в книге добродетели Богоматери.²

16. «Ответь мне, певчая птица, ты Возлюбленному моему доверилась, дабы защитил он тебя от нелюбви и преисполнил любовью?» И ответила птица: «А кто меня петь побуждает, как не Владыка любви, для которого нелюбовь — бесчестье».

17. Между отчаяньем и надеждой воздвигла свое жилище любовь, и питают ее думы, и чахнет она от безразличия в доме, воздвигнутом на земных соблазнах.

18. Заспорили глаза Любящего и его память, и сказали глаза, что лучше видеть Возлюбленного, чем вспоминать его, и сказала память, что

воспоминания дают глазам влагу и учат сердца пламенеть любовью.

19. Вопросал Любящий разум и чувство, кто из них ближе к Возлюбленному его, и те пустились бежать, и достиг разум Возлюбленного его раньше, чем чувство.³

20. В ссоре были Любящий и Возлюбленный; и видел это другой Любящий, и рыдал, пока вновь мир и согласие не воцарились между Любящим и Возлюбленным.

21. Вздохи и слезы рассудить их попросили Возлюбленного и сказать им, кому из них он больше обязан любовью. И сказал им Возлюбленный, что любовь обязана вздохам, а глаза — слезам.

22. Припал Любящий к источнику, с каждым глотком даящему любовь тому, кто не любит, и удвоились его печали. И припал Возлюбленный к тому же источнику, дабы безмерно выросла любовь Любящего, удваивающая печали.

23. Захворал Любящий, и неотлучно был при нем Возлюбленный: и кормил его, как он того заслуживал, и поил он его любовью, и охранял терпеливо его сон, и одевал его смиренно, и поднимал его на ноги истиной.

24. Спросили у Любящего, где обитает Возлюбленный его. И ответил он: «Найдете его в том доме, что всех других превыше; и найдете его в любви моей, в страданиях моих, в слезах моих».

25. Спросили Любящего: «Откуда пришел ты?» — «От Возлюбленного моего». — «Куда идешь ты?» — «Иду к Возлюбленному моему». — «Когда вернешься?» — «Пребуду с Воз-

любленным моим». — «Доколе пребудешь с Возлюбленным своим?» — «Пока пребывают в нем мои мысли».

26. Воспевали зарю птицы, и понял, проснувшись, Любящий, что это заря; и замолчали птицы, и умер Любящий, озаренный Возлюбленным своим.

27. Пели птицы в саду Возлюбленного. И, войдя в этот сад, сказал Любящий птице: «Если мы в языке различны, то в любви едины; ибо в трелях твоих я Возлюбленного своего зримо вижу».

28. Сном сморило Любящего, ибо устал он в поисках Возлюбленного своего; но убоился он забыть Возлюбленного. И рыдал он, дабы не стерлись во сне из памяти его черты Возлюбленного.

29. Встретились Любящий и Возлюбленный его, и сказал Любящий: «Ты можешь молчать, подскажи мне лишь взглядом, и сердцу моему будет ясно, что я должен для тебя делать».

30. Ослушался Любящий Возлюбленного своего, и заплакал Любящий. И, облачившись в его одежду, явился к нему его Возлюбленный, готовый умереть, лишь бы обрел Любящий вновь то, что утратил; и одарил он его даром еще бóльшим, чем тот утратил.⁴

31. Возлюбленный пробудил любовь в Любящем и не стал облегчать его страданий, дабы любовь в Любящем крепла и дабы познал тот блаженство и утешение, сокрытые в самом страдании.

32. Сказал Любящий: «Сокровенные тайны Возлюбленного моего — для меня мученье, ибо,

если я познаю их в своих творениях, о знании своем я молчу и держу от людей его в тайне».

33. Любовью предписано, что Любящий должен быть терпеливым, смиренным, покорным, робким, самозабвенным, доверчивым и готовым претерпеть любые опасности во славу своего Возлюбленного. Возлюбленному же предписано быть искренним, великодушным, милосердным и справедливым с Любящим.

34. По горам, по долинам блуждал Любящий, и нигде он не мог обнаружить истинной преданности своему Возлюбленному. И тогда стал он спускаться все глубже, надеясь ее под землей обнаружить, раз на земле для преданности не нашлось места.

35. «Скажи мне, птица, песни которой полны любовью к моему Возлюбленному, за что терзает меня любовью к нему господин мой?» И ответила птица: «Если бы ты не терпел мук ради любви, то чем бы любил ты своего Возлюбленного?»

36. Глубоко задумавшись, шел по дорогам Возлюбленного своего Любящий, и споткнулся он, и упал в тернии, и цветами они ему показались, устилавшими ложе любви.

37. Спросили Любящего, не откажется ли он от Возлюбленного своего ради другого. И ответил он, и сказал: «Бывает ли что-то лучше и желаннее, чем величайшая благодать, вечная, бесконечная в величии, могуществе, мудрости, любви и совершенстве?»

38. Рыдал Любящий, и пел песни Возлюбленного своего, и говорил он, что любовь в сердце влюбленного стремительнее, чем промельк

луча или гром в небе; что потоки слез животворнее, чем волны морские, и что не так снега озарены белизною, как стоны любовью.

39. Спросили Любящего, в чем величие Возлюбленного его. Ответил: «В том, что он само величие». Спросили, в чем могущество его. Ответил: «В том, что он само могущество». А в чем его мудрость. «В том, что он сама мудрость». А в чем любезность его. «В том, что он сама любовь».

40. Встал на рассвете Любящий, и хотел он найти Возлюбленного своего, и повстречал он людей, и спросил их, не знают ли они, где его Возлюбленный.⁵ Ему ответили, спросив, в котором часу его душа потеряла из виду Возлюбленного. И ответил Любящий, и сказал: «Стоило предстать Возлюбленному впервые перед моим мысленным взором, ежесекундно я его явственно вижу, ибо во всем он, что видят мои глаза».

41. Глазами раздумий, страданий, рыданий и вздохов пожирал Любящий Возлюбленного своего; глазами благоволения, милости, сострадания, милосердия и великодушия взирал Возлюбленный на Любящего. И воспевала птица эту блаженную встречу взглядов.

42. Ключи от врат любви позлащены раздумьями, вздохами и рыданьями; шнурок от ключей сплетен из раздумий, раскаяния, благочестия и блаженства, ключник — сама справедливость и само сострадание.

43. Любовью и надеждой стучался Любящий во врата жилища Возлюбленного. Внимал Возлюбленный этим призывам Любящего с умилением, благоволением, умиротворенностью и со-

страданием. Божественное и человеческое распахнули двери; и вошел Любящий в покои Возлюбленного своего.

44. Отчужденность и общность встретились и сразились, дабы воцарилось согласие между Любящим и Возлюбленным.

45. Жаром двух костров согревается любовь Любящего; и в одном из них пылают мечты, радости и думы; второй питается трепетом, лишениями, стонами и слезами.

46. Возжелал одиночества Любящий, и удалился он от всех, дабы быть наедине со своим Возлюбленным и быть одиноким среди людей.

47. Под прекрасным деревом одиноко сидел Любящий. Спросили его проходившие мимо люди, почему он один. И ответил Любящий, что одиноким он стал, как только увидел их и услышал, а до этого был с ним его Возлюбленный.

48. На языке любви изъяснялись Любящий и Возлюбленный; трепетом, мыслями, слезами и стонами рассказывал Любящий Возлюбленному о своих страданиях.

49. Засомневался Любящий в том, что дарует ему Возлюбленный то, чего он желает; и лишил Возлюбленный Любящего любви. Раскаянием и сожалением переполнилось сердце Любящего; и вернул Возлюбленный сердцу Любящего надежду и трепетность, а глазам его рыдания и слезы, дабы вернулась любовь к Любящему.

50. Неведома Любящему и Возлюбленному разница между близостью и разлукой. Ибо, подобно тому как смешивают вино и воду, смешана и любовь Любящего и Возлюбленного; и как нерасторжимы тепло и свет, такова и взаимная

любовь их; подобно сущности и сущему тянутся и стремятся они друг к другу.

51. Сказал Любящий Возлюбленному своему: «В тебе и здоровье мое и мои недуги, ибо, дав мне здоровье, ты множишь мои недуги, истомив же меня недугами, укрепляешь мое здоровье». И ответил Возлюбленный: «Любовь твоя — печать и клеймо, по которым познают люди мои достоинства».

52. И познал Любящий, как схватили его, связали, терзали и убивали во имя любви его к Возлюбленному. И спросили мучители его: «Так где же Возлюбленный твой?» И ответил он: «В любви моей, безмерно выросшей, в стойкости, с которой я, благодаря ему, переносу мучения».

53. Сказал Любящий Возлюбленному своему: «Стоило мне познать тебя, как ни на шаг уже я от тебя не отошел, ибо в тебе, чрез тебя и с тобою я был везде, где бы ты ни был». И ответил Возлюбленный: «И я, с тех пор как ты познал и полюбил меня, помнил о тебе каждую секунду и ни помыслом, ни делом тебя не обидел».

54. Шел Любящий по улице как безумец, воспевая своего Возлюбленного; и спрашивали его люди, не сошел ли он с ума. И ответил он, что Возлюбленный лишил его воли, а что рассудок он отдал добровольно; вот и нет у него ничего, кроме памяти, чтобы вспоминать о своем Возлюбленном.

55. Сказал Возлюбленный: «Возможны ли такие чудеса с любовью: спит Любящий, забыв своего Возлюбленного». И ответил Любящий:

«А возможны ли такие чудеса с любовью: не разбудил Возлюбленный Любящего, если того хотел он».

56. Воспарил сердцем Любящий на высоты, где обитает Возлюбленный, дабы не томиться любовью в пропастях земных. И пока пребывал он с Возлюбленным, взор его был полон кротости и блаженства. Но вернул его Возлюбленный на землю, дабы созерцал он его в муках и в печали.

57. Спросили Любящего: «В чем твое богатство?» Ответил он: «В нищете, что влачу ради Возлюбленного моего». — «А в чем твое вдохновение?» — «В страданиях, даруемых мне любовью». — «А кто твой лекарь?» — «Вера в моего Возлюбленного». — «А кто твой наставник?» Ответил он и сказал: «Та печать моего Возлюбленного, что лежит на всем сузем».

58. Пела, сидя на ветке, птица, сокрытая листьями и цветами; и шевелил ветер листья, и благоухали цветы. И спросил Любящий птицу, как понимать шелест листьев и благоухание цветов. Ответила: «Трепетание листьев — это покорность, а благоухание — страдание и невзгоды».

59. Шел Любящий, тоскуя по своему Возлюбленному, и повстречались ему два Любящих; они приветствовали друг друга, обнимались и целовались с нежностью и рыданиями. И потерял сознание Любящий, ибо напомнили они ему его самого и его Возлюбленного.

60. Задумался о смерти Любящий и затрепетал, пока не вспомнил о своем Возлюбленном. И стал он взывать к людям, которых ви-

дел: «Братья, любите, дабы не бояться ни смерти, ни испытаний, прославляя Возлюбленного моего».

61. Спросили Любящего, в чем зародилась его любовь. И ответил он: «В том, что Возлюбленный мой выше всего сущего; отсюда истекает любовь и к себе самому, и к ближнему, отсюда и нелюбовь ко лжи и обману».

62. «Скажи, безумец, что делал бы ты, если бы разлюбил тебя Возлюбленный твой?» И ответил он, и сказал, что любил бы по-прежнему, дабы не умереть, ибо нелюбовь — это смерть, а любовь — это жизнь.

63. Спросили Любящего, что такое постоянство. Ответил он, что постоянство — это Любящий, который, счастлив он или несчастлив, постоянен в любви, в прославлении своего Возлюбленного и в служении ему с мужеством, смирением и надеждой.

64. Попросил Любящий Возлюбленного своего заплатить ему за все то время, что был он у него в услужении. И подсчитал Возлюбленный раздумья, желания, стоны, опасности и страдания, которые претерпел Любящий из-за своей любви; и прибавил Возлюбленный к этому счету вечное блаженство; и отдал он себя самого Любящему в счет платы.

65. Спросили Любящего, что такое счастье. И ответил он, что это несчастье, которое претерпеваешь из-за любви.

66. «Скажи, безумец, что такое несчастье?» — «Вспоминать о пренебрежении, оказываемом к моему Возлюбленному, который достоин высшей славы».

67. Горестно восклицал Любящий, видя, что нет больше Возлюбленного там, где он был недавно: «О земля, на которой навсегда запечатлелись незабвенные следы моего Возлюбленного! Передай моему Возлюбленному, что ради любви к нему претерпеваю я страдания и лишения».⁶ И ответила ему земля: «Пока не ушел с меня твой Возлюбленный, из-за твоей любви претерпевал он куда большие страдания и куда большие лишения, чем те страдания и лишения, которые способна принести любовь его верным слугам».

68. Говорил Любящий Возлюбленному своему: «Ты являешься всем, ты повсюду, во всем и со всем, весь я хочу быть в тебе, дабы всему тебе быть во мне». И ответил Возлюбленный: «Никогда я не буду весь твоим, пока ты весь не будешь моим». И сказал Любящий: «Так возьми же меня всего, а я возьму тебя». И ответил Возлюбленный: «Что оставишь ты тогда своему сыну, своему брату, своему отцу?» И сказал Любящий: «Ты настолько во всем, что для каждого, кто весь тебе покорится, ты можешь быть всем».

69. Попытался Любящий объять мыслью все величие и всю необъятность Возлюбленного своего и не нашел в нем начала, середины и конца. И сказал Возлюбленный: «Что измеряешь ты, о безумец?» И ответил Любящий: «Сравниваю меньшее с большим, ущербность с совершенством, исток с вечностью и бесконечностью, дабы смирение, терпение, сострадание и упование надежнее угнездились в моей памяти».

70. Дороги любви и долгие, и короткие, ибо сама любовь светла, ясна, чиста, искренна,

хрупка, бесхитростна, могуча, стремительна, ослепительна и обильна в новых мыслях и старых воспоминаниях.

71. Спросили Любящего, каковы плоды любви. «Радости, раздумья, желанья, вздохи, печали, страдания, опасности, мучения и лишения. Не будь этих плодов, перестала бы любовь волновать тех, кто ей предан».

72. Много народа собралось вокруг Любящего, который попрекал Возлюбленного своего за то, что тот не давал пищи его любви; и сетовал на то, что любовь приносила ему одни мученья и страданья. И сказал ему Возлюбленный его в свое оправдание, что мученья и страданья, в которых он упрекал любовь, росли и множились вместе с нею.

73. «Скажи, безумец, почему замолчал ты и что смущает тебя и беспокоит?» И ответил он: «Дивная красота Возлюбленного моего, а также сходство радостей и страданий, приносимых любовью».

74. «Скажи, безумец, что было раньше, сердце твое или любовь?» Ответил он и сказал: «И сердце мое, и любовь. Будь иначе, откуда взялась бы в сердце любовь, а в любви томление духа?»

75. Спросили Любящего, в чем зародилась его любовь: в постижении таинств его Возлюбленного или в стремлении донести их до людей. Ответил он и сказал, что нет в этом разницы для любви, если она безмерна; ибо в тайне таит Любящий таинства своего Возлюбленного, и, приоткрывая завесу над тайной, он ее-то и утаивает.

76. Если не делятся тайной любви своей, мучаются и страдают; а делясь любовью, то и дело впадают в неистовство. Вот почему в любом случае Любящий терпит мучения.

77. Любовь созвала влюбленных, предложив им любые желанные и любезные им дары. И попросили они любовь одарить их такими нарядами, в которых были бы они милее сердцу Возлюбленного.

78. Громким голосом стал скликать народ Любящий, и сказал он, что любовь им велела любить и в пути и на отдыхе, и во сне и наяву, и беседуя и безмолвствуя, и блаженствуя и страдая, и обретая и утрачивая; дабы любили они всегда, чем бы ни занимались, ибо так им велела любовь.⁷

79. «Скажи, безумец, когда к тебе пришла любовь?» Ответил он: «В тот самый час, когда она меня осчастливила и в моем сердце поселились желания, мысли, вздохи и печали, а глаза наполнились слезами и плачем». — «Чем одарила тебя любовь?» — «Дивными чертами, достоинствами и добродетелями Возлюбленного моего». «Как проникли они в тебя?» — «Благодаря памяти и рассудку». — «Как ты воспринял их?» — «С состраданием и надеждой». — «Как хранишь ты их?» — «Со стойкостью и справедливостью, сдержанностью и благоразумием».

80. Пел Возлюбленный о том, что далек Любящий от любви, если стыдится он перевозносить Возлюбленного своего и если боится он прославлять его там, где того поносят; и далек от любви тот, кто досадует на лишения, а кто разочаровывается в своем Возлюбленном, не

знает, сколь связаны между собой любовь и надежда.

81. Написал Любящий письма Возлюбленному своему и спросил он его в них, нет ли другого влюбленного, с которым ему было бы легче выносить тяготы и лишения, причиняемые любовью. И ответил Возлюбленный Любящему, и сказал, что он и не думал печалить его и заставлять страдать.

82. Спросили Возлюбленного о любви Любящего. И ответил он, что любовь Любящего состоит из блаженства и горя, трепета и отваги.

83. Спросили Любящего о любви Возлюбленного. И ответил он, что любовь Возлюбленного его — это неослабный прилив благодати, вечности, могущества, мудрости, милосердия и совершенства; прилив, идущий от Возлюбленного к Любящему.

84. «Скажи, безумец, знаешь ли ты, что такое чудо?» Ответил он: «Склоняться в любви к тому, чего нет, а не к тому, что есть; склоняться в любви к видимому и тленному, а не к невидимому и нетленному».

85. Искал Любящий Возлюбленного своего, и встретил он человека, который умирал без любви; и сказал, что нет для человека большего зла, чем умирать от чего бы то ни было без любви. И спросил тогда Любящий умирающего: «Ответь, почему умираешь ты без любви?» И ответил он: «Потому что без любви и жил».

86. Спросил Любящий Возлюбленного своего, что больше, *любовь* или *любить*. И ответил Возлюбленный, и сказал, что для смертного *любовь* — это древо, *любить* — это плод, ли-

шения и страдания — это цветы и листья;⁸ а для Бога *любовь* и *любить* — едины, и нет для него в них ни лишений, ни страданий.

87. Подавлен был Любящий невзгодами и страданиями из-за наплыва горьких дум; и обратился с мольбой к Возлюбленному своему, умоляя его прислать ему книгу, в которой были бы описаны его черты, дабы нашел он в ней утешение. И прислал Возлюбленный эту книгу, и удвоились невзгоды Любящего и его страдания.

88. Занемог Любящий от любви, и пришел к нему лекарь, который удвоил невзгоды его и страдания; и в тот же миг выздоровел Любящий.

89. Бежали от людей Любящий и любовь и утешались беседой с Возлюбленным;⁹ и предстал перед ними Возлюбленный. И зарыдал Любящий, а когда потерял он сознание, истаяла любовь. И предстал тогда Возлюбленный перед его мысленным взором, дабы пришел он в себя.

90. Сказал Любящий Возлюбленному своему, что несть числа тем дорогам, по которым тот проникает в его сердце и предстает перед его взором; несть числа именам, которыми он его величает,¹⁰ и лишь любовь, источник всех его радостей и печалей, едина.

91. Предстал Возлюбленный перед Любящим в новых прекрасных одеждах, и раскрыл навстречу ему объятья, и склонил к нему голову для поцелуя, и не сходил он с высот, дабы проще было найти его.

92. Удалился Возлюбленный от Любящего, и Любящий, напрягая память и разум, искал Возлюбленного, дабы вновь полюбить его. И обрел

Любящий Возлюбленного, и спросил его, где пропал тот. Ответил: «В провалах твоей памяти и во мраке твоего разума».

93. «Скажи, безумец, не стыдно ли тебе, что люди видят тебя проливающим слезы по твоему Возлюбленному?» И ответил он, что пусть это и не грешно, но стыдно должно быть тому, кто к любви не способен.

94. Сеял Возлюбленный в сердце Любящего желания, вздохи, добродетели и любовь. Орошал Любящий всходы слезами и плачем.

95. Сеял Возлюбленный в теле Любящего страдания, печали и невзгоды. Врачевал Любящий тело свое надеждой, благочестием, терпением и смирением.

96. Устроил Возлюбленный праздник, созвал немалое число знатных баронов, и ублажал он их яствами и дарами. И явился на празднество Любящий; и спросил его Возлюбленный: «Кто сказал тебе, чтобы явился ты ко мне на праздник?» И ответил Любящий: «Нужда в тебе и любовь к тебе вынудили меня явиться, дабы насладиться твоим обликом и твоими достоинствами».

97. Спросили Любящего, кто он родом? «Из рода любви». — «Откуда ты родом?» — «Из любви». — «Кто родил тебя?» — «Любовь». — «Где родился ты?» — «В любви». — «Кто взрастил тебя?» — «Любовь». — «Чем живешь ты?» — «Любовью». — «Как зовут тебя?» — «Любовь». — «Откуда идешь ты?» — «От любви». — «Куда идешь ты?» — «К любви». — «Где пребываешь ты?» — «В любви». — «Есть ли в тебе что-либо, помимо любви?» Ответил: «Да,

моя вина и мои прегрешения против Возлюбленного моего». — «Прощает ли тебя твой Возлюбленный?» И сказал Любящий, что, коль скоро Возлюбленный — само сострадание и сама справедливость, сам он живет между трепетом и надеждой.

98. Удалился Возлюбленный от Любящего, и искал его Любящий, погружившись в мысли о нем, и спрашивал он о нем людей на языке любви.¹¹

99. Увидел Любящий Возлюбленного своего, подвергаемого поруганию, и сокрушался он, что большой урон чести Возлюбленного наносит позор. И ответил Возлюбленный, и сказал, что беда его в том, что нет у него истовых и преданных почитателей. И рыдал Любящий, и росла его скорбь. И утешил его Возлюбленный, явив ему свои достоинства.

100. Свет из жилища Возлюбленного прорывался в жилище Любящего, дабы вытеснить тьму и наполнить его блаженством, скорбью и горькими думами. И выбросил Любящий из своего жилища весь скарб, дабы наполнил его собою Возлюбленный.

101. Спросили Любящего, что несет его Возлюбленный завернутым в хоругвь. Ответил он, что это мертвец. Спросили его, зачем несет он его. Ответил: «Дабы те, кто называют себя почитателями этого распятого человека, следовали его примеру».

102. Решил Возлюбленный переночевать в жилище Любящего, и потребовал у него дворецкий плату за постой. Но Любящий сказал, что нельзя брать плату с Возлюбленного.

103. Договорились память и воля вместе подняться в горы к Возлюбленному, дабы окрылился разум и дабы в любви к Возлюбленному росла любовь.

104. Рыданиям и вздохам суждено быть посылными между Любящим и Возлюбленным, дабы царили между ними радость и доброжелательность, дружба и согласие.

105. Тосковал Любящий по Возлюбленному своему и послал к нему свои раздумья, дабы поделиться с ним своей радостью, которой он был обязан Возлюбленному и которая поддерживала его в течение долгого времени.

106. Одарил Возлюбленный Любящего рыданиями, вздохами, тяжкими испытаниями, печалью и страданиями; и с благодарностью служил за это Любящий своему Возлюбленному.

107. Молил Любящий Возлюбленного своего, чтобы одарил он его великодушием, покоем и почетом в этом мире, и явил Возлюбленный свой облик памяти и разуму Любящего, отдав себя всецело на волю его воли.

108. Спросили Любящего, в чем состоит его честь. Ответил: «В том, чтобы пытаться понять и любить Возлюбленного». Спросили, в чем состоит бесчестье. Ответил: «Если бы он забыл и разлюбил своего Возлюбленного».

109. Истязала меня любовь, пока не сказал я ей, что ты не оставляешь меня и в самих муках; и тогда уменьшила любовь мои страдания, а ты наградила меня еще большей любовью, которая удвоила мои муки.

110. Повстречал я на дороге любви влюбленного, который молчание упорно хранил. Рыда-

ниями, изможденным и скорбным видом он любовь обвинял и хулил. Оправданием любви служили преданность, надежда, умиротворенность, благочестие, стойкость, сдержанность и блаженство. И поэтому упрекнул я влюбленного за то, что жаловался он на любовь, столькими дарами его пожаловавшую.

111. Пел Любящий: «О скорбь, что сокрыта в любви! О блаженство, сокрытое в любви к моему Возлюбленному, любящему влюбленных в него бесконечной любовью, вечной и совершенной в своей истинности».

112. Брел Любящий по неведомым землям, надеясь встретить там Возлюбленного своего, и напали на него два льва. Испугался Любящий смерти, ибо хотел он жить, дабы служить Возлюбленному своему, и с мольбой обратился он к своему Возлюбленному, дабы скрасил он его кончину любовью и помогла бы она ему встретить смерть. И покуда взывал Любящий к Возлюбленному своему, смиренно приблизились к нему львы и осушили слезы, что текли по щекам его, и облобызали ноги ему и руки. И беспрепятственно продолжил он путь в поисках своего Возлюбленного.

113. По горам и долинам блуждал Любящий, безуспешно пытаясь найти ворота, дабы выйти из той темницы любви,¹² в которой столь долго томились и тело его, и его мысли, и все его радости и желания.

114. Сетовал Любящий на свою судьбу, и увидел он вдруг отшельника, спавшего возле прекрасного источника. Разбудил Любящий отшельника и спросил его, не видел ли он во сне

Возлюбленного. Ответил отшельник, сказав ему, что и его думы томятся в темнице любви и ни во сне, ни наяву не выйти ему за ее пределы. Утешился Любящий, встретив еще одного пленника; и рыдали они, ибо не много было у Возлюбленного таких преданных слуг, как они.

115. Нет в Возлюбленном ничего, что не таило бы для Любящего скорби и тоски, нет ничего и в Любящем, что не таило бы для Возлюбленного радости и могущества; поэтому-то любовь Возлюбленного проявляется в деянии, а любовь Любящего — в печали и страдании.

116. Пела на ветке птица, что дала бы влюбленному одну новую горькую думу взамен двух. И дала птица Любящему новую горькую думу, а Любящий дал ей взамен две, дабы облегчить свои страдания, и почувствовал он, как растет его скорбь.

117. Повстречались Любящий и Возлюбленный, а приветствия, объятия, поцелуи, слезы и рыдания были тому свидетелями. И спросил Возлюбленный Любящего о его состоянии; и робел Любящий в присутствии Возлюбленного своего.

118. Заспорили Любящий и Возлюбленный; и примирила их любовь; и снова возник спор: чья любовь привела их к согласию.

119. Любил Любящий всех, кто робел Возлюбленного его; и боялся тех, кто не робел Возлюбленного; и возник поэтому спор, чего было больше в Любящем: любви или страха.

120. Отважился Любящий следовать за своим Возлюбленным, и попал он в такое место, где свирепый лев убивал всех праздношатающихся и неблагочестивых.

121. Сказал Любящий: «Тот, кто не боится моего Возлюбленного, должен всего бояться; а кто боится моего Возлюбленного, смел и отважен во всем и со всеми».

122. Спросили Любящего, что такое причина, и ответил он, что причина — это радость в покаянии, размышление в осознании, надежда в терпении, здоровье в воздержании, утешение в воспоминании, любовь в начинаниях, верность в целомудрии, богатство в бедности, мир в повиновении и война в раздорах.

123. Озарила любовь тучу, что сгустилась меж Любящим и Возлюбленным, и засияла она, как луна в ночи, звезда на заре, солнце средь бела дня и прозрение в сознании; и сквозь эту ослепительную тучу говорили друг с другом Любящий и Возлюбленный.

124. Спросили Любящего, что есть самый непроглядный мрак. Ответил — отсутствие его Возлюбленного. Спросили его, что есть самый ослепительный свет; и ответил он — присутствие его Возлюбленного.

125. Приметы Возлюбленного проступают в Любящем, который, благодаря любви, ввергнут в скорбь, стоны, плач, горькие мысли и окружен всеобщим презрением.

126. Вот что записал Любящий: «Радуется мой Возлюбленный, ибо послал я ему мои горькие мысли и льют по нем слезы глаза мои; и вся жизнь моя, осязание, зрение, слух, обоняние исполнены страдания».

127. «О разум и чувство! Исходите в лае и будьте огромных псов, забывших во сне моего Возлюбленного. О глаза мои! Рыдайте! О сердце

мое! Стенай! О моя память! Помни об оскорблении, что нанесли Возлюбленному моему те, кто забыл, как он их облагодетельствовал».

128. Растет пропасть между людьми и Возлюбленным, и Возлюбленный мой обещает им блага и дары и грозит им воздать по заслугам. Но память и чувства презирают обещания и угрозы.

129. Отправился Возлюбленный к Любящему, дабы утешить его и ободрить в его страданиях и в его скорби; и чем ближе он подходил, тем безутешнее рыдал Любящий при виде тех оскорблений, которыми осыпают Возлюбленного.

130. Пером любви, чернилами плача и на бумаге страданий писал Любящий письма Возлюбленному своему, в которых сетовал, что благочестие убывает, любовь умирает, а в грехе и заблуждениях плодятся их недруги.

131. Все туже затягивалась любовь Любящего и Возлюбленного памятью, разумом и чувством, дабы неотторжимы были друг от друга Любящий и его Возлюбленный; путами же для их любви служили горькие думы, страдания, вздохи и слезы.

132. Покоился Любящий на ложе любви. И были простыни из блаженства, покрывало из страданий, а подушка из рыданий. И кто знает, из какой ткани — простыней или покрывала — была наволочка?

133. Наряжал Возлюбленный Любящего в плащ, сутану и блузу; и дал он ему шапку из любви, рубашку из горьких раздумий, чулки из невзгод, а гирлянду из плача.

134. Просил Возлюбленный Любящего, чтобы тот не забывал его. И ответил Любящий, что не может он его забыть, ибо он его уже знает.

135. Попросил Возлюбленный прославлять его и отстаивать там, где особенно это опасно. И ответил Любящий, что он прославлял бы его из одной лишь любви к нему. И ответил Возлюбленный, что любовь заставила его воплотиться и умереть на кресте.

136. Попросил Любящий бесценного Возлюбленного своего объяснить ему, как учить людей признавать его, любить и славить. И одарил он его благочестием, смирением, состраданием, скорбью, горькими думами, вздохами и рыданиями, и вложил он в его сердце бесстрашие, дабы прославлял он Возлюбленного своего, а в уста его — славословия в честь его Возлюбленного, а чувства его пропитал презрением к поношениям заблуждающейся толпы.

137. И говорил Любящий людям: «Тот, кто воистину помнит о моем Возлюбленном, обо всем забывает, погружаясь в воспоминание; того же, кто обо всем забывает, дабы помнить о Возлюбленном, мой Возлюбленный во всем опекает и всем с ним делится».

138. Спрашивали Любящего, где рождается любовь, чем живет она и отчего умирает. И ответил Любящий, что рождается любовь в воспоминании, живет осознанием и умирает от забвения.

139. Забыл Любящий все, что ни есть в этом мире, дабы разум смог воспарить и познать Возлюбленного, которого он всеми своими чувствами жаждет превозносить и созерцать.

140. Задумал Любящий в сражениях прославить Возлюбленного своего, и взял он в помощь себе веру, надежду, милосердие, справедливость, благоразумие, отвагу, сдержанность, дабы совладать с врагами Возлюбленного, но побежден был бы Любящий, не помоги ему Возлюбленный, явив ему свои достоинства.

141. Алкал Любящий той конечной цели, ради которой и любил он Возлюбленного своего, но задержали его в дороге иные цели; и вызвала у Любящего сия пестрота желаний и мыслей великую скорбь и печаль.

142. Гордился Любящий величием своего Возлюбленного и ликовал он; падал он духом от тяжелого груза забот и испытаний. И кто знает, что в нем было сильнее, блаженство или страдание.

143. Был послан Любящий Возлюбленным своим к властителям христиан и неверных, дабы обучить их основам своего искусства познавать и любить Возлюбленного.¹³

144. Если встретится тебе влюбленный в роскошных одеждах, распираемый тщеславием и располневший от сна и еды, знай, что он осужден на муки. Но если встретится тебе влюбленный, окруженный всеобщим презрением, бледный и изможденный от постов и ночных бдений, знай, что даровано ему спасение и вечное блаженство.

145. Стенает Любящий, и разрывается у него сердце от нестерпимого жара любви. И умирает Любящий, и оплакивает его Возлюбленный, и утешает его долготерпением, надеждой и наградой.

146. Плакал Любящий то, чего он лишился, и некому было его утешить, ибо невосполними были его утраты.

147. Господь создал ночь, дабы мог Любящий бодрствовать и постигать величие Возлюбленного своего; а Любящий думал, что она была создана для отдохновения и сна истомленных любовью.

148. Презирали и увещевали люди Любящего за то, что обезумел он от любви. А Любящий пренебрегал их презрением и увещевал их за то, что не любили они его Возлюбленного.

149. Сказал Любящий: «Рубище на мне, одежда мужланов, но любовь сердце мне облачает в отрадные мысли, а тело — в слезы, горести и страдания».

150. Слагал Возлюбленный такие строки: «Славят верные мне мои добродетели, а недруги, завидующие моим достоинствам, истязают их и измываются над ними. И послал я тогда Любящего, дабы сокрушался он и плакал мое бесчестие. Жалобы его и стенания вскормлены моей любовью».

151. Живописал Любящий Возлюбленному своему горести и страдания, что претерпевал он из любви к нему, и молил он его об ответной любви и сострадании к своим мучениям. Успокоил его Возлюбленный, объяснив, что в любви ко всем восплававшим к нему любовью и в сочувствии к тем, кому любовь принесла страданья, сущность его и его природа. Утешился сердцем Любящий, ибо открылись ему природа и сокровенная сущность его Возлюбленного.

152. Возлюбленный лишил Любящего дара речи, и утешился Любящий, созерцая Возлюбленного своего.

153. Столь жалобно взывал Любящий, обливаясь слезами, к Возлюбленному своему, что тот спустился со своих высот и явился в мир, дабы рыдать, скорбеть, умирать от любви и учить людей любить, познавать его и славить его величие.

154. Упрекал Любящий христиан за то, что не ставят они имени Возлюбленного своего, Иисуса Христа, безмерно его почитая, в начале писем своих, подобно мусульманам, которые тем самым оказывают почести Магомету, обманщику, которого они прославляют, начиная его именем свои письма.¹⁴

155. Повстречал Любящий оруженосца, который был неказист, изможден и чем-то озабочен; приветствовал оруженосца Любящего, пожелав ему найти поскорее, с Божьей помощью, Возлюбленного его. И спросил его Любящий, откуда он его знает. И ответил оруженосец, что тайны любви одна для другой приоткрыты, поэтому-то и влюбленные между собой знакомы.

156. Величие, достоинства и благие дела Возлюбленного — это сокровища и достояние Любящего; а богатство Возлюбленного составляют горькие мысли, желания, страдания, стоны и горести, которые претерпевает Любящий, дабы славить и любить своего Возлюбленного.

157. Собралось великое воинство и великое множество людей, преданных любви, и реяло над ними знамя любви, на котором запечатлены облик и девиз Возлюбленного; и заказан к ним

путь тем, в ком нет любви, дабы не нанесли они вреда Возлюбленному.

158. Те, кто притворяются безумными, дабы сколотить состояние, издеваются над Любящим, обезумевшим от любви; и так печалился Любящий, безумствуя среди людей, что они окружили его и любовью, и почетом. И кто знает, чему эта любовь обязана больше.

159. Из-за любви гложет печаль Любящего, уставшего от треволнений; и долетел до него сладостный голос Возлюбленного его, и возликовал он. И кто знает, чему больше обязана крепнущая любовь в сердце Любящего.

160. Тайны Любящего выдают тайны Возлюбленного, а тайны Возлюбленного выдают тайны Любящего. Если же тайное становится явным, то кто знает, в какой из двух тайн коренится причина.

161. Спросили безумца, как догадался он о присутствии своего Возлюбленного. Ответил он и сказал, что по состраданию и милосердию, которыми проникнуты его чувства и которые, возникнув, уже не исчезают.

162. Та редкостная любовь, которою пылал Любящий к Возлюбленному своему, научила его ставить всеобщее благо выше блага частного, дабы стал его Возлюбленный всеми и для всех познанным, прославленным и желанным.

163. Любовь и нелюбовь встретились в саду, где укрылись для беседы Любящий и Возлюбленный, и спросила любовь нелюбовь, зачем та явилась, и ответила нелюбовь: дабы разлюбил Любящий и позором был покрыт Возлюбленный. Горько было слышать это Возлюбленному

и Любящему, и возлюбили они друг друга еще больше, дабы победить и одолеть нелюбовь.

164. «Скажи, безумец, к чему ты больше привержен, к любви или к ненависти?» И сказал, что к любви, ибо и ненавидел он ради любви.

165. «Скажи, влюбленный, что ты скорее распознаешь: истину или ложь?» Ответил, что скорее он способен распознать истину. «Почему?» — «Ибо ложь я распознаю только затем, чтобы уметь распознавать истину».

166. Догадался Любящий о любви Возлюбленного своего и спросил его, чувствует ли он разницу между любовью и состраданием. Признал Возлюбленный, что в основе своей едины любовь его и сострадание. И спросил тогда Любящий, почему же терзает его любовь, а сострадание не избавляет его от мучений. И ответил Возлюбленный, что сострадание приносит ему мучения, дабы лучше мог он с их помощью возносить хвалу своей любви.

167. Решил отправиться Любящий в чужие края, дабы восславить Возлюбленного своего, и решил он изменить свой облик, дабы не схватили его по дороге. Но как ему было скрыть текущие по щекам слезы, изнуренный вид, бледный цвет лица, рыдания, горькие думы, вздохи, скорбь и страдания своего сердца, и схватили поэтому его в пути, и предали его мучениям не други его Возлюбленного.¹⁵

168. Заключен был Любящий в темницу любви. Горькие думы, желания и воспоминания заковали его в цепи и охраняли, дабы не убежал он от своего Возлюбленного; терзала его скорбь,

а смирение и надежда его утешали. И умер Любящий, но предстал пред ним его Возлюбленный, и воскрес Любящий.

169. Нашел Любящий Возлюбленного своего; узнал Любящий Возлюбленного своего и зарыдал. Корил Возлюбленный Любящего за то, что не рыдал тот до тех пор, пока не узнал, и спросил его, как же он, не рыдая, сумел узнать его. И ответил Любящий: памятью, разумом и чувствами он взывал к нему столь сильно, что предстал тот наконец перед его очами.

170. Спросил Возлюбленный Любящего, что такое любовь. И ответил: «Присутствие облика Возлюбленного и его слов в страждущем сердце влюбленного, и мука от рыданий и томлений в сердце Любящего».

171. Любовь — это истовый пыл в отваге и трепете; любовь — это неодолимое стремление к своему Возлюбленному. Любовь — это то, что убило Любящего, когда услышал он, как воспевают красоту его Возлюбленного. Любовь — это то, в чем сокрыта смерть и в чем навсегда заключена моя воля.

172. Благочестие и тоска отрядили горькие думы посланниками к сердцу Любящего, дабы хлынули слезы из глаз, которые, противясь рыданиям, не давали им ходу.

173. Спросил Любящий: «Влюбленные, если нуждаетесь вы в огне, придите ко мне и наполняйте ваши лампы огнем моего сердца; если нуждаетесь вы во влаге, придите ко мне, ибо в глазах моих слез в избытке; а если нуждаетесь вы в горьких раздумьях о любви, придите ко мне и черпайте от моих треволений».

174. Размышлял Любящий о великой любви, которую испытывал он к своему Возлюбленному, и о великих страданиях и испытаниях, которые были ему уготованы из-за его любви; и решил, что великая же его ждет и награда. Но тем временем, пока размышлял он о своей судьбе, понял он, что Возлюбленный ему уже все оплатил, ибо помог он ему полюбить свой облик и наградил он его страданиями за любовь.

175. Утирал Любящий слезы, что проливал он из-за любви, дабы никто не догадался о мучениях, причиняемых ему Возлюбленным; и спросил его Возлюбленный, почему скрывает он от других влюбленных приметы любви, которые должны привлечь их на стезю любви, свидетельствуя о его достоинствах.

176. «Скажи мне, обезумевший от любви, сколь долго продлится еще твое рабство, до каких пор будешь стенать ты от мук и страданий?» Ответил: «До тех пор, пока не отторгнет во мне Возлюбленный душу от тела».

177. «Скажи, безумец, есть ли у тебя деньги?» Ответил: «У меня есть Возлюбленный». — «Есть ли у тебя деревни, замки, графства и герцогства?» Ответил: «У меня есть чувства, мысли, слезы, желания, муки и печали, и не сравнятся с ними империи и царства».

178. Спросили Любящего, в чем проявляется отношение к нему его Возлюбленного. Ответил: «В неотличимости радостей от печалей, которую ниспосылает Возлюбленный всем влюбленным».

179. «Скажи, безумец, кто более сведущ в любви: тот, кому ниспослана радость, или тот,

кого терзают муки и печали?» Ответил он и сказал, что одно без другого бессильно сказать нам всю правду о любви.

180. Спросили Любящего, почему не защищается он от ложных обвинений в проступках и преступлениях. Ответил, что ему приходилось защищать Возлюбленного, которого люди покрывали позором; человек же, способный совершать промахи и ошибки, вряд ли достоин защиты.

181. «Скажи, безумец, почему защищаешь ты любовь, терзающую твое тело и твое сердце?» Ответил: «Потому что она умножает мои достоинства и мое блаженство».

182. Укорял Любящий своего Возлюбленного за то, что причиняла ему любовь невыносимые муки; и множил Возлюбленный в Любящем в свое оправдание печали, тревоги, горести, стелания и стоны.

183. «Скажи, безумец, почему защищаешь ты грешников?» Ответил: «Дабы не уподобляться тем, кто обвиняет праведников наравне с грешниками».

184. Возвысил Возлюбленный разумом Любящего, дабы уразумел он его величие, дабы приучил он свою память помнить о прегрешениях, а чувства — тяготиться ими и дабы проникся он любовью к совершенствам своего Возлюбленного.

185. Воспевал Любящий своего Возлюбленного, превознося его за то, что благодаря его благорасположению все, что он ненавидел, осеменяемый его любовью, было милее его сердцу, чем то, что он любил, лишенный любви своего Возлюбленного.

186. Шел Любящий по большому городу, и хотел он поделиться с кем-нибудь своими мыслями о Возлюбленном. И подвели его к бедняку, плакавшему от любви и мечтавшему поделиться с кем-нибудь своей любовью.

187. Задумчив и рассеян был Любящий, размышляя о том, как могут быть источником страданий достоинства его Возлюбленного, который преисполнен одной благодатью.

188. Терялся в мыслях Любящий, колеблясь между забвением печалей и воспоминанием о радостях; ибо радости, даруемые любовью, стирают память о невзгодах, а печали, претерпеваемые из-за любви, напоминают о счастье, облаканном любовью.

189. Спросили Любящего, может ли по воле Возлюбленного иссякнуть в нем любовь. Ответил, что нет, ибо память напомнит, а разум уразумеет величие Возлюбленного.

190. «Скажи, безумец, в ком сходство столь велико, что подобие неоспоримо?» Ответил: «В Любящем и Возлюбленном». — «Что причиной тому?» Ответил: «Причиной тому роднящая их любовь».

191. Спросили Возлюбленного, испытывал ли он когда-нибудь сострадание. Ответил: «Не испытывай он сострадания, не полюбил бы он Любящего и не терзал бы он его стенаниями, стонами, муками и печальями».

192. Шел Любящий по бескрайнему лесу в поисках своего Возлюбленного; и повстречал он правду и ложь, спорящих о его Возлюбленном; правда его восхваляла, а ложь осуждала. И призвал тогда Любящий на подмогу правде любовь.

193. Подкралось искушение к Любящему, дабы разлучить его с Возлюбленным, ибо лишь тогда проснулась бы память и потянулась бы вновь к Возлюбленному, восстанавливая его облик, дабы острее и сильнее прежнего он познавал Возлюбленного разумом и любил его чувством.

194. Забыл однажды Любящий своего Возлюбленного, а на следующий день вспомнил, что забыл его. И стал для него этот день, когда вспомнил он, что забыл Возлюбленного, днем великой скорби и печали, славы и ликования, как по забвению, так и по воспоминанию.

195. Столь истово жаждал Любящий почестей и хвалы для своего Возлюбленного, что боялся о них забыть; столь истово стремился ненавидеть он поношения, которым подвергался его Возлюбленный, что боялся их ненавидеть. Изнемог Любящий, двумя страстями гоним, оказавшись между любовью к Возлюбленному и трепетом перед ним.

196. Умирал Любящий от блаженства, а жив был страданиями; радости и печали слились воедино, дабы быть нерасторжимыми в чувствах Любящего. И стал Любящий жить, умирая, и умирать, любя.

197. Всего-то на один час хотел Любящий забыть своего Возлюбленного, дабы отрешиться хотя бы на время от своих печалей. Однако мука от забвения и неведения была еще горше, поэтому он набрался терпения и направил все свои помыслы к Возлюбленному.

198. Любящий так любил своего Возлюбленного, что верил каждому его слову, и так хотел

он его понять, что каждое слово его наделял особым смыслом. Поэтому любовь Любящего была на полпути между верой и разумом.¹⁶

199. Спросили Любящего, что для его сердца самое чуждое и далекое; и ответил он — нелюбовь. И спросили его почему. Потому, ответил он, что ее противоположность, любовь, — самое для его сердца родное и близкое.

200. «Скажи, безумец, завидуешь ли ты когда-нибудь?» Ответил: «Да, стоит мне лишь забыть о щедрости и великодушии моего Возлюбленного».

201. «Скажи, безумец, ты богат?» Ответил: «Да, у меня есть любовь». — «А беден ли ты? Да, у меня есть любовь». — «Как это может быть?» — «Ибо эта любовь превышает всего на свете, но узок круг тех влюбленных, что превозносят достоинства моего Возлюбленного».

202. «Скажи, влюбленный, в чем твое величие?» Ответил: «В величии моего Возлюбленного». — «Чем удастся тебе осилить своих врагов?» — «Силой моего Возлюбленного». — «Чем утешаешься ты?» — «Немеркнувшей щедростью моего Возлюбленного».

203. «Скажи, безумец, что тебе милее: милосердие твоего Возлюбленного или правосудие твоего Возлюбленного?» Ответил, что нет для него разницы между любовью к правосудию и трепетом перед ним, ибо он не волен в своих чувствах, подчиненных правосудию его Возлюбленного.

204. Затеяли тяжбу праведность и греховность в чувствах и разуме Любящего; правосудие и память поддерживали разум; сострадание

и надежда поддерживали благорасположение в чувствах Возлюбленного. И поэтому праведность победила грехи и пороки в раскаявшемся Любящем.

205. Утверждал Любящий, что в его Возлюбленном все совершенно; отрицал он саму возможность какого-либо изъяна в нем. Кто знает, что при этом было важнее: утверждение или отрицание.

206. Нашло затмение на солнце, и мрак опустился на землю; и понял тогда Любящий, что грех разлучил его с Возлюбленным; воспользовавшись этой разлукой, мрак вытеснил из его сознания свет, благодаря которому видят влюбленные своего Возлюбленного.

207. Пришла к Любящему любовь, и спросил ее Любящий, чего она хочет. И ответила любовь, что она пришла, дабы одарить его такой судьбой, которая поможет ему и в день смерти одолеть смертельных его врагов.

208. Захворала любовь, стоило лишь Любящему забыть своего Возлюбленного; и занемог Любящий, ибо, от избытка воспоминаний, преисполнился он тревожностями, горестями и печальями, дарованными ему его Возлюбленным.

209. Встретил Любящий человека, который умирал без любви. Горько заплакал Любящий, сознавая, сколь опозорен Возлюбленный тем, что человек этот умирал без любви, и спросил его, почему он умирает без любви; тот ответил, что некому было рассказать ему о любви и научить его, как стать влюбленным. Сокрушенно вздохнул Любящий и воскликнул: «О благочестие! Затмишь ли ты когда-нибудь прегреше-

ние, дабы выросло число влюбленных в моего Возлюбленного, неистовых, отважных и красноречивых, бесстрашно превозносящих его достоинства?»

210. Решил проверить Любящий, сохранится ли в его сердце любовь, если память о Возлюбленном сотрется; и тотчас перестали рождаться мысли, перестали течь слезы; и истаяла любовь; и растерялся Любящий, и отправился он на поиски своей любви.

211. Любовь, любить, Любящий и Возлюбленный столь неотторжимы одно от другого в Возлюбленном, что по сути представляют собой единое целое, а Любящий и Возлюбленный различны при полном сходстве своей природы и неотличимости один от другого. Поэтому-то возлюблен Возлюбленный превыше любой иной любви.

212. «Скажи, безумец, почему столь велика твоя любовь?» — «Потому что долог и опасен путь, который мне уготован в поисках моего Возлюбленного. Безрадостен этот поиск, и непрост этот путь; без великой любви этот путь пройти невозможно».

213. Бодрствовал, постился, рыдал, давал милостыню и блуждал по далеким землям Любящий, дабы добиться благорасположения своего Возлюбленного и вселить любовь в сердца его подданных, чтобы восславили они его достоинства.

214. Если любовь Любящего не в силах побудить Возлюбленного к милосердию и прощению, то любовь Возлюбленного способна одарить все сущее милостью и благословением.

215. «Скажи, безумец, дано ли тебе добиться еще большего сходства с Возлюбленным?» Ответил: «Да, пытаюсь всеми силами моей души постичь и возлюбить облик моего Возлюбленного».

216. Спросили Любящего, в чем обделен его Возлюбленный. Ответил: «Обделен он обожателями и приверженцами, способными воспевать его величие».

217. Бичевал Возлюбленный сердце Любящего прутьями любви, дабы заставить его полюбить древо, с которого нарвал он прутья, хлеща ими своих приверженцев; на этом древе он принял смерть, муки и поругания, дабы вернулась любовь в сердца приверженцев, которые ее утратили.

218. Встретил Любящий своего Возлюбленного и нашел его величественным, могущественным и достойным всяческого поклонения; и сказал он ему, что его не перестает изумлять, сколь мало люди любили, признавали и превозносили того, кто так всего этого был достоин. И ответил ему Возлюбленный, что велико его разочарование, ибо создал он человека, дабы тот любил, признавал и превозносил его, но из каждой тысячи только сто его боялись и любили, и из этих ста — девяносто боялись, надеясь избежать наказания, а десять любили в надежде на славу, но едва ли кто любил его за его доброту и величие. Услышав о бесчестье, наносимом его Возлюбленному, зарыдал Любящий и сказал: «Возлюбленный, ты стольким одарил человека и так восславил его, зачем же человек ответил тебе неблагодарностью?»

219. Превозносил Любящий своего Возлюбленного, для которого *где* несущественно, ибо он находится там, где преодолеваются границы и законы *где*. И поэтому, когда спросили Любящего, *где* находится его Возлюбленный, он ответил: «Он существует, но где именно, я не знаю; знаю лишь, что Возлюбленный живет в моей памяти».

220. Купил Возлюбленный, по своим заслугам, раба, претерпевавшего муки, погруженного в горькие думы и исходившего рыданиями, и спросил его, что ест он и что пьет. «Все что хотите». Спросил его, что он носит. «Все что хотите». — «Где же тогда твоя воля?» Ответил он, что вся воля пленника и раба направлена на то, чтобы подчиняться своему господину и своему Возлюбленному.

221. Спросил Возлюбленный Любящего, хватает ли у него терпения? Ответил тот, что всем он доволен, а значит, для терпения и повода не остается, ибо терпеливыми приходится быть тем, кто не владеет своими чувствами.

222. Любовь отдавала себя всецело всем, кого любила, и, поскольку немногим она себя отдавала и немногих влюбленных вела за собой, была еще свободнее, чем прежде; сетовал на нее за это Любящий и осуждал ее перед Возлюбленным. Однако любовь говорила в свое оправдание, что она полагалась на свободное волеизъявление, ожидая от своих влюбленных высокого подвига и высокого порыва.

223. Великая тяжба и великий раздор случились между Любящим и любовью, ибо изнемог Любящий от страданий, причиняемых ему лю-

бовью; спорили они и о том, кто из них был повинен в этих распрях. И отдали они себя на суд Возлюбленного, который покарал Любящего новыми муками и одарил возросшей в нем любовью.

224. Возник вопрос, где обитает любовь: в мыслях или в терпении. И ответил на него Любящий, сказав, что рождается любовь в мыслях, а возрастает на терпении.

225. Соседи Любящего — добродетели Возлюбленного, а соседи Возлюбленного — горькие мысли Любящего, его стенания и муки, которые претерпевает он из-за любви.

226. В заоблачные высоты устремилась воля Любящего, дабы возлюбить Возлюбленного, и велела возвыситься разуму, а разум велел это памяти. И все они воспарили, дабы созерцать Возлюбленного во всем его величии.

227. Отделились чувства от Любящего, и припали они к Возлюбленному; но замуровал Возлюбленный чувства в Любящем, дабы быть любимым и перевозносимым.

228. Говорил Любящий: «Да не помыслит мой Возлюбленный, что могу я променять его на другого Возлюбленного; ибо всю мою любовь я призван любить одного лишь Возлюбленного». И ответил Возлюбленный: «Да не подумает Любящий, что любим я и перевозносим лишь им одним; ибо много у меня влюбленных, любящих меня исступленнее и благоговейнее, чем он».

229. Говорил Любящий своему Возлюбленному: «Любезный моему сердцу Возлюбленный, ты научил глаза мои видеть, а уши мои слышать твое величие; и поэтому сердцем моим

овладели чувства, благодаря которым ты научил глаза мои лить слезы, а тело мое — чахнуть». Ответил Возлюбленный Любящему, что если бы не освоил он всю эту премудрость, не попало бы имя его в книгу, в которую внесены все те, кого ждет вечное блаженство и кто вычеркнут из другой книги, внесенных в которую ждет вечное проклятье.

230. Сердце Любящего вмещает в себя все высокие достоинства Возлюбленного, и множатся мысли и печали Любящего, который зачах бы и умер, если бы не сжалился Возлюбленный и не дал бы ему отдыха.

231. Остановился Возлюбленный на ночлег у Любящего; и предложил ему Любящий ложе из горьких мыслей, а угощал он его вздохами и слезами. Возлюбленный же расплатился за гостеприимство воспоминаниями.

232. Смешала любовь в мыслях Любящего радости и печали; и возроптали радости, и пожаловались на любовь Возлюбленному; и пропали, истаяли радости, как только отделил их Возлюбленный от тех страданий, которые претерпевают влюбленные из-за любви.

233. Приметами любви, которую питает Любящий к своему Возлюбленному, служат вначале слезы, затем глубокая скорбь и, наконец, смерть. Посредством этих примет свидетельствует Любящий о своем Возлюбленном другим влюбленным.

234. Уединился Любящий, но неотлучно с его сердцем были печали, с глазами — слезы, а с телом — лишения. Но стоило лишь вернуться Любящему к людям, как лишился он всех тре-

волнений, и одиноким остался он среди людей.¹⁷

235. Любовь — это взбаламученное море, в котором лишь волны да ветер, но нет ни берегов, ни причалов. Гибнет Любящий в этом море, и вместе с ним гибнут его мучения и набирают силу его совершенства.

236. «Скажи, безумец, что такое любовь?» Ответил: «Любовь — это согласие между замыслом и движением к конечной цели, стоящей перед чувствами Любящего, — склонить людей к тому, чтобы они прославляли Возлюбленного и служили ему». Неясно лишь, действительно ли нет лучшей цели для чувств Любящего, стремящегося к своему Возлюбленному.

237. Спросили Любящего о его Возлюбленном. Ответил, что Возлюбленный — это сила, благодаря которой он любит, желает, скорбит, стонет, рыдает, сносит поношения и умирает.

238. Спросили Возлюбленного о Любящем. Ответил, что это тот, кто всегда готов воздавать хвалу его достоинствам, кто от всего отказался, дабы следовать его советам и выполнять его распоряжения.

239. «Скажи, Любящий, какая ноша для тебя тяжелее и невыносимее: страдания из-за любви или страдания из-за ее отсутствия?» Ответил: «Лучше спросить об этом людей, набожность которых состоит либо в ожидании любви Возлюбленного, либо в страхе адовых мук».

240. Заснул Любящий, и умерла любовь, ибо жизнь ее лишилась смысла. Проснулся Любящий, и ожила любовь в мыслях, которые тотчас устремились от Любящего к Возлюбленному.

241. Сказал Любящий, что наука врожденная возрастает на чувствах, набожности и молитве, а наука благоприобретенная возрастает на занятиях и размышлениях. Неясно лишь, какой из них Любящий отдал дань раньше, какая из них для него отраднее и в какой он более преуспел.¹⁸

242. «Скажи, безумец, чем вызвано твое томление?» — «Мыслями, мечтами, преклонением, муками и постоянством». — «Чему ты обязан всем этим?» Ответил: «Любви». — «А откуда в тебе любовь?» — «От Возлюбленного». — «А Возлюбленный твой откуда?» — «Он сам себе самому исток и причина».

243. «Скажи, безумец, хочешь быть от всего свободным?» Ответил: «Да, но лишь бы не от Возлюбленного». «Хочешь, чтобы тебя пленили?» Ответил: «Да, вздохами, мыслями, тревогами и слезами, дабы служить моему Возлюбленному, который и создал меня для того, чтобы я его славил».

244. Терзала любовь Любящего, и терзался от этого Любящий, проливая горькие слезы. Призвал его Возлюбленный, дабы его утешить. Но чем ближе подходил он к Возлюбленному, тем сильнее терзала его любовь, ибо она тем временем крепла. Росло с любовью блаженство, и убывали печали, ибо врачевал его Возлюбленный.

245. Заболела любовь. Любящий лечил ее терпением, упорством, покорностью и надеждой; и выздоровела любовь. Занемог Любящий; и лечил его Возлюбленный, напоминая о своих добродетелях и достоинствах.

246. «Скажи, безумец, что такое одиночество?» Ответил: «Единство и согласие между Любящим и Возлюбленным». — «А что такое единство и согласие?» Ответил, что это одиночество, свившее гнездо в сердце Любящего, все помыслы которого обращены к его Возлюбленному.

247. Спросили Любящего: «Что таит в себе большую опасность — муки из-за любви или блаженство?» Посоветовался Любящий с Возлюбленным и ответил, что в страданиях грозит опасностью нетерпение, а в блаженстве — невежество.

248. Отпустил Возлюбленный любовь на волю и позволил людям самим решать ее судьбу; и не смогла любовь найти никого, кто впустил бы ее в свое сердце. И горько было Любящему, и плакал он, страдая душою за унижения, которые ей достались от людей лицемерных и неблагодарных.

249. Любовь опустошила сердце Любящего, дабы вселиться в него и обосноваться в нем, но умер бы Любящий, если бы не вспомнил о своем Возлюбленном.

250. Две думы непрестанно думал Любящий: во-первых, пытался он постичь природу и достоинства своего Возлюбленного, и, во-вторых, пытался он постичь сущность его творений.¹⁹ Неясно лишь, какая из этих дум была вдохновеннее и упоительнее как для Любящего, так и для Возлюбленного.

251. Умер Любящий от великой любви. У себя похоронил его Возлюбленный, и воскрес тогда Любящий. Неясно лишь, какой из этих даров был для Любящего бесценнее.

252. В темнице Возлюбленного томились горести, тревоги, страдания, оскорбления и потери, дабы ничто не мешало Любящему возносить его достоинства и вселять любовь к нему в сердца людей, этой любовью пренебрегающих.

253. Оказался однажды Любящий среди людей, обласканных Возлюбленным сверх меры, ибо сами они с ним были неласковы. Презирали они Возлюбленного и высмеивали его верных слуг. Заплакал Любящий, стал рвать на себе волосы, осыпать себя ударами, раздирать на себе одежды, и возопил он: «Бывает ли более тяжкий грех, чем презрение к моему Возлюбленному?»

254. «Скажи, Любящий, ты жаждешь смерти?» Ответил: «Да, в соблазнах этого мира и в помыслах подлого люда, отринувшего и предавшего моего Возлюбленного; нечего мне там делать, ибо нет там моего Возлюбленного».

255. «Безумец, если правду ты говоришь, будешь ты опозорен, изруган, избит, измучен и предан людьми смерти». Ответил: «Отсюда вытекает, что, если бы я лгал, люди меня бы возносили, любили, обожали и почитали, и отторгнут я был бы от влюбленных в моего Возлюбленного».

256. Подлые льстецы оболгали Любящего перед лицом его Возлюбленного. Но хватило Любящему выдержки, а Возлюбленному справедливости, мудрости и силы. Предпочел Любящий скорее быть оболганным и опозоренным, чем стать одним из таких льстецов.

257. Засеял Возлюбленный сердце Любящего разными семенами, но проросло, возшло, за-

цвело и принесло плод лишь одно. Неясно лишь, стоит ли ждать от одного плода различных семян.

258. Премного выше любви Возлюбленный, премного ниже любви Любящий. А любовь, находясь посередине, помогает Возлюбленному спуститься к Любящему, а Любящему — подняться к Возлюбленному. И в этом колебании между восхождением и нисхождением — природа любви, благодаря которой чахнет Любящий и славится Возлюбленный.

259. Справа от любви — Возлюбленный, а слева от нее — Любящий; поэтому нет у Любящего иного пути к Возлюбленному, кроме как через любовь.

260. Перед любовью — Возлюбленный, за Возлюбленным — Любящий. Поэтому, лишь сосредоточив все свои помыслы и все свои чувства на Возлюбленном, может Любящий слиться с любовью.

261. Трех Возлюбленных, равночестных в величии и во славе, сотворил Возлюбленный для Любящего. И возлюбил Любящий всех трех равной любовью; едина и неделима эта разделенная любовь, ибо одна на всех трех Возлюбленных разлита.²⁰

262. Облачился Возлюбленный в те же одежды, что и Любящий, дабы разделил тот с ним вечную славу. Поэтому-то предпочитает Любящий пурпурные одежды, дабы походило платье его на платье Возлюбленного.²¹

263. «Скажи, безумец, что делал Возлюбленный твой, когда не было еще мира?» — «Пребывал в разнообразнейших формах бытия, веч-

ных, неповторимых и бесконечных, которые присущи Любящему и Возлюбленному».

264. Рыдал и сокрушался Любящий, видя, что по неведению лишены были неверные Возлюбленного; и ликовал он, сознавая справедливость Возлюбленного, который наказывал тех, кто, познав его, ему не повиновался. Спрашивается, какие чувства были в нем сильнее: радости или печали; блаженства, при виде Возлюбленного, окруженного почетом, или негодования на его обидчиков.

265. Наделяет Любящий своего Возлюбленного и наивысшим единством многообразных достоинств, и наивысшей несовместимостью достоинств и пороков, и бытием, воистину совершенным, которые соотносятся скорее с отсутствием изъянов и небытия, нежели с их наличием.

266. Виделась Любящему сокровенная природа его Возлюбленного в многообразии и целостности, которые являли ему множественность и единство его Возлюбленного, заключающие в себе сообразность его лишенной противоречий природы.

267. И узнал Любящий, что если бы разложение, противоположное бытию, коль скоро противоположно оно рождению, — которое противоположно небытию, — было разлагаемо и разложимо до бесконечности, то небытие и конец оказались бы сообразны разлагаемости и разложению, что абсолютно невозможно. Тем самым убедился Любящий, что Возлюбленный его являет собой вечное рождение.

268. Если бы ложью был тот факт, что Любящий может любить Возлюбленного еще больше,

то правда заключалась бы в том, что Любящий не может любить Возлюбленного так, как он его любит; если бы все это было так, то из этого следовало бы, что ограничены возможности Любящего в истине и совершенстве и безупречен он был бы в несовершенстве и лжи.

269. Прославляя Любящий своего Возлюбленного и говорил, что, коль скоро Возлюбленный его столь могуществен в совершенстве и столь беспомощен в несовершенстве, то из этого следует, что Возлюбленный его — сама реальность во всем своем существе и своих проявлениях. А пока прославляя Любящий своего Возлюбленного, открылась ему природа Возлюбленного, явленная в Троице.

270. Признал Любящий в цифрах *один* и *три* бóльшую гармонию, чем в иных цифрах, ибо движение всего сущего от небытия к бытию соответствует этим цифрам. И поэтому признал Любящий единство и триипостасность своего Возлюбленного в наивысшей гармонии цифр.

271. Славил Любящий могущество, мудрость и волю своего Возлюбленного, сотворившего все сущее, за исключением греха, существование которого было бы невозможно, не будь могущества, мудрости и воли Возлюбленного, но который не обязан своим существованием могуществу, мудрости и воле Возлюбленного.

272. Славил и любил Любящий своего Возлюбленного, ибо своим существованием обязаны ему были он и все сущее в мире, и еще потому славил он его и любил, что сотворил он его по своему облику и подобию. Спрашивается, какая хвала и любовь значимее и достойнее.

273. Решила проверить любовь мудрость Любящего; и спросила его, сотворив или воссоздав, одарила его Возлюбленный большей любовью. Заколебался Любящий, но вскоре ответил, что, воссоздав, его научили уклоняться от несовершенства, а создав, даровали ему блаженство. Спрашивается, какая любовь была сильнее.

274. От двери к двери шел Любящий и просил милостыню, дабы любовь к Возлюбленному не умирала в сердцах его слуг и дабы идти дорогой самоуничижений, нищеты и долготерпения, для Возлюбленного — лучшей из дорог.

275. Просили Любящего отпустить грехи тем, кто любит его Возлюбленного; а Любящий не только грехи отпустил, но всего себя и все свое состояние дал в придачу.

276. Со слезами на глазах живописал Любящий страсти и муки, которые претерпел Возлюбленный из-за любви; с горечью и прискорбием заносил он эти слова на бумагу; а утешали его сострадание и надежда.

277. Спал Любящий, когда навестили его Возлюбленный и любовь. Окликнул Возлюбленный Любящего, а любовь его разбудила. Повиновался Любящий любви и отозвался на зов Возлюбленного.

278. Обучал Возлюбленный Любящего любви, любовь учила его избегать опасности; а терпение наставляло его, как выносить муки от любви к тому, в услужение которому он добровольно себя отдал.

279. Спрашивал Возлюбленный людей, не видели ли они Любящего, и просили люди описать Любящего; ответил Возлюбленный, что

Любящий отважен и робок, богат и беден, весел и грустен, задумчив и сохнет на глазах от любви.²²

280. Спросили Любящего, не продаст ли он своего желания; и ответил, что он его уже продал за такую сумму, что за эти деньги можно было бы купить весь мир.

281. «Проповедуй, безумец, доноси до людей слова своего Возлюбленного. Рыдай, постись!» Оставил Любящий мир, ушел на поиски своего Возлюбленного и прославлял его везде, где сам находил хулу и обиду.²³

282. Строил и возводил Любящий прекрасный город, достойный своего Возлюбленного. Любовью, думами, стонами, слезами и муками возводил его; блаженством, надеждой и набожностью украшал его; верой, справедливостью, здравомыслием, мужеством и неприхотливостью его укреплял.

283. Напился Любящий любовью из источника, в котором Возлюбленный омыл ноги Любящему, слишком часто забывавшему его достоинства и пренебрегавшему ими. И поэтому мир пребывает в грехе.

284. «Скажи, безумец, что такое грех?» Ответил: «Намерение, обратное и противоположное конечному намерению и причине, заставившей Возлюбленного сотворить мир».

285. Понял Любящий, что мир сотворен таким образом, что вечность скорее соответствует Возлюбленному, величие и совершенство природы которого бесконечны, чем миру, представляющему собой исчислимое множество. Тем самым понял Любящий высшую справедливость

того, что вечность его Возлюбленного превосходит время и исчислимое множество.

286. Заступился Любящий за своего Возлюбленного перед теми, кто доказывал, что мир вечен, и сказал им, что справедливость Возлюбленного была бы ущербна, если бы не отдавал он каждой душе именно ей принадлежавшее тело, возвращаясь тем самым к первоначальному месту и веществу; да и мир, будучи вечным, лишился бы конечной цели; следовательно, не были бы безупречными воля и мудрость Возлюбленного.

287. «Ответь, безумец, откуда ты знаешь, что католическая вера истинна, а верования евреев и сарацинов зиждятся на заблуждениях и ошибках?» Ответил: «Из десяти положений, изложенных в „Книге о язычнике и трех мудрецах“». ²⁴

288. «Скажи, безумец, в чем заключается мудрость?» Ответил: «В набожности и вере, по ступеням которых разум восходит к осознанию таинств моего Возлюбленного». — «А в чем заключаются набожность и вера?» Ответил: «В моем Возлюбленном, который озаряет веру и воспламеняет набожность».

289. Спросили Любящего, что весомее: осуществимость или неосуществимость. Ответил: «Осуществимость весомее в творении, а неосуществимость — в Возлюбленном, ибо осуществимость соответствует замыслу, а неосуществимость — реальности».

290. «Скажи, безумец, что весомее: многообразие или соответствие?» Ответил: «За исключением самого Возлюбленного, многообразие весомее во множестве, а соответствие — в един-

стве. Но в самом Возлюбленном нет разницы между многообразием и единством». ²⁵

291. «Скажи, влюбленный, к чему стоит стремиться?» Ответил: «К тому, что чуждо устремлениям этого мира и низким помыслам тщеславных влюбленных, к недостойным целям устремляющихся».

292. «Скажи, безумец, встречал ли ты умалишенного?» Ответил, что он знает одного епископа, у которого много серебряных кубков, блюд и тарелок, а в покоях его много одеяний и роскошное ложе, и сундуки его ломятся от денег; но мало бедняков стучится в двери его дома.

293. «Скажи, безумец, знаешь ли ты, что есть предательство?» — «Мысли о подлости». — «А что есть преданность?» — «Трепет перед моим Возлюбленным, порожденный благочестием и застенчивостью, трепещущей от людской хулы». — «А что есть высокая честь?» — «Размышлять о моем Возлюбленном, мечтать о нем и чествовать его».

294. Муки и страдания, которые претерпевал Любящий от любви, внесли в его душу сомнение и смуту; и воззвал к нему Возлюбленный своими достоинствами и надеждами, объяснив ему, что мало он знал о любви, коль скоро зависел он от радостей и печалей. И зарыдал Любящий, и раскаялся, и просил Возлюбленного вернуть ему свою любовь.

295. «Безумец, скажи, что есть любовь?» Ответил, что любовь это сила, ввергающая свободных в рабство, а рабам дарящая свободу. Неясно лишь, чему любовь отвечает больше, свободе или неволе.

296. Окликнул Возлюбленный Любящего, и ответил на его зов Любящий: «Чем могу я служить тебе, Возлюбленный, очи моих очей, дума моих дум, совершенство моих совершенств, любовь моей любви и, наконец, основа моих основ?»

297. «Возлюбленный, я иду к тебе и с тобой, ибо зовешь меня. Иду созерцать созерцание, в твоём созерцании созерцаю. В твоей добродетели пребываю, благодаря твоей добродетели иду, черпая в ней свою добродетель. Славлю тебя во славу тебе, тем самым себя прославляя, в словословиях тебе, которыми надеюсь заслужить вечную славу в благословении твоего благословения, в котором ниспослано мне благословение моих благословений».²⁶

298. «Недосягаем ты, Возлюбленный, в своей недосягаемости, к которой благодаря тебе влекутся мои чувства, увлеченные влечением к недосягаемому, увлекающим разум мой воспоминаниями, влекомыми вовлеченностью в тебя, дабы познать твои достоинства и дабы любовное влечение овладело чувствами, а памяти было ниспослано высочайшее воспоминание».

299. «Возлюбленный, ты слава моей славы, и своей славой ты прославляешь, славя, мою славу, слава которой — в твоей славе. Благодаря этой твоей славе оборачиваются для меня славой как муки и страдания, ниспосланные мне, дабы пекся я о твоей славе, так и радости и сладкие грезы, даруемые твоей славой».

300. «Возлюбленный, в темнице любви заточен я любовью любованья тобой, возлюбив твою любовь, в твоей любви, твоей любовью. Ибо нет

в тебе ничего, помимо любви, в которой я обречен на одиночество, взлелеянный твоей любовью и твоим величием. Ибо одинок ты в моем одиночестве, одиноком наедине со своими мыслями, дабы твое одиночество, одинокое в отдавании почестей, нашло бы меня одиноким и готовым чтить его достоинства, не опасаясь, что одиноким застанут меня нечестивые со своей любовью».

301. «Возлюбленный, ты утешение моего утешения, ибо утешает оно и ободряет, утешая, мои горькие думы, — утешение в моих печалях и невзгодах, алчущих твоего утешения, ибо не одаряешь ты своим утешением невежд, но и ведающих о твоем утешении не поддерживаешь в их стремлении возвеличивать твое величие».²⁷

302. Жаловался Любящий Господу на своего Возлюбленного, а Возлюбленному жаловался на Господа. Спрашивали тогда Господь и Возлюбленный: «Что отличает нас, неотторжимых и неотличимых, друг от друга?» И ответил им Любящий и сказал, что отличает их милосердие Господа и претерпеваемые Возлюбленным муки.

303. Потерпел кораблекрушение Любящий в бескрайнем море любви и воззвал к своему Возлюбленному, который поддержал его муками, печалями, слезами, стонами, вздохами и невзгодами, ибо любовью и хвалой наполнилось море.

304. Ликовал Любящий, сознавая, что существует его Возлюбленный, ибо, благодаря его бытию, изменилось все его существо, призванием которого отныне стало служение и прославление бытия его Возлюбленного, сущность кото-

рого ничем сущим на земле не может быть нарушена, оскорблена, искажена или приуменьшена.

305. «Возлюбленный, твое величие возвеличивает мои томления, мои печали и мои страдания; ибо столь велик ты, что величавым становится каждый, кто отдал тебе свои чувства, разум и волю; и твое же величие измельчает все то, что живет вопреки твоим достоинствам и твоим заветам».

306. «Во веки веков мой Возлюбленный возникает, возник и возникнет; и во веки веков мой Возлюбленный не возникает, не возник и не возникнет. И нет противоречия в этом противоречии, ибо вечен мой Возлюбленный и триедин».

307. «Един мой Возлюбленный, и в его единстве объединены единой волей все мои печали и мои надежды; любые единства и любые множества приемлет единство моего Возлюбленного; а множественность моего Возлюбленного приемлет любые множества и любые единства».

308. «Высочайшим благом является благо моего Возлюбленного, в котором сокрыто благо моего блага; ибо Возлюбленный мой — это благо, не нуждающееся в каком бы то ни было ином благое; будь иначе, одно благо во мне перевесило бы другое. А коль скоро это не так, то отсюда следует, что благо мое в этой жизни состоит в том, чтобы прославлять высочайшее благо».

309. «Если ты, Возлюбленный, видишь во мне грешника, будь милостив и терпелив. А коль скоро то, что ты видишь в себе самом, лучше меня, я вижу в тебе всепрощение и любовь,

ибо ты учишь меня раскаянию, скорби и алканию смерти ради прославления твоих достоинств».

310. «Твое могущество, Возлюбленный, несет мне спасение благоволением, милосердием и всепрощением, но оно же заслуженно обрекает меня на муки из-за тяжести моих грехов. Вершит твое могущество свою волю во мне; в осуждении ли, в спасении, но свершается совершенство».

311. «Возлюбленный мой! Проступает истина в раскаянии моего сердца и увлажняются мои глаза слезами, ибо чувствам моим она не безразлична. А коль скоро истина твоя безупречна, чувства мои воспаряют, дабы прославлять твои достоинства, и низвергаются, дабы бичевать мои пороки».

312. «Нет правды в словах, что не было Возлюбленного, ложь, что Возлюбленного нет, ложь, что Возлюбленного не будет. А коль скоро это так, истина в том, что он был, есть и будет; а значит, нет правды в том, кто не верит в существование моего Возлюбленного, упорствуя в противоречии».

313. Сотворил Возлюбленный Любящего и стер его с лица земли. Воздал по заслугам Возлюбленный, отрыдал Любящий. Заново сотворил Возлюбленный Любящего и возвеличил его. Свершил Возлюбленный свое дело, и навечно остался Любящий рядом со своим Возлюбленным.

314. Заросшей дорогой,²⁸ усеянной переживаниями, воображением, раздумьями и порывами, шел Любящий в поисках своего Возлюблен-

ного; и сопутствовали ему, по воле его Возлюбленного, опасности и тревоги, дабы воспарили его раздумья и порывы к Возлюбленному, стремящемуся к тому, чтобы любовь влюбленных в него была высокой.

315. Жаждет Любящий бытия, вдохновленный совершенством своего Возлюбленного, и жаждет небытия, подавленный своим несовершенством. Неясно лишь, какой силе удастся взять в конце концов верх над Любящим.

316. «Простерт я, по твоей воле, Возлюбленный, между моею слабостью и твоим благом. И с твоей стороны находятся сострадание, снисходительность, смирение, всепрощение, добросердечие и возрождение, а с моей сгрудились раскаяние, постоянство и память, в обрамлении стонов, вздохов и рыданий, вызванных твоими Страстями».

317. «Возлюбленный, одаривший меня любовью: для чего ты меня сотворил, если не трогает тебя моя мольба? Для чего претерпел ты ради меня столько мучений, вынес крестную муку? Ты помог мне возвыситься, помоги же мне снова, Возлюбленный, воспарить, дабы зримо увидеть и отринуть грехи мои и пороки, поднявшись в мыслях как можно выше, где я мог бы лелеять, восхвалять и прославлять твои достоинства».

318. «Благодаря тебе, Возлюбленный, волен я отдавать должное твоим добродетелям или же пренебрегать твоими достоинствами, и волен ты множить свою любовь в моей воле».

319. «В дарованной тобой, Возлюбленный, свободе сокрыта опасность для моей воли. О

Возлюбленный! Не оставь Любящего, которого подстерегает опасность, и научи его подчинять свою свободную волю восхищению твоим величием, скорби и самоуничижению».

320. «Возлюбленный, ни одним грехом или пороком не обязан тебе Любящий, ни одной добродетели не было бы у него, не будь на то твоей доброй воли. А коль скоро ты для него являешься всем, не оставь его в его опасностях и печалях».

321. «О Возлюбленный мой, имя которого вмещает в себе и Бога и человека! В этом имени, Иисус Христос, возношу хвалу в тебе Богу и человеку; если же ты, Возлюбленный, позволил недостойному Любящему познать имя твое и возносить ему хвалу, зачем не облагодетельствуешь ты этим людей несведущих, невежество которых в отношении твоего имени, Иисус Христос, не простиралось так далеко, как у Любящего?»

322. Рыдал Любящий и говорил своему Возлюбленному: «О Возлюбленный! Не был ты скверным и скупым с Любящим, сотворив его, сотворив его заново и дав ему в услужение весь тварный мир. Да и мог ли бы ты, само воплощение свободы, быть скупым с Любящим на рыдания, муки, печали, мудрость и любовь, ибо ими восславил он твое величие. А поэтому, Возлюбленный, не откажи Любящему в долгой жизни, дабы долго получал он твои дары».

323. «Возлюбленный, раз помогаешь ты праведникам одолеть твоих смертельных врагов, помоги и мне окрепнуть в мыслях о твоём величии; раз помогаешь ты грешникам искупить свой грех, помоги и Любящему расстаться со

своей волей во имя твое и со своим телом, ступив на стезю мученичества во имя любви».

324. «Нет разницы для моего Возлюбленного между смирением, смиренством и смиренностью, ибо он — само смирение. И поэтому осуждает он гордыню, которая тщится приблизить к Возлюбленному тех, кто был столь взлелеян в этом мире смирением Возлюбленного; а гордыня облачила их в тщеславие, спесь и чванство».

325. Столь угодная Возлюбленному смиренность Любящего происходит от раскаяния; но также и от благоговения. И кто знает, какая из двух причин смирения Любящего любезнее сердцу Возлюбленного.

326. Любомилостивым был Возлюбленный с Любящим благодаря совершенству своему, но также и из-за сострадания к Любящему. И кто знает, какая из двух причин скорее заставила Возлюбленного отпустить Любящему его грехи.

327. «Пречистая, ангелы и святые возносили молитвы моему Возлюбленному; но стоило лишь мне вспомнить о заблуждении, в коем пребывает неблагодарностью опутанный мир, как тут же я вспомнил и о великой справедливости моего Возлюбленного, равно как и о великой неблагодарности его недругов».

328. Пестовал Любящий свою душу, дабы восходила она по ступеням человечности, прославляя божественную природу; и пестовал он ее, дабы нисходила она по ступеням божественной природы, прославляя человеческую природу Возлюбленного.

329. Чем глуше дорога, по которой пробирается Любящий к своему Возлюбленному, тем

светлее его любовь, а чем глуше его любовь, тем светлее его дорога. Поэтому как бы ни повернулась его судьба, во всем сопутствуют ему, благодаря его Возлюбленному, любовь, страдания, муки, блаженство и отрада.

330. Прорастает любовь из любви, печали — из бед и рыдания — из бед; проникает любовь в любовь, печали — в рыдания, а беды — во вздохи. И взирает Возлюбленный на Любящего, который претерпевает все эти муки ради любви.

331. Днем и ночью, богомольцами и паломниками шли к Возлюбленному чувства и воспоминания Любящего, а вернувшись, сберегли его облик и донесли его светозарность, благодаря которой крепнет в чувствах любовь.

332. Пытался Любящий в своем воображении облечь телесными формами и живописать облик Возлюбленного, а разумом пытался познать его духовную сущность, в то время как чувствами видел его во всем сущем и благоговел перед ним.

333. Купил Любящий день рыданий, заплатив за него днем печалей, и продал день любви, получив за него день страданий; и окрепли в нем любовь и печали.

334. Очутился Любящий в неведомом месте, и забыл он своего Возлюбленного, и передалось ему одиночество его жены, его детей и его друзей.²⁹ И вернулся он мыслями к Возлюбленному в поисках утешения, дабы не накатывали тоска и печаль, пользуясь его отсутствием.

335. Услышал Любящий глас Возлюбленного, который тут же предстал перед его мыслен-

ным взором, ибо радостью исполнились чувства, а память напомнила о добродетелях Возлюбленного и обещанных им благах.

336. Оскорбляли при Любящем его Возлюбленного, и открылась ему благодаря этим оскорблениям и справедливость Возлюбленного, и его долготерпение, ибо справедливость обрушивалась на оскорбителей, а долготерпение давало им надежду в раскаянии и покаянии. Спрашивается, какой из этих двух источников сильнее питал веру Любящего.

337. Занемог Любящий, и написал он по совету Возлюбленного заветание. Грехи и пороки заветал он раскаянию и покаянию, плотские утехи заветал презрению; очам заветал рыдания, сердцу — вздохи и любовь; разуму заветал облик своего Возлюбленного; памяти — муки, которые претерпел Возлюбленный ради любви; а делу своей жизни заветал спасение неверных, которых невежество обрекает на вечные муки.

338. Донесся до Любящего запах цветов, и вспомнилось ему зловоние скаредного богача, сластолюбца и неблагодарного гордеца. Наслаждался Любящий усадками, и открылись ему горечь преходящего обладания, вход в этот мир и выход из него. Ощутил Любящий сиюминутность радостей, а разум его осознал быстротечность этого мира и вековечность адских мук — удела тех, кто не устоял перед столь сладостными соблазнами этого мира.

339. Страдал Любящий от голода, жажды, жары, холода, нищеты, наготы, болезней и напастей; и умер бы он, если бы не вспомнил сво-

его Возлюбленного, который вылечил его надеждой, воспоминаниями, равнодушием к миру и презрением к поношениям толпы.

340. Расположено ложе Любящего между горечью и блаженством: с блаженством он засыпал, с горечью просыпался. Неясно лишь, где все же его место, ближе к горечи или к блаженству.

341. Засыпая, Любящий с возмущением думал о поношениях толпы; а проснулся в безмятежном состоянии духа, вспомнив о прославлении своего Возлюбленного. Спрашивается, кого Любящий стыдится больше: Возлюбленного или толпы?

342. Задумался Любящий о смерти и затрепетал, пока не вспомнил о граде своего Возлюбленного, воротами которого и входом в который служат смерть и любовь.

343. Жаловался Любящий Возлюбленному на то, что донимают его искушения. И ответил ему Возлюбленный, что благодаря искушениям у памяти есть возможность каждый раз заново обращаться к мыслям о Боге и о его достоиславных достоинствах.

344. Потерял Любящий драгоценность, которой очень дорожил, и вид у него был безутешный, пока не спросил его Возлюбленный, что для него дороже: утраченная драгоценность или мир, растворенный во всем творенье Возлюбленного.

345. Сокрушался во сне Любящий под бременем мук и страданий, сопряженных с его служением Возлюбленному, и опасался, что его деяния не выдержат этого груза. И разбудил его

Возлюбленный, дав ему понимание его собственных достоинств и могущества его Возлюбленного.

346. Пришла пора Любящему идти долгой дорогой, худой и извилистой; и суждено было ему нести тяжкий груз, который взваливает любовь на плечи влюбленных. И поэтому освободил Любящий свою душу от ненужных мыслей и сиюминутных радостей, дабы телу его легче было нести груз, а душа его без помех шла бы по этой дороге рядом с Возлюбленным.

347. Оскорбили однажды Возлюбленного в присутствии Любящего, который смолчал и не вступился за честь своего Возлюбленного. Спрашивается, чья вина больше: толпы, оскорблявшей Возлюбленного, или Любящего, смолчавшего и не вступившегося за своего Возлюбленного.

348. Укреплялся разум Любящего и любовью полнились его чувства, по мере того как созерцал он своего Возлюбленного. Неясно лишь, что для его разбуженной Возлюбленным памяти значило больше.

349. Неудержимо, хотя и с опаской, стремился Любящий в путь, дабы восславить своего Возлюбленного: неудержимость толкала его вперед, опаска держала на месте. Раздираемый на части этими чувствами, повстречал он рыдания и стоны, явившиеся к нему с приветом от его Возлюбленного. Спрашивается, что же именно упокоило Любящего в его Возлюбленном.

350. Вглядывался Любящий в себя самого, как в зеркало, в котором надеялся увидеть Возлюбленного, и вглядывался он в своего Возлюбленного, как в зеркало, в котором надеялся по-

знать самого себя. Неясно лишь, какое из двух зеркал было ближе его душе.

351. Теология, Философия, Медицина и Право повстречали Любящего, который спросил их о своем Возлюбленном. Теология зарыдала, Философия оробела, а Медицина и Право возликовали. Спрашивается, что объяснило их состояние Любящему, отправившемуся на поиски своего Возлюбленного.³⁰

352. Сокрушенно и горестно шел Любящий дорогами чувств и путями рассудка в поисках своего Возлюбленного. Спрашивается, какая из них оказалась самой короткой и на какой из них Возлюбленный предстал перед Любящим во всем своем великолепии.

353. В день Страшного суда велит Возлюбленный человеку по одну руку от себя положить то, чем наградил он его в этой жизни; а по другую — то, чем сам человек одарил этот мир, дабы стало ясно, какой безмерной любовью он был любим и какой из двух даров оказался более ценным и щедрым.

354. Чувство Любящего прониклось любовью к себе самому, и спросил его разум, возлюбив себя или возлюбив Возлюбленного, оно более уподобилось бы Возлюбленному, ибо никому не дано пылать к Возлюбленному большей любовью, чем та любовь, которой сам он себя одаряет. Спрашивается, какой ответ чувства показался бы разуму самым исчерпывающим.

355. «Скажи, безумец, какая любовь в живом существе может быть признана самой безмерной и самой великой?» Ответил: «Та, в которой Любящий сливается с Творцом». — «Почему?» —

«Потому что бoльшим величием Творец не может наделить живое существо».

356. Однажды, когда Любящий молился, он вдруг заметил, что его глаза сухи; тогда попытался он вызвать слезы, вспоминая о деньгах, о женщинах, о детях, об яствах и о всяких суетных вещах; и заметил он, что у всего этого верных слуг неизмеримо больше, чем у его Возлюбленного. И тогда слезы подступили к глазам, а горечь и скорбь овладели сердцем.

357. Брел по дороге Любящий, погруженный в раздумья о своем Возлюбленном, и наткнулся он на толпу людей, жаждавших новостей; Любящий же, наслаждаясь близостью со своим Возлюбленным, не придал значения их вопросам, сказав, что не будет им отвечать, дабы не нарушить своего единения с Возлюбленным.

358. Проникся Любящий любовью и облачился в любовь и отправился на поиски своего Возлюбленного. Спросила его любовь: «Влюбленный, куда ты держишь путь?» Ответил: «К Возлюбленному, дабы росло твое могущество».

359. «Скажи, безумец, что есть религия?» Ответил: «Чистота помыслов, жажда смерти во имя моего Возлюбленного и готовность отринуть мир, дабы ничто не мешало созерцать его и славить его достоинства».

360. «Скажи, безумец, что такое страдания, муки, стоны, рыдания, горести и испытания Любящего?» Ответил: «Блаженство для Возлюбленного». — «Почему?» — «Потому что таят они для Возлюбленного отраду, а для Любящего награду».

361. Спросили Любящего, чья любовь беспрельнее: Любящего, полного жизни, или

Любящего, близкого к смерти. Ответил, что Любящего, близкого к смерти. «Почему?» — «Потому что в том, кто живет любовью, любовь еще может расти, и лишь в том, кто от любви умирает, ей положен уже предел».

362. Встретились двое Любящих. Один проповедовал Возлюбленного, другой его познавал. Спрашивается, кто из них был ближе к Возлюбленному. И разрешился спор в Любящем, который, проповедуя Троицу, пришел к ее познанию.

363. «Скажи, безумец, зачем такая изощренность в твоих речах?» Ответил: «Затем, чтобы возвысить разум до понимания величия моего Возлюбленного, дабы славил, любил и ублажали его люди».

364. Пьянел Любящий от вина, заставлявшего его вспоминать, познавать и любить Возлюбленного. А Возлюбленный разбавлял это вино своими рыданиями и слезами Любящего.

365. Любовь воспламеняла Любящего воспоминаниями о Возлюбленном, а Возлюбленный гасил его пыл рыданиями и слезами, отказом от соблазнов и забвением тщеты этого мира. И росла любовь в Любящем, вспоминавшем того, кому обязан он был горестями и страданиями и ради кого претерпевали люди гонения и муки.

366. «Скажи, безумец, что есть мир?» Ответил: «Темница, в которой томятся влюбленные и верные слуги моего Возлюбленного». — «А кто посадил их в темницу?» Ответил: «Самопознание, любовь, трепет, отречение, покаяние и соседство подлого люда; и не награда ждет за эти мытарства, а вечная кара».

КНИГА О РЫЦАРСКОМ ОРДЕНЕ

Господь, всеблагой и преславный, все сущее в себе заключающий: в милости Твоей и благоволении берет начало сия книга, повествующая о *рыцарском ордене*.

ПРОЛОГ

1. Подобно семи планетам,¹ которые суть тела небесные, а посему опекают и направляют тела земные, я разделил мою «Книгу о рыцарстве» на семь частей,² памятуя о том, что рыцари наделены превосходящими простолюдинов положением и достоинством, дабы управлять ими и заботиться о них. В первой части речь пойдет о предназначении рыцарства. Во второй — об обязанностях рыцарства. В третьей — об испытании, которому должно подвергнуть оруженосца, вознамерившегося стать рыцарем. В четвертой — об обряде посвящения в рыцари. В пятой — о символике рыцарского вооружения. В шестой — о рыцарских обычаях и нравах. В седьмой — о почестях, которые надлежит воздавать рыцарю.

2. Случилось как-то в одной стране, что некий мудрый рыцарь,³ который долгие годы поддерживал рыцарский орден своей дерзновенной и беспримерной доблестью и которого долго хранила мудрая судьба во славу рыцарства во время войн и турниров, штурмов и битв, задумавшись над тем, что дни его сочтены и что для ратных дел он по старости уже не годится, решил отныне вести жизнь отшельника. Он отказался от своих имений, оставив их детям, уединился в густом лесу, обильном источниками и плодоносящими деревьями, построил себе шалаш и удалился от мира, дабы телесная дряхлость, вызванная старостью, не обесчестила того, чью честь мудрая судьба столь долго хранила. И задумался рыцарь о смерти, размышляя о времени, стремительно текущем из века в век, и понял он, что близок к объяснению всего происходящего.

3. В лесной чаще, в которой поселился рыцарь, была живописная поляна, которую украшало древо, все усыпанное плодами. Неподалеку от этого древа протекал ясный, сверкающий ручей, питавший влагой поляну и все растущие окрест деревья. Рыцарь имел обыкновение посещать ежедневно этот уголок, дабы возноситься мыслями и молитвами к Господу, которому он воздавал хвалу за ту неизъяснимую благодать, коей был осенен на протяжении всей своей жизни.

4. Как-то ранней весной некий достославный король,⁴ преисполненный достоинств и добродетелей, созвал свой двор. Привлеченный громкой славой, которой пользовался двор этого короля,

решил отправиться к нему некий достойный оруженосец, один, без попутчика, верхом на своем коне, вознамерившись быть посвященным в рыцари; и так утомился он в пути, что, сидя в седле, задремал. В это же самое время рыцарь, уединившийся в лесной чаще для покаяния, пришел по обыкновению к источнику, дабы, отрешившись от тщеты сего мира, созерцать Господа.

5. Воспользовавшись тем, что оруженосец заснул, его конь свернул с дороги, углубился в лес и брел по нему по своему усмотрению, пока не оказался у ручья, где рыцарь пребывал в молитве. Как только рыцарь увидел оруженосца, он прервал молитву, устроился в тени дерева на живописной поляне и погрузился в чтение книги, которую носил с собой в сутане. Конь стал пить из источника воду, а дремавший доселе оруженосец, почувствовав, что конь остановился, проснулся и увидел перед собой рыцаря, старого годами, длиннобородого, с длинными прядями волос и в рваной одежде; от суровой аскезы был он изможден и худ; от непрерывных рыданий поблекли его глаза, да и весь его облик выдавал в нем человека праведной жизни. Велико было их удивление, когда узрели они друг друга, ибо рыцарь долгое время, с тех пор как оставил он свет и расстался с оружием, провел в уединении; а оруженосец дивился тому месту, в котором он очутился.

6. Спешился оруженосец, почтительно приветствуя рыцаря, и отвечал ему рыцарь со всей возможной учтивостью, и расположились они на мягкой траве друг против друга. Догадался ры-

царь, что оруженосец, оказывая ему честь, не хочет говорить первым, и сказал:

— Друг мой, каковы ваши планы, откуда вы путь держите и зачем вы сюда прибыли?

— Господин мой, — ответил оруженосец, — пронесся слух, что один достославный король вознамерился устроить великое празднество, дабы во время оно не только самому вступить в рыцарский орден, но посвятить в рыцари и других баронов — своего королевства и запредельных стран; потому-то я и направляюсь к его двору, дабы быть посвященным в рыцари. А в этом уединенном месте я оказался благодаря моему коню, который забрел сюда, пока я спал, смиренный многодневной усталостью.

7. Стоило лишь рыцарю услышать о рыцарстве, как вспомнил он о рыцарском ордене и обо всем том, что связано с рыцарями, вздохнул он и глубоко задумался, памятуя о высокой чести, которая была ему, благодаря его многолетней принадлежности к рыцарству, дарована. И спросил оруженосец рыцаря, погрузившегося в воспоминания, о чем задумался он. Рыцарь ответил:

— Сын мой, я думаю о рыцарском ордене и о высоком предназначении рыцаря, призванного поддерживать славу рыцарства.

8. Оруженосец попросил рыцаря поведать ему о рыцарском ордене и о назначении человека сохранять и приумножать славу, дарованную ему Господом.⁵

— Что слышу я, сын мой! — воскликнул рыцарь, — тебе неизвестно, в чем заключаются обычаи и установления рыцарства? Как же ты мо-

жешь мечтать о рыцарстве, если не имеешь представления об установлениях рыцарства? Ибо невозможно быть опорой ордена, о котором не имеешь представления, равно как нельзя и любить орден и все, что с ним связано, если неведом тебе сам орден и все те козни, которые против ордена замышляются. И ни один рыцарь, не сведущий в рыцарстве, не смеет посвящать в рыцари, ибо беспутен тот рыцарь, который напутствует другого рыцаря и наставляет его в рыцарских устоях и обычаях, сам не имея о них представления.

9. Выслушав упреки и порицания рыцаря оруженосцу, вознамерившемуся стать рыцарем, оруженосец сказал рыцарю:

— Господин мой, если бы вы сочли возможным просветить меня в устоях рыцарства, полагаю, что я вполне способен был бы их усвоить и следовать рыцарским обычаям и установлениям.

— Друг мой, — сказал ему рыцарь, — обычаи и установления рыцарства заключены в этой книге, которую я время от времени перечитываю, дабы не забывать о милости и благорасположении, которыми Господь меня одарил, ибо ко славе и процветанию рыцарского ордена я приложил немало сил; и если рыцарь всем, что ни есть в нем, обязан рыцарству, то и сам он должен быть готов пожертвовать всем ради рыцарства.

10. Рыцарь протянул книгу оруженосцу; и, прочитав ее, тот понял, что рыцарь — это один из тысячи, избранный, которому предначертан наиблагороднейший удел; осознал он устои и

обычай рыцарства и, поразмыслив немного, сказал:

— Хвала Создателю за то, что привел он меня вовремя в это место, где открыли мне глаза на рыцарство, к которому я столь долго стремился, не ведая ни благородства его установлений, ни славы, которой Господь одарил всех тех, кто принадлежит к рыцарскому ордену.

11. «Дорогой друг, — сказал рыцарь, — дни мои сочтены, недолго мне осталось жить; и если книга эта предназначена для того, чтобы вновь утвердились на земле благочестие, верность и устои, которые должны воцариться, дабы мог рыцарь поддерживать свой орден, возьми, сын мой, эту книгу ко двору, к которому ты направляешься, и просвети с ее помощью всех тех, кто вознамерился стать рыцарем; храни ее хорошенько, ибо теперь ты ее обладатель, если только тебе дорог рыцарский орден. А когда ты уже будешь посвящен в рыцари, заверни в наши края и поведай мне о тех, кто, став рыцарями, не подчинился рыцарскому уставу».

12. Рыцарь благословил оруженосца, и оруженосец взял книгу, сердечно попрощался с рыцарем и, сев на коня, в веселом расположении духа отправился на празднество. Прибыв ко двору, он поведал о книге, показав ее благочестивому королю и всем его приближенным, и добился того, что всякий, кто мечтал быть посвященным в рыцари, мог переписать книгу, дабы каждый раз, перечитывая ее, вспоминать о рыцарском ордене.

Часть I

О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ РЫЦАРСТВА

1. Иссякли в мире милосердие, преданность, справедливость и правда;⁶ утвердились враждебность, вероломство, несправедливость и ложь, замешательством и смятением был охвачен народ Христов, который был призван к тому, чтобы любить, познавать, превозносить и бояться Господа.

2. В мире, в котором не оставалось места милосердию, попранной оказалась справедливость, и тогда она была вынуждена для восстановления своего достоинства прибегнуть к помощи страха; ради этого весь народ был поделен на тысячи, а из каждой тысячи был избран и выделен один,⁷ самый обходительный, самый мудрый, самый преданный, самый сильный и превосходивший всех благородством, просвещенностью и учтивостью.

3. Среди животных было выбрано животное самое красивое, самое быстрое и самое выносливое, наиболее приспособленное к тому, чтобы служить человеку; а коль скоро конь — самое благородное из всех животных, способное как нельзя лучше служить человеку, то его и решили предоставить человеку, выбранному среди других людей, и назвали этого человека рыцарем.⁸

4. Едва лишь наиболее благороднейший человек был обеспечен наиболее благороднейшим животным, возникла необходимость снабдить его достойными доспехами, пригодными для сражений и спо-

собными предохранить от ран и от смерти; и такие доспехи были найдены и вручены рыцарю.

5. Следовательно, кто вознамерился стать рыцарем, должен задуматься и поразмыслить над высоким предназначением рыцарства; желательно, чтобы душевное благородство и надлежащее воспитание были в согласии с предназначением рыцарства, иначе рыцарь вступит в вопиющее противоречие с рыцарским орденом и его принципами. Ибо не следует рыцарскому ордену пятнать свое доброе имя, пополняясь врагами и людьми, жизненные принципы которых ему враждебны.

6. Между любовью и трепетом царит согласие, равно как царит оно и между враждой и пренебрежением; поэтому люди, отдавая должное душевному благородству, изысканности манер и той высокой чести, которой рыцарь был удостоин, будучи избран и наделен конем и доспехами, станут любить его и трепетать перед ним; и тогда вместе с любовью вернутся в мир милосердие и доброжелательность, а вместе с трепетом вернутся правда и справедливость.

7. Мужчина, наделенный от природы более глубоким и обширным умом, чем женщина, и превосходя ее силой, может быть лучше женщины; ибо если бы он уступал ей в этом, получалось бы, что доброта и мощь не имеют ничего общего с великодушием и добрыми делами. Отсюда следует, что мужчине не только в большей степени, чем женщине, предначертано быть добрым и великодушным, но он более, чем женщина, предрасположен и к вероломству; ибо не будь так, не был бы он достоин больших высот в

великодушии и не проявлял бы большей душевной щедрости, чем женщина.

8. Хорошенько задумайся, оруженосец, что тебя ждет на поприще рыцарства; ибо если ты станешь рыцарем, то свяжешь себя и славой, и служением, сопряженными с друзьями рыцарства; чем выше твои добродетели, тем безусловнее твой высокий долг перед Богом и людьми; если же ты поступаешь вероломно, то становишься смертным врагом рыцарства, чуждым его принципам и его славе.

9. Столь высоки достоинства рыцарского ордена, что не только вступают в него наилучшие люди, обладающие наилучшими конями и наилучшим оружием, но стало само собой разумеющимся, что люди, принадлежащие к рыцарскому ордену, становятся сеньорами. И если быть господином столь почетно, а рабом столь прискорбно, то можешь себе представить, сколь унижительно для твоих добропорядочных подданных или соратников сознавать, что ты, принадлежа к рыцарскому ордену, был подлым и низким; ибо твоя низость выдавала бы в тебе скорее подданного и недостойн ты был бы принадлежать к отмеченным благородством рыцарям.⁹

10. Быть избранным, иметь коня, доспехи и быть господином еще недостаточно для того, чтобы претендовать на высокую честь принадлежности к рыцарству, ибо рыцарь нуждается также в оруженосце и стремянном, которые заботились бы о нем и о его конях. Необходимо также, чтобы кто-то пахал, перекапывал землю и выпалывал сорняки, дабы давала она плоды,

которыми питаются рыцарь и его кони; следует ему также ездить верхом, вести жизнь сеньора и находить усладу в том, что приносит тяготы и заботы его подданным.

11. Доктриной и учением вооружены клирики, дабы с готовностью и со знанием дела любить, познавать и славить Господа и его творение, просвещать истинным учением народ и давать ему пример любви и прославления Господа; а поскольку миссия эта требует знаний и подготовки, они обучаются в школах. Тем самым ясно, что как клирики, отличаясь целомудренной, достойной подражания жизнью и большими познаниями, призваны своим орденом к тому, чтобы склонять людей к благочестию и добродетельной жизни, так и рыцари, оправдывая свое предназначение душевным благородством и мощью своей длани, принадлежат к ордену, призванному к тому, чтобы держать людей в страхе, дабы не осмеливались они совершать преступления друг против друга.

12. Наука и школа рыцарства предписывают рыцарю позаботиться о том, чтобы сын его в юном возрасте был обучен верховой езде, ибо, не овладеет он этим искусством в юности, в старости он им уже не овладеет. Необходимо также, чтобы сын рыцаря, будучи оруженосцем, научился ухаживать за конем; желательно также, чтобы сын рыцаря, прежде чем стать господином, побывал в подчиненных и привык прислуживать господину, ибо как же иначе, став рыцарем, узнал бы он, в чем заключается достоинство сеньора. Поэтому следует рыцарю отдать своего сына в услужение к другому рыцарю, да-

бы научился он прислуживать за столом и в походе,¹⁰ равно как приобрел иные рыцарские навыки.

13. Подобно тому, как желающий стать плотником должен поступить в подмастерья к плотнику, а желающий стать сапожником поступить в подмастерья к сапожнику, тот, кто искренне помышляет о рыцарском ордене, должен поступить в услужение к рыцарю; ибо если бы оруженосец, вознамерившийся стать рыцарем, осваивал бы науку рыцарства у кого бы то ни было, но только не у рыцаря, это было бы столь же несуразно, как если бы плотник обучал тонкостям своего ремесла того, кто готовится стать сапожником.

14. Так же как у судейских, лекарей и клириков есть ученые книги и посещают они лекции и обучаются своим наукам, и в рыцарском ордене было бы недостаточно лишь на практике обучать оруженосца заботиться о коне, служить своему господину, ратоборствовать вместе с ним и прочее, но желательнее было бы обучать рыцарской науке в специальных школах, и чтобы наука эта была описана в книгах, и чтобы она преподавалась, подобно иным наукам, и чтобы сыновья рыцарей сначала обучались бы азам рыцарской науки в школах, а затем становились оруженосцами и следовали за рыцарями в их походах.

15. Если не будет недостатка в клириках и в рыцарях, все будет в порядке и с остальными людьми; ибо благодаря клирикам они проникаются благочестием и любовью к Господу, а благодаря рыцарям остерегаются совершать пре-

ступления друг против друга. Отсюда следует, что если клирики, совершенствуясь в своем деле, посещают школы, где в их распоряжении имеются учителя и науки, и если столько наук изложено в письменном виде, вопиющей несправедливостью по отношению к рыцарской науке является тот факт, что она не удостоена до сих пор чести быть оформленной в виде доктрины для преподавания в школах,¹¹ подобно иным наукам. Исходя из всего вышеизложенного, автор этой книги обращается к королю и его придворным, собравшимся, чтобы воздать должное рыцарству, и просит он их воспользоваться его трудом к вящей славе рыцарского ордена, столь любезного Господу.

Часть II

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ РЫЦАРЯ

1. Обязанности рыцаря вытекают из тех целей и задач, которые перед рыцарским орденом поставлены. Отсюда следует, что если рыцарь не выполняет возложенных на него обязанностей, то он вступает в вопиющее противоречие как с орденом, так и с его предназначением, о котором выше шла речь; ввиду помянутого противоречия он не является истинным рыцарем, хотя бы он и носил это имя; подобный рыцарь достоин большего презрения, нежели ткач или трубочник, выполняющие свои обязанности.

2. Рыцарь обязан поддерживать и защищать святую католическую веру, ради которой Бог

Отец послал своего Сына воплотиться через Пресвятую Деву Марию, Владычицу, и восславить веру, приняв многие унижения, страдания и мученическую смерть. Отсюда следует, что, подобно тому как Господь Бог возложил на клириков обязанность поддерживать святую веру Священным писанием и послушничеством, донося ее до неверных с таким пылом, чтобы те были готовы умереть за нее, Вседержитель обязал рыцарей силой оружия покорять и подавлять неверных, неустанно пытающихся разрушить Святую Церковь. Вот почему Господь и на этом и на том свете воздает должное рыцарям за то, что ревностно отстаивают они дело Божье и веру, которой мы все спасемся.

3. Рыцарь, верующий, но пренебрегающий обрядами, не имеет ничего общего с теми, кто крепок в вере, и подобен он тем, кого Господь наделил разумом, но кто ведет себя по своему разумению¹² и безрассудно. Отсюда следует, что тот, кто верует, но склоняется к безверию, вознамерился спастись вне веры; тем самым надежды его коренятся в неверии, которое противно вере и спасению; и за свое неверие человек этот будет осужден на вечные муки.

4. Много возможностей открыты Господом людям, готовым служить ему. И все же самых почетных, самых достойных, самых заветных — две: священничество и рыцарство; вот почему священник и рыцарь должны быть связаны теснейшими узами дружбы. Отсюда понятно, что как клирик, действующий вопреки установлениям рыцарства, нарушает установления духовенства, так и рыцарь, действующий

вопреки и во вред установлениям духовенства, призванного относиться с теплотой и участием к рыцарскому ордену, противостоит установлениям рыцарства.

5. Служение ордену заключается не только в том, чтобы быть преданными своему ордену, но и в том, чтобы быть преданными всем другим орденам. Поэтому преданность своему ордену и пренебрежение к чужому несовместимы с истинным служением, ибо по замыслу Всевышнего ордена находятся в согласии друг с другом. Отсюда следует, что как монах чужд своему ордену, если свой орден ему дорог, а чужой — нет, так и рыцарь чужд своему ордену, если свой орден ему дорог, а чужой ненавистен и отвратителен. Ибо если бы рыцарь, выполняя установления своего ордена, отторгал и уничтожал другой орден, получалось бы, что Господь и орден противны друг другу, что невозможно.

6. Обязанности рыцаря настолько благородны, что все рыцари должны были бы быть владельческими сеньорами; беда лишь, что на всех рыцарей владений не хватит. Подобно Творцу, который всему является господином, император должен быть рыцарем и господином для всех рыцарей; однако один он всеми рыцарями управлять не имеет возможности, поэтому помогать ему управлять рыцарским орденом должны монархи, которые, также будучи рыцарями, уступали бы ему по положению. Вассалами же монарха должны быть графы, кондоры, инфансоны¹³ и иные ступени в иерархии рыцарства; ниже всех располагаются рыцари-одноцитники

ки,¹⁴ находящиеся в подчинении вышеперечисленных категорий рыцарства.

7. Явным умалением величия, мудрости и власти Господа Бога, которому одному лишь дано править и владеть всем сущим, было бы наделение какого-либо рыцаря правом по собственной воле управлять всеми людьми, обитающими на нашей земле, ибо будь это так, величие, власть и мудрость Господа Бога не были бы столь безусловными. Вот почему Господь распорядился так, чтобы человечеством управляло немалое число рыцарей. Отсюда следует, что монарх или король, назначающие прокураторами, викариями и судьями людей, не имеющих чести быть рыцарями, наносят ущерб рыцарству, ибо у рыцаря, благодаря его предназначению, больше оснований, чем у кого бы то ни было, править людьми; ведь не секрет, что люди питают к нему, благодаря его высоким обязанностям, большее уважение, нежели к тем, кто этой чести не удостоен. Он наделен душевным благородством, свойственным ему как представителю своего ордена, а благодаря душевному благородству он меньше других предрасположен к злобе, к низким и подлым поступкам.

8. Обязанностью рыцаря являются поддержка и защита его природного господина, коль скоро ни монарх, ни король, ни иной высокородный барон не мог бы лишь собственными силами вершить справедливость среди вверенного ему народа. Отсюда следует, что, откажись весь народ или кто-то в отдельности выполнять распоряжения своего монарха или короля, рыцарь обязан встать на защиту своего господина,¹⁵ ко-

торый, пока он один, столь же беспомощен, как и любой другой человек. Иными словами, подлый рыцарь, который, вместо того чтобы помогать своему господину, будет помогать его подданным или же сам вознамерится стать господином и попытается низвергнуть своего господина, не выполняет обязанностей, ради которых он был посвящен в рыцари.

9. Рыцари обязаны отстаивать справедливость, ибо если судьи призваны устанавливать справедливость, то рыцари призваны справедливость отстаивать. В том же случае, если рыцарь будет до такой степени в ладах с науками, что овладеет знаниями, необходимыми для судьи, этому рыцарю следовало бы стать судьей; ибо тот, кто способен отстаивать справедливость, лучше других может ее и устанавливать; тем самым рыцарь вполне достоин быть судьей.

10. Рыцарь должен ездить верхом, участвовать в турнирах, биться на копьях, носить доспехи, всегда быть готовым к поединкам, пировать с равными себе, владеть мечом, охотиться на оленей, медведей, кабанов, львов, а также уметь многое другое в том же роде, что входит в обязанности рыцарей; ибо все это способствует тому, что рыцари привыкают к ратным делам и приучаются отстаивать рыцарские установления. Другими словами, пренебрегать тем, что позволяет рыцарю как нельзя лучше выполнять свои обязанности, означает пренебрегать рыцарским орденом.

11. Отсюда следует, что как все вышеперечисленные занятия свойственны телу рыцаря,

так и душе рыцаря свойственны справедливость, мудрость, милосердие, преданность, искренность, смирение, отвага, надежда, опыт и другие подобные этим добродетели. Таким образом, рыцарь, который с готовностью занимается тем, что присуще рыцарскому ордену и имеет отношение к его телу, но уклоняется от добродетелей, столь же присущих рыцарскому ордену, но свойственных душе рыцаря, враждебен рыцарскому ордену, ибо в противном случае получалось бы, что тело и рыцарство чужды душе и ее достоинствам, а это противно истине.

12. Рыцари обязаны поддерживать владения и угодья, ибо из-за страха перед рыцарями чернь не решается наносить им урон, равно как не решаются монархи и вельможи из-за страха перед рыцарями идти войной друг против друга. Однако подлый рыцарь, который отказывает в помощи своему истинному, природному господину, когда тот в ней нуждается, не достоин звания рыцаря и подобен вере без дел, а значит, безверию, которое противно вере. Иными словами, если бы мы признали, что поступки подобного рыцаря соответствуют рыцарскому ордену и его установлениям, получалось бы, что рыцарство и его орден находятся в противоречии с тем рыцарем, который, не жалея жизни, отстаивает справедливость, а также защищает и поддерживает своего господина.

13. Нет таких обязанностей, которые, будучи вмененными, не могли бы быть отменены; ибо в противном случае все сотворенное, будучи неподвластным исчезновению и разрушению, уподоблялось бы Богу, который не был создан и

не может быть уничтожен. Отсюда следует, что поскольку рыцарские обязанности были определены и предписаны Богом, а поддерживается рыцарский орден теми, кто ему предан и кто в него входит, то подлый рыцарь, выходящий из рыцарского ордена, разуверившись в нем, тем самым разрушает в себе самом рыцарственность.

14. Монарх или король, разрушающий в себе самом рыцарские установления, не только в себе самом разрушает свое рыцарское призвание, но и в тех рыцарях, которые ему подчинены и которые, следуя дурному примеру их господина, а также дабы угодить ему и походить на него, совершают поступки, противные природе рыцарства и его ордена. Поэтому подлые вельможи не только сами оказываются противны природе рыцарского ордена, но и вассалов своих от него отторгают, разрушая в них рыцарский дух. Отсюда следует, что если и одного рыцаря может отторгнуть от рыцарского ордена только очень низкий и подлый человек, то что же говорить о том, кто отторгнет от рыцарского ордена многих рыцарей!

15. О, сколь велика сила духа у того рыцаря, который побеждает и покоряет многих подлых рыцарей! Каковым рыцарем и является монарх или высокородный барон, столь преданный рыцарскому ордену, что, несмотря на неустанные советы злодеев, выдающих себя за рыцарей, опуститься до вероломства, предательства и обмана и тем нанести непоправимый урон своей рыцарственности, побеждает и рассеивает всех заклятых врагов рыцарства, полагаясь лишь на

свое душевное благородство да на поддержку, которую оказывают ему рыцарство и его орден.

16. Если бы рыцарство заключалось скорее в физической силе, чем в силе духа, получалось бы, что рыцарский орден имеет отношение прежде всего к телу, а не к духу; однако из этого следовало бы, что тело благороднее духа. Отсюда явствует, что, коль скоро душевное благородство не может быть поколеблено ни одним человеком, ни всеми людьми, вместе взятыми, а тело может быть сломлено и покорено другим телом, подлый рыцарь, бегущий с поля битвы и оставляющий на нем своего господина, спасая скорее свое полное сил тело, чем жалкую, подлую душонку, не отвечает установлениям рыцарства и не является верным слугой славному рыцарскому ордену, который зиждется на душевном благородстве.

17. Если бы рыцарскому ордену соответствовало скорее меньшее душевное благородство, чем большее, то тщедушие и низость скорее отвечали бы рыцарству, чем доблесть и сила духа; будь это так, тщедушие и низость определяли бы жизненные принципы рыцаря, а отвага и сила духа противоречили бы установлениям рыцарского ордена. А коль скоро это не так, то если ты, рыцарь, всей душой предан рыцарству, ты должен приучить себя к тому, что, чем менее у тебя осталось товарищей, оружия и провианта, тем крепче должны быть твоя отвага и твоя надежда, дабы осилить противников рыцарства. А если погибнешь ты, защищая рыцарство, значит, оно для тебя заключало то, что действительно стоит любить, чем стоит дорожить и чему

стоит служить; ибо именно в благородстве духа рыцарство находит свое пристанище. И никто так не любит, не славит рыцарства и так им не проникается, как тот, кто умирает за честь и за рыцарский орден.

18. Ничему так не соответствуют рыцарство и доблесть, как мудрости и здравомыслию; в противном случае в согласии с ними были бы глупость и невежество. Будь так, мудрость и здравомыслие, коль скоро они противоположны глупости и невежеству, были бы противны природе рыцарского ордена, что невозможно; ввиду этой невозможности ты, рыцарь, любовь которого к рыцарскому ордену безгранична, должен знать, что как рыцарство, благодаря твоему душевному благородству, наделяет тебя доблестью и отвагой, дабы славил ты рыцарство, так и рыцарский орден должен внушить тебе любовь к мудрости и здравомыслию, незаменимым для того, кто прославляет рыцарский орден вопреки разброду и ничтожеству мыслей вознамерившихся восславить рыцарство при помощи глупости и скудоумия.

19. Рыцари обязаны служить опорой вдовам, сиротам и убогим; ибо, как и вообще по природе вещей старшие должны помогать младшим и защищать их, рыцарский орден, по природе своей великий, прославленный и могущественный, должен служить поддержкой и опорой тем, кому отказано в достоинстве и могуществе. Отсюда следует, что если насиловать вдов, нуждающихся в помощи, или лишать наследства сирот, нуждающихся в попечителе, или грабить и разорять людей убогих и немощных, нуждающихся

в покровителе, отвечает установлениям рыцарского ордена, то подлость, обман, жестокость и предательство не противоречат рыцарскому благородству и чести рыцарства. А если это так, то такой рыцарь и его орден противны природе и принципам рыцарского ордена.

20. Если ремесленнику Господь дал глаза для того, чтобы он мог видеть и работать, то грешнику он дал глаза затем, чтобы он мог оплакивать свои грехи; точно так же рыцарю сердце дано для того, чтобы его душевное благородство имело в нем свое пристанище, достойному и могущественному рыцарю сердце дано для того, чтобы нашлось в нем место для сострадания и сочувствия, для помощи и опеки, чтобы обратил он свой взор на тех, кто с надеждой и со слезами на глазах смотрит на рыцарей, ожидая от них помощи, защиты и внимания к своим заботам. Тем самым рыцарь, чьи глаза не замечают убогих, а сердце глухо к их заботам, истинным рыцарем не является и чужд рыцарскому ордену; ибо рыцарство по своей сути настолько благородно и величественно, что отторгает оно от ордена и от его благоденствий тех, чьи взоры тусклы, а сердца черствы.

21. Если бы предназначение рыцарства, столь всеми превозносимое, состояло в том, чтобы грабить и разорять бедных и убогих, соблазнять и насиловать вдов и других женщин, насколько же достойнее и благороднее было бы опекать и защищать сирот, вдов и убогих! Отсюда следует, что если бы мы признали подлость и лицемерие присущими рыцарскому ордену, столь всеми превозносимому, а обман, преда-

тельство и жестокость — теми качествами, которыми слава рыцарства и обеспечивается, насколько же достойнее рыцарства был бы тот орден, слава которого зиждилась бы на преданности, благодеянии, великодушии и милосердии!

22. Рыцарь обязан иметь замок и коня, дабы мог он охранять дороги и защищать крестьян. Рыцарь обязан иметь села и города, дабы отстаивать справедливость среди вверенных ему жителей и дабы собирать в одном месте плотников, кузнецов, сапожников, булочников, торговцев и людей иных профессий, занимающихся в этом мире своим делом, каждое из которых по-своему отвечает нуждам человека. Отсюда следует, что рыцари, именно для того, чтобы оказаться способными выполнять свои обязанности, обеспечены и замками, и селами, и городами; между тем, если бы обязанности рыцаря заключались в том, чтобы разрушать села, замки и города, сжигать и рубить леса и посевы, резать скот и грабить на дорогах, то изменой рыцарству было бы строить и создавать замки, крепости, села и города, защищать крестьян, содержать сторожевые башни для охраны дорог и многое в этом же роде; тем самым получалось бы, что цели, которые ставили перед собой при создании рыцарства, совпадали бы с изменой рыцарству и с его полной противоположностью.

23. Рыцари должны преследовать изменников, воров и грабителей; ибо подобно топору, который был создан для того, чтобы им рубили деревья, рыцарь призван истреблять дурных людей. Отсюда следует, что если сам рыцарь является грабителем, вором и изменником, а

грабители и воры должны истребляться и пленяться рыцарями, то рыцарь, являющийся вором, изменником и грабителем, дабы отвечать своему предназначению, должен не кого-либо другого, а самого себя убить или пленить; в том же случае, если бы он, со всей строгостью соблюдая свои рыцарские обязанности по отношению к другим, отказался со всей строгостью отнестись к самому себе, то и предназначение рыцарского ордена скорее бы распространялось на других людей, а не на него самого. В то же время коль скоро абсолютно неестественно, чтобы кто-либо сам себя убивал, то рыцаря, оказавшегося вором, изменником и грабителем, должен убить и уничтожить другой рыцарь. Рыцарь же, который укрывает и поддерживает рыцаря, оказавшегося изменником, грабителем и вором, не отвечает своему предназначению; ибо если бы он в этом случае ему отвечал, то, убивая и истребляя воров и изменников, не являющихся рыцарями, он действовал бы вопреки своему предназначению.¹⁶

24. Если болит у тебя, рыцарь, одна рука, то в другой твоей руке эта боль отдается куда острее, чем во мне или в любом другом человеке; точно так же порок и ущербность рыцаря, оказавшегося изменником, вором и грабителем, ты, будучи рыцарем, принимаешь ближе к сердцу, чем я, рыцарем не являющийся. Отсюда следует, что если твоя боль ближе тебе, чем моя, почему же снисходителен ты к рыцарю, уронившему достоинство рыцарства, и при этом беспощаден к простым людям, совершившим ошибки?

25. Рыцарь-вор совершает куда большее преступление против высокого достоинства рыцарства, когда лишает его чести и имени, чем тогда, когда ворует деньги и другие ценности; ибо лишить чести — это значит нанести урон и запятнать то, что достойно высших похвал и почестей. А поскольку цена чести и доброй славы выше, чем цена денег, золота и серебра, то, запятнав рыцарство, наносят куда больший урон, чем украв деньги и другие ценности, для рыцарства посторонние. В противном случае получалось бы, что либо цена человека ниже, чем цена денег и других вещей, либо что украсть одну монету преступнее, чем украсть много денег.

26. Если бы изменник, убивший своего господина, соблаздивший его жену и сдавший без боя его замок, считался бы рыцарем, то как назывался бы тот, кто умер бы, спасая честь и жизнь своего господина? И если господин расхваливает своего рыцаря-изменника, какие еще преступления тот должен совершить, дабы быть осужденным и наказанным? И если господин не заботится о чести рыцарского ордена, не ополчаясь против своего рыцаря-изменника, как еще ее поддержать? И если господин не преследует изменника, может ли он вообще преследовать кого-либо, и господин ли он вообще, хотя бы своим людям?

27. Если рыцарь стремится обвинить изменника и уничтожить его, а рыцарь-изменник стремится скрыться и уничтожить верного рыцаря, в чем заключаются тогда устремления рыцарства? И если рыцарь-изменник со своей

низменной душой тщится одержать победу над великодушным рыцарем, сражающимся за правду, что именно он тщится превозмочь и побороть? Если же поборник рыцарства и правды окажется побежденным, за какой грех он будет нести расплату и куда при этом канет высокая рыцарская честь?

28. Если бы воровство входило в обязанности рыцаря, благодеяние оказывалось бы противным природе рыцарского ордена; если же благодеяние входило бы в чьи-то обязанности, сколько достоинства было бы в том человеке, в обязанности которого входило бы благодеяние? Если одаривать награбленным соответствует рыцарской чести, чему отвечало бы стремление возвращать? И если рыцарь должен овладеть тем, что Богом было даровано другому, чем же тогда рыцарь не должен овладевать?

29. Плохо разбирается в доверии тот, кто голодному волку доверит своих овец, и кто доверит красавицу жену молодому рыцарю-изменнику, и кто доверит свой укрепленный замок рыцарю алчному и вороватому. И если этот человек плохо разбирается в доверии, как относиться к тому, кто знает, как, что и кому стоит доверять, кто умеет возвращать и хранить то, что ему доверили?

30. Видели ли вы когда-нибудь рыцаря, который не хотел бы отвоевать свой замок. Видели ли вы когда-нибудь рыцаря, который не пытался бы укрыть свою жену от рыцаря-изменника? Видели ли вы когда-нибудь рыцаря-вора, который воровал бы иначе, чем украдкой? Если же вы таких рыцарей не встречали, так это потому,

что их поведение не соответствует установлениям рыцарского ордена.

31. Рыцарь обязан иметь сверкающие доспехи и ухоженного коня; если же забота о доспехах и коне не входит в обязанности рыцаря, то в его обязанности входит и то, что есть, и то, чего нет. Если же это так, то обязанности рыцаря одновременно и существуют и не существуют; в то же время, поскольку *быть* и *не быть* суть противоположны, а лишаться брони чуждо рыцарству, то чем бы являлось тогда рыцарство без доспехов и почему бы тогда рыцарь носил это имя?

32. Заповедью нам предписано не лжесвидетельствовать; отсюда следует, что, если бы дающий ложные показания не противоречил рыцарскому ордену, Господь, давший нам заповеди, и рыцарство были бы противоположны друг другу; если же это так, то что есть рыцарская честь и в чем заключаются обязанности рыцаря? Если же есть между Господом и рыцарством соответствие, то лжесвидетельство чуждо природе тех, кто является поборниками рыцарства. Если же давать клятву и божиться и свидетельствовать истину было бы чуждо природе рыцаря, то в чем бы тогда заключалось рыцарство?

33. Если между справедливостью и сластолюбием нет противоречия, то рыцарство, соответствующее справедливости, соответствовало бы и сластолюбю; а если бы между рыцарством и сластолюбием было бы соответствие, то целомудрие, противоположное сластолюбю, оказалось бы чуждым природе рыцарской чести; если бы это было так, получалось бы, что

рыцари стремятся восславить рыцарство, дабы утвердить сластолюбие. Если же справедливость и сластолюбие чужды друг другу и рыцарство существует для отстаивания справедливости, то в этом случае между сластолюбивым рыцарем и рыцарством нет ничего общего; если же это так, то грех сластолюбия должен быть неприемлемым для рыцарства; и если бы грех сластолюбия был наказуем так, как он того заслуживает, впавших в него следовало бы изгонять из рыцарского ордена с еще большей непримиримостью, чем из любого другого.

34. Если бы справедливость и смирение были чужды друг другу, рыцарство, которое в ладу со справедливостью, было бы противоположно смирению и соответствовало бы гордыне. Однако если бы спесивый рыцарь отстаивал рыцарские устои, иным рыцарством оказывалось бы то, которое некогда было основано на справедливости и видело свою задачу в защите людей смиренных от спесивых и неправых. Будь это так, новоявленные рыцари не могли бы принадлежать к тому же самому ордену, к которому принадлежали другие, им предшествовавшие. Если бы нынешние рыцари соблюдали установления и выполняли те же обязанности, что и их предшественники, не было бы низости и гордыни в этих рыцарях, которые кажутся нам спесивыми и неправыми. Однако если то, что кажется низостью и гордыней, на самом деле ничто, где же и в чем же тогда смирение и справедливость?

35. Если бы справедливость и миролюбие были чужды друг другу, рыцарство, которое в

ладу со справедливостью, было бы противоположно миролюбию; если бы это было так, те нынешние рыцари, которые чураются мира и жаждут войн и связанных с ними бедствий, были бы рыцарями, а те, которые умиротворяют людей и избегают бедствий войны, были бы чужды рыцарству. И если те нынешние рыцари, которые творят жестокости и беззакония, сеют зло и связанные с войной бедствия, выполняют обязанности рыцарства, то хотел бы я знать, кем же тогда являются рыцари справедливые и миролюбивые по природе своей, умиротворяющие людей силой закона и силой оружия? Ибо, как и ранее, предназначение рыцарства заключается в том, чтобы умиротворять людей силой оружия; между тем если нынешние воинственные и неправые рыцари не принадлежат рыцарскому ордену и не выполняют его установлений, где же тогда рыцарство, да и сколько тех рыцарей, и каковы эти рыцари, входящие в орден?

36. Многообразны те пути и возможности, следуя которым рыцарь может выполнять возложенные на него рыцарством обязанности; однако ввиду того, что нам еще предстоит о многом поведать, излагаем их здесь в сжатой манере, главным же образом потому, что, выполняя просьбу одного весьма учтивого оруженосца, преданного и чистосердечного, посвятившего немало времени изучению рыцарских устоев, мы составили эту книгу в самом кратком виде, ибо и само посвящение в рыцари должно быть весьма недолгим.

*Часть III***ОБ ИСПЫТАНИЯХ, КОТОРЫМ ДОЛЖЕН
БЫТЬ ПОДВЕРГНУТ ОРУЖЕНОСЕЦ,
ВОЗНАМЕРИВШИЙСЯ БЫТЬ
ПОСВЯЩЕННЫМ В РЫЦАРИ**

1. Рыцарь, подвергающий оруженосца испытанию, должен быть глубоко преданным рыцарскому ордену; не секрет, что для некоторых рыцарей не столь уж важно, о достойных ли рыцарях идет речь, лишь бы их было много. А поскольку для рыцарства значение имеет не количество, а душевное благородство и добрые нравы, то экзаменуемый, отдающий предпочтение скорее количеству рыцарей, чем рыцарскому достоинству, не подходит для этой роли, и было бы желательно его самого подвергнуть самому строгому и нелюбезному допросу ввиду того вреда, который он наносит высокому достоинству рыцарства.

2. Прежде всего следует спросить оруженосца, желающего стать рыцарем, любит ли он Господа и трепещет ли он перед ним; ибо ни один человек без любви к Господу и без страха перед ним не достоин вступить в рыцарский орден: страх будет предостерегать от пороков, которые приносят рыцарству неизъяснимый урон. Отсюда следует, что если случайно оруженосец, чуждый любви и страха к Господу, все же оказывается посвященным в рыцари, то тем самым он, вступив в рыцарство, приобретает достоинство, в то время как рыцарство его теряет, приобретает этого оруженосца, присоединившегося к рыцар-

ству, не прославляя Господа, вопреки всему рыцарству. А поскольку приобретать достоинство и терять достоинство суть вещи, чуждые друг другу, то оруженосец, лишенный любви и страха, не достоин быть рыцарем.

3. Подобно тому как рыцарь без коня не может выполнять рыцарские обязанности, оруженосец, лишенный душевного благородства, не достоин вступить в рыцарский орден; ибо душевное благородство составляет основу рыцарства, а душевная низость ведет к падению рыцарского ордена. Отсюда следует, что если оруженосец с низменными запросами хочет стать рыцарем, тем самым он хочет уничтожить орден, присоединиться к которому так жаждет; если же ему чужда природа ордена, зачем он в него стремится? А тот, кто посвящает в рыцари оруженосца с низменными запросами, зачем наносит он своему ордену подобный урон?

4. Не по словам суди о душевном благородстве, ибо слова нередко бывают лживы; и не по роскоши одеяний, ибо роскошное платье подчас скрывает жалкую и подлую душонку, обиталище низости и жи. И не по коню суди о душевном благородстве, ибо не получишь ты от него ответа; не суди о душевном благородстве по упряжи и по доспехам, ибо богатое убранство может скрывать под собой мелочную и низкую душонку. Иными словами, если ищешь ты душевное благородство, то ищи его в вере, надежде, милосердии, справедливости, отваге, преданности и иных добродетелях, ибо в них заключается душевное благородство; в них находит опору благородное сердце рыцаря, не поддаю-

щееся подлости, обману и не уступающее супостатам рыцарства.

5. Возраст рыцаря должен быть соответствующим, ибо если оруженосец, вознамерившийся стать рыцарем, слишком молод,¹⁷ не сумеет он перенять те обычаи, которые обязан он будет усвоить, прежде чем станет рыцарем; и не сможет он вспомнить, что обещал он во славу рыцарства, если был он посвящен в рыцари в детстве. Если же рыцарем хочет стать оруженосец старый и немощный, то оскорбление рыцарству он нанес еще до того, как одряхлел, ибо составляют его сильные духом и телом воители, а позором его покрывают немощные, убогие и оставляющие поле битвы.

6. Подобно тому как место добродетели — золотая середина, а ее противоположность ударяется в крайности, проявляя свою ущербность, возраст рыцаря должен приличествовать рыцарству; будь иначе, получалось бы, что нет согласия между сообразностью и рыцарством; а в этом случае были бы чужды друг другу добродетель и рыцарство. А поскольку нет этого противоречия, зачем ты, оруженосец, еще не готовый или опоздавший быть рыцарем, стремишься вступить в рыцарский орден?

7. Если оруженосцу достаточно иметь привлекательные черты лица или ладную фигуру, белокурые волосы или зеркальце в суме, дабы быть посвященным в рыцари, то в оруженосцы и рыцари вполне можно было бы принять миловидного крестьянского парня или привлекательную женщину; но в этом случае мы бы покрыли позором древнее и славное сообщество; и мы

уронили бы то достоинство, которым Господь наделил мужчину в большей степени, чем женщину;¹⁸ это унижение и этот позор запятнали бы рыцарский орден.

8. Между дворянином и рыцарем есть несомненная связь и близость;¹⁹ ибо дворянин прежде всего хранит доставшийся ему по наследству кодекс чести, а рыцарь неукоснительно соблюдает свод правил и установлений, не подлежащих обсуждению с момента своего возникновения и по сей день. Отсюда следует, что коль скоро между дворянином и рыцарем есть соответствие, то если посвятить в рыцари человека, дворянином не являющегося, неизбежно возникнет противоречие между дворянином и рыцарем; таким образом, тот, кого посвятят в рыцари, окажется чуждым как дворянской природе, так и рыцарской; а если все же он окажется рыцарем, то что же такое будет в таком случае рыцарство?

9. Если власть твоя в рыцарском ордене столь велика, что ты способен принять в него тех, кто его не достоин, очевидно, что ты столь же способен отторгнуть от него тех, кто, будучи дворянами, вполне достойны быть рыцарями. Если же достоинство рыцарства столь велико, что ты не властен ни над ним, ни над теми, кто, будучи дворянами, вполне могут быть рыцарями, то ты не можешь посвятить в рыцари человека низкого происхождения.

10. По своей земной природе деревья и животные ничем не уступают человеку, однако душа, присущая лишь человеку, как разумному существу, придает его природе достоинство, недоступное природе животного. Поэтому устав

рыцарского ордена позволяет принимать в рыцари человека и не древнего рода, в том случае, если он по своему нраву и своим поступкам того заслуживает и если за него поручится какой-нибудь достойный вельможа. В противном случае получалось бы, что рыцарственность заключается в земной природе, а не в достоинствах души; ибо присущее рыцарству душевное благородство к душе имеет куда большее отношение, чем к телу.

11. Принимая оруженосца в рыцари, надлежит справляться о его нравах и обычаях; ибо если за худые нравы недостойных рыцарей изгоняют из рыцарского ордена, то тем более не стоит дурного оруженосца принимать в рыцари, чтобы потом его за недостойные поступки и подлый нрав изгонять.

12. Если честь столь неразрывно связана с рыцарством, то оно должно изгонять из своих рядов всех запятнавших себя позором; если бы рыцарство не пополнялось теми, кто безупречен в отношении чести, кто дорожит ею и о ней печется, то оно бы погрязло в пороках и не смогло бы заново воссиять во славе. Однако раз это не так, то ты, рыцарь, подвергающий оруженосца испытанию, должен прежде всего искать в нем благородство и достоинство.

13. Надлежит выяснить, с какой целью оруженосец хочет стать рыцарем; ибо если он добивается рыцарства, дабы разбогатеть, получить владение или же прославиться, а не затем, чтобы принести славу рыцарству или же славным рыцарям, покрывающим ее славою, то в стремлении к рыцарству он стремится его ослабить, и

его бесславное стремление к тому, чтобы рыцарство принесло ему богатство, благополучие и славу, недостойно. Подобно тому как разоблачаются клирики, купившие столь желанные для них места прелатов, разоблачаются и оруженосцы, вознамерившиеся стать рыцарями вопреки установлениям рыцарства. И как клирик, корыстолюбивый по самой природе своей, чужд законам монастырской жизни, так и подобный оруженосец чужд природе рыцарства, даже если ему и удалось стать рыцарем.

14. Оруженосец, алчущий рыцарства, должен знать о грузе ответственности, с рыцарством сопряженном, и о тех опасностях, которым подвергаются вознамерившиеся стать рыцарями и выполнять рыцарский долг. Ибо не столько смерти должен бояться рыцарь, сколько позора, и не столько голод, жажда, жара, холод или любые иные тяготы и мучения должны страшить его, сколько бесчестье. И поэтому обо всех этих опасностях оруженосец должен знать до того, как он вступит в рыцарский орден.

15. Не бывает рыцарей без доспехов, отличается рыцарей достойное поведение, и связаны с рыцарством большие расходы. Поэтому не может быть рыцарем безоружный оруженосец, не располагающий определенными средствами, ибо из-за нехватки денег он не сможет приобрести доспехов, а из-за недостатка доспехов и средств он станет грабителем, изменником, вором, лжецом, лицемером, и ничего в нем не будет от рыцарства.

16. Горбун, толстяк, равно как и тот, кто имеет какой-либо иной телесный изъян,²⁰ не

должен вступать в рыцарский орден, ибо было бы большой ошибкой принимать в рыцарский орден хилых, худосочных и непригодных к ратному делу. Столь высоко призвание рыцарства и столь громкой славой оно окружено, что увечному оруженосцу не помогут ни богатство, ни душевное благородство.

17. Следует выяснить, не совершил ли оруженосец какого-нибудь низкого поступка, противоречащего установлениям рыцарства, ибо не исключено, что он его совершил, а в таком случае он недостоин вступить в рыцарский орден и быть одним из тех, кто печется о славе рыцарства.

18. Если оруженосец тщеславен, вряд ли он может быть членом рыцарского ордена, ибо тщеславие принадлежит к числу тех грехов, которые подрывают даруемые рыцарством заслуги и преимущества. Подобострастному оруженосцу также не следует быть рыцарем, ибо под подобострастием скрываются низкие цели, которые сводят на нет благие намерения и сердечные порывы рыцаря.

19. Оруженосец, обуреваемый гордыней, необразованный, речи которого столь же грязны, как и его одежды, пьяница, чревоугодник и клятвопреступник, жестокосердый, корыстолюбивый, лживый, вероломный, ленивый, вспыльчивый и сластолюбивый или погрязший в иных пороках, не должен быть рыцарем. В противном же случае, если бы в рыцарский орден вступали те, кто ему чужд, получалось бы, что нет разницы между хаосом и гармонией. Отсюда следует, что, поскольку рыцарство — это приведенная в гармо-

нию отвага, каждый оруженосец, прежде чем быть принятым в рыцарство, должен быть подвергнут испытанию.

Часть IV

ОБ ОБРЯДЕ ПОСВЯЩЕНИЯ ОРУЖЕНОСЦА В РЫЦАРИ

1. До своего вступления в рыцарский орден оруженосец прежде всего должен покаяться в своих грехах против Бога, ради служения которому он и вступает в рыцарский орден, или, если ему не в чем каяться, должен причаститься Телу Христову, как подобает истинному христианину.

2. Желательно, чтобы обряд посвящения в рыцари совершался в один из праздничных дней, когда по случаю праздника соберется много народа в том самом месте, где будет происходить обряд посвящения в рыцари и где все обратятся к Господу, моля его одарить оруженосца своей милостью и своим благоволением, дабы не запятнал он чести рыцарского ордена.

3. В честь того святого, праздник которого приближается, оруженосец должен накануне соблюдать пост. И надлежит ему также посетить церковь вечером накануне того дня, когда должно состояться посвящение его в рыцари, и молиться там Господу, и надлежит ему провести ночь в молитве и созерцании, и внимать словам Господа и наставлениям рыцарского ордена. Внимая же песням жогларов, воспевающих грех

и блуд,²¹ он немедленно проникся бы пренебрежением и презрением к рыцарскому ордену.

4. Утром следующего дня должна быть торжественная месса; оруженосец должен подойти к алтарю и склониться перед священником, представляющим Господа, и посвятить себя рыцарскому ордену, дабы служить Господу; и надлежит ему также поклясться отдать всего себя без остатка во славу рыцарского ордена. Желательно, чтобы в этот день читалась проповедь, в которой бы объяснялись все четырнадцать догматов веры, и все десять ее заповедей, и все семь ее таинств, равно как и многое другое, касающееся веры. И накрепко должен оруженосец все это запомнить, дабы не было для него различия между обязанностями рыцарства и целями святой католической веры.

5. Четырнадцать догматов веры таковы. Верить в Господа — первый догмат. Верить в Отца, Сына и Духа Святого — это еще три догмата. Надлежит также верить, что Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой суть едины и что Господь был всегда и всегда пребудет. Верить в то, что Господь является творцом всего сущего — это пятый догмат. Шестой заключается в том, чтобы верить в то, что Господь сотворил нас заново, ибо искупил род человеческий от первородного греха, совершенного Адамом и Евой. Седьмой заключается в том, чтобы верить, что Господь одарит славой тех, кто войдет в Рай. Эти семь догматов относятся к божественной природе Господа. Еще семь относятся к человеческой природе Сына Божьего, которой он обязан Святой Деве Марии; эти семь догматов таковы. Ве-

ритель, что Иисус Христос был зачат благодаря Духу Святому в момент Благовещения Деве Марии Архангелом Гавриилом, — это первый догмат. Второй заключается в том, чтобы верить, что Христос родился. Третий — в том, что он был распят и что он принял смерть, дабы спасти нас. Четвертый — в том, что он сошел в ад, дабы вызволить оттуда Адама, Авраама и других пророков, которые при жизни уверовали в его грядущее пришествие. Пятый состоит в том, чтобы верить, что Иисус Христос воскрес из мертвых. Шестой — в том, чтобы верить, что он вознесся на небо в день Воскресения. Седьмой — в том, чтобы верить во второе пришествие Христа, дабы воздать праведникам и грешникам в День Страшного суда, когда все мы воскреснем. Все мы обязаны верить в эти четырнадцать догматов, которые суть свидетельства бытия Бога и его творения, и, не уверовав в эти догматы, ни один человек не может спастись.

6. Десять заповедей, полученные Моисеем от Господа на горе Синай, суть следующие. Люби одного лишь Господа и ему одному лишь служи. Не произноси напрасно имени Господа. Соблюдай субботу и почитай отца своего и мать свою. Не убий. Не прелюбодействуй. Не укради. Не лжесвидетельствуй. Не желай жены ближнего своего. Не желай добра ближнего своего. Каждый рыцарь должен их знать, дабы, войдя в орден, не нарушать заповедей, которые даны нам Богом.

7. Семь таинств Святой Церкви суть следующие: крещение, конфирмация, обедня, покаяние в своих грехах, обряд, совершаемый епископом

при посвящении в сан пресвитеров, дьяконов и протодьяконов, венчание, миропомазание. Благодаря этим семи таинствам мы спасемся. Клятва, даваемая рыцарем, обязывает его соблюдать и отстаивать эти семь таинств, поэтому каждому рыцарю надлежит знать, к чему призывает его рыцарский долг.

8. Догматы, заповеди и таинства, равно как и многое другое, касающееся веры, должен проповедовать священник; а оруженосец, вознамерившийся стать рыцарем, должен молить Господа, дабы удостоил он его своих милостей и своего благоволения, благодаря которым мог бы он посвятить ему свою жизнь.

9. После того как священник выполнит свои обязанности, принц или знатный вельможа, согласившийся посвятить в рыцари оруженосца, алчущего рыцарства, должен последний раз задаться вопросом, обладает ли он сам высокими достоинствами рыцарского ордена, дабы наделить, с Божьей помощью, рыцарскими добродетелями оруженосца, домогающегося высоких рыцарских достоинств. В том случае, если сам он лишен как добродетелей, так и достоинств, не сможет он другого наделить тем, чем сам не обладает, и тогда окажется, что он хуже растений, одним из достоинств которых является их способность размножаться, в чем им не уступают животные и птицы.

10. Недостойный рыцарь, пытающийся беспринципно и вопреки принципам ордена его расширить, наносит ущерб как оруженосцу, так и рыцарству; то, что должно было быть ниспровергнуто, благодаря ему утверждается, несмотр-

ря на то что надлежало ему быть отвергнутым. Подчас по вине таких рыцарей рыцарство по-полняется оруженосцами, не пользующимися Господним благорасположением и не обладающими рыцарскими достоинствами; а оруженосец, принятый в рыцарский орден благодаря подобному рыцарю, оказывается никуда не годным.

11. Оруженосец должен преклонить перед алтарем колени и обратиться взором и душою к Богу, простирая к Господу руки. А рыцарю надлежит опоясать его мечом, что должно символизировать целомудрие и справедливость. Затем он должен поцеловать оруженосца и дать ему пощечину,²² что символизирует милосердие, ибо напоминает ему о данных им обещаниях и о великой ответственности, которая на него ложится, а также о той великой чести, которой его удостоивают, принимая в рыцарский орден.

12. После того как рыцарь небесный и рыцарь земной совершили обряд посвящения в рыцари, новый рыцарь должен продемонстрировать свое умение ездить верхом и вообще показывать себя людям, дабы все знали, что он стал рыцарем и взял на себя обязанность хранить и приумножать славу рыцарства, причем чем больше народу увидит его в новом, рыцарском качестве, тем труднее ему будет впоследствии запятнать честь ордена.

13. В этот день должно быть много разных увеселений, пиров и турниров и много всего другого, присущего рыцарским праздникам. Вельможа, посвящавший оруженосца в рыцари, должен всем новым рыцарям раздать подарки.

Новому рыцарю также надлежит в этот день быть щедрым, ибо тот, кто получил столь бесценный подарок, как рыцарский орден, запятнает позором свой орден, если не будет одаривать других, как того требует обычай. Все это, равно как и многое другое, заслуживающее не меньшего внимания, имеет отношение к обряду посвящения в рыцари.

Часть V

О СИМВОЛИКЕ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ

1. Одежания, в которые облачается священник, чтобы отслужить мессу, имеют определенный смысл, связанный с его предназначением. А поскольку предназначения священника и рыцаря тесно между собою связаны, то, согласно предписаниям рыцарского ордена, все, что необходимо рыцарю, дабы выполнять свой долг, имеет определенный смысл, долженствующий подчеркивать высокое предназначение рыцарского ордена.

2. Рыцарю принадлежит меч, имеющий крестообразную форму; это свидетельство того, что он призван побеждать и уничтожать своим мечом противников креста, подобно тому как Иисус Христос победил на кресте смерть, которой мы были наказаны по вине прародителя нашего Адама. И как меч заострен с обеих сторон, а рыцарство призвано утверждать справедливость, — справедливость заключается в том,

чтобы каждому воздавать по заслугам, — так и рыцарский меч свидетельствует о том, что рыцарь должен утверждать своим мечом рыцарский орден и справедливость.

3. Рыцарю принадлежит копье, что свидетельствует об истине, ибо истина не извилиста, но пряма, и она опережает ложь. А наконечник копья символизирует преимущество, которое имеет истина перед ложью, штандарт же свидетельствует о том, что истина открыта всем и не страшится лжи и обмана. Именно в истине коренится надежда, равно как и многое другое, воплощением же ее является копье.

4. Рыцарю принадлежит шлем, символизирующий совесть, ибо бессовестный рыцарь не будет подчиняться установлениям рыцарства. Отсюда следует, что как совесть пробуждает в людях стыдливость и заставляет их опускать глаза долу, так и шлем не позволяет человеку задирать слишком голову и заставляет его смотреть перед собой, т. е. и не опускаться слишком, и не воспарять. Подобно тому как шлем предохраняет голову, самую ценную часть человеческого тела, расположенную над другими, совесть предохраняет рыцаря, предназначение которого, после священника, самое благородное из всех существующих, от подлых умыслов, дабы благородство его духа не запятнало себя низостями, обманом или иными дурными поступками.

5. Рыцарю принадлежат доспехи, символизирующие замок и крепость, предохраняющие от грехов и пороков, ибо, подобно тому как опоясывают замок или крепость, дабы никто не мог их преодолеть, замкнуты и подогнаны один к

другому доспехи, дабы не смогли пробраться в благородное сердце рыцаря вероломство, гордыня, измена и другие пороки.

6. Рыцарю принадлежат железные наколенники, дабы предохранить его ноги; это свидетельствует о том, что железо, т. е. меч, копье, палица и другое оружие, должно помочь рыцарю охранять дороги, что является его обязанностью.

7. Рыцарю принадлежат шпоры, символизирующие сноровку, опыт и ревностность, которые он должен обратить во славу своего ордена. Подобно тому как рыцарь пришпоривает своего коня, дабы тот скакал как можно быстрее, — сноровка ускоряет ход событий, опыт предохраняет человека от неожиданностей, а ревностность предоставляет в распоряжение рыцаря броню и провизию, необходимые ему для его деяний во славу рыцарства.

8. Рыцарю принадлежит латный нашейник, символизирующий покорность, ибо рыцарь, не подчиняющийся своему господину и рыцарскому ордену, позорит своего господина и недостойн быть членом рыцарского ордена. Отсюда следует, что, подобно тому как латный нашейник предохраняет шею рыцаря от ран и ударов, покорность позволяет рыцарю сохранить верность своему господину и суверену и преданность рыцарскому ордену, дабы ни вероломство, ни гордыня, ни несправедливость, ни иной порок не нанесли ущерба клятве, которую рыцарь дал своему господину и рыцарству.

9. Рыцарю принадлежит палица, символизирующая силу духа, ибо, подобно тому как она

годится против любого оружия и нет от нее спасения, сила духа годится против любого порока и укрепляет добродетель и добрые нравы, благодаря которым рыцарь может умножить славу рыцарства.

10. Рыцарю принадлежит кинжал, к помощи которого он прибегает тогда, когда другое оружие ему уже не поможет, ибо если приблизился он к противнику настолько, что ни копьем, ни мечом, ни палицей его уже не ударишь, удар можно нанести кинжалом. Поэтому кинжал свидетельствует о том, что рыцарю не следует полностью полагаться ни на свое оружие, ни на свою силу, а должен он настолько приблизиться к Богу, возлагая на него надежду, что надеждой на Бога одолеет он всех своих недругов и всех супостатов рыцарства.

11. Рыцарю принадлежит щит, символизирующий предназначение рыцаря, ибо подобно щиту, который оказывается между рыцарем и его врагом, сам рыцарь находится между монархом и народом. Таким образом, рыцарю надлежит прикрывать собою монарха, буде кто-то на него покусится, подобно тому как удар приходится сначала по щиту и лишь затем по телу рыцаря.

12. Рыцарю принадлежит седло, символизирующее непреклонность духа и бремя рыцарства, ибо, подобно тому как в седле рыцарь чувствует себя увереннее, во время битвы рыцаря прикрывает собой непреклонность духа, приносящая ему удачу. Перед этой непреклонностью блекнет жалкое бахвальство и тщеславное ничтожество, и никто не решается выступить против того, чье тело надежно защищено душевным

благородством; и столь тяжело бремя рыцарства, что из-за пустяков рыцари не должны пускаться в путь.

13. Рыцарю принадлежит конь, символизирующий душевное благородство, дабы, сев на него, возвышался бы рыцарь над всеми людьми, дабы виден он был издалека и дабы сам он видел далеко вокруг и раньше других смог бы выполнить то, что велит ему его рыцарский долг.

14. Рыцарь держит в руках вожжи, а на коня его надеты удила; это свидетельствует о том, что словно удилами должен быть стиснут его рот, недоступный для лживых и низких слов, а руки должны быть стянуты, дабы был он умеренным в просьбах и не поддавался бы безрассудству, когда благоразумие теряет голову. А вожжи символизируют, что он должен, не раздумывая, устремляться туда, где рыцарскому ордену требуется его присутствие. И, где это будет необходимо, он должен проявить щедрость, и оказать помощь, и сделать то, к чему его обязывает его положение, и быть мужественным, и не трепетать перед врагами; и если не решается он нанести удар, да закалит он свое сердце. А если рыцарь ведет себя совсем иначе, то его конь, неразумная тварь, скорее отвечает установлениям и предназначению рыцарства, чем сам рыцарь.

15. Султан на голове рыцарского коня свидетельствует о том, что никогда не следует применять оружие без особой необходимости, ибо, подобно тому как любой всадник следует за головой своего коня, благоразумие рыцаря должно предшествовать его поступкам, поскольку без-

рассудные поступки столь отвратительны, что никак не должны быть свойственны рыцарю. Отсюда следует, что, подобно тому как султан предохраняет голову коня, благоразумие должно предохранять рыцаря от бесчестья и позора.

16. Конская сбруя служит для защиты коня от ударов; это свидетельствует о том, что рыцарь должен заботиться о своем имуществе и о своем достоянии, поскольку необходимы они ему для выполнения своего рыцарского долга. Ибо не будь у него сбруи, не был бы рыцарь предохранен от ран и ударов, а не будь у него достатка, не смог бы он приумножать славу рыцарства и не был бы он избавлен от низких помыслов, так как нищета способствует тому, что человек склоняется к подлости и вероломству.

17. Кожаный камзол свидетельствует о тяжелых испытаниях, которые должен претерпеть рыцарь, дабы прославить рыцарский орден. Ибо как камзол надевается поверх всего, открытый солнцу, ветру и ливню, готовый первым принять на себя всю тяжесть ударов, быть искромсанным и изорванным, так и рыцарю уготована куда более тяжелая доля, чем иным людям. Ибо все его вассалы и все его подопечные могут обращаться к нему за помощью, и всех рыцарь должен взять под свою защиту; и скорее он должен получить рану или принять смерть, нежели люди, которые отдали себя под его покровительство. А раз это так, то воистину тяжелым оказывается бремя рыцарства, и поэтому монархам и высокородным баронам уготованы тяжелые испытания, дабы могли они править своими подданными и защищать свою землю.

18. Рыцарю принадлежит герб на щите, седле и латах, символизирующий славу,²³ которую он стяжает своими подвигами и завоевывает в сражениях. Если он малодушен, тщедушен и своенравен, его герб станет предметом порицания и осуждения. И поскольку герб дает нам возможность распознать друзей или недругов рыцарства, каждому рыцарю надлежит приумножать славу своего герба, дабы избежать бесчестья, отторгающего его от рыцарского ордена.

19. Знамена, обладателями которых являются монарх, король или господин рыцаря, свидетельствуют о том рвении, с которым рыцарь должен заботиться о чести своего господина и о его владениях; ибо именно благополучие королевства или княжества, незапятнанная честь его господина являются залогом почитания рыцаря людьми; если же нанесен ущерб землям, вверенным заботам рыцаря, или же чести его господина, должен он быть подвергнут осуждению, большему, чем иные люди. Ибо если дарована рыцарям более высокая честь, чем прочим людям, то и превозносить их должны больше за их неустанную заботу о чести, а за бесчестье должны они быть покрыты большим позором, чем прочие люди, так как их вероломство и измена приносят монархам, королям и высокородным баронам большее разорение и теряют они по вине рыцарей больше королевств и других владений, чем из-за вероломства и измены любых иных людей.

*Часть VI***О ПРАВАХ И ОБЫЧАЯХ РЫЦАРЕЙ**

1. Если благодаря душевному благородству рыцарь превосходит людей, которые отдали себя под его покровительство, то ему должны быть свойственны благородные нравы и учтивые манеры, ибо душевное благородство присуще высокому достоинству рыцарства лишь благодаря вполне определенным добродетелям, нравам и обычаям. Если же это так, то рыцарю непременно должны быть свойственны добрые нравы и учтивые манеры.

2. Каждому рыцарю должны быть известны семь добродетелей, в которых коренятся все добрые нравы и которые суть дороги и тропинки, ведущие к вечному райскому блаженству; из этих семи добродетелей три богословские и четыре общие. Богословскими являются вера, надежда и любовь. Общими — справедливость, мудрость, мужество и воздержание.

3. Лишенный веры рыцарь не может иметь добрых нравов, ибо только вера позволяет ему видеть своим мысленным взором Бога и его творение, веря и в то, что недоступно его взору, и только вера вселяет в него надежду, любовь, преданность и готовность служить истине. Безверие отторгает человека от Бога и от его творения и лишает его возможности познавать невидимую реальность, которая недоступна пониманию человека, лишенного веры.

4. Вера обязывает рыцарей, наделенных добрыми нравами, отправляться паломниками за

море в Святую Землю, и с оружием в руках утверждать религию креста среди его недругов, и принимать мученическую смерть, отстаивая святую католическую веру. Вера обязывает рыцарей защищать клириков от подлого люда, отмывающегося над ними и грабящего их по причине своего безверия.

5. Надежда является одной из самых главных рыцарских добродетелей, ибо надежда питает воспоминания о Боге во время сражений, во время сопряженных с ними скорбей и печалей, и надежда на Бога помогает на него опереться, что приносит победу в сражениях, так как надеются и уповают рыцари скорее на могущество Бога, чем на свои силы и на свое оружие. Надежда поддерживает и питает отвагу рыцаря; надежда позволяет превозмогать бремя рыцарства и преодолевать встречающиеся на пути опасности; надежда позволяет рыцарям выносить голод и жажду, когда находятся они в осажденных неприятелем замках и крепостях; а не будь у него надежды, не смог бы рыцарь отвечать своему рыцарскому предназначению.

6. Лишенный любви рыцарь будет жесток и безжалостен, а коль скоро жестокость и безжалостность чужды природе рыцарства, то рыцарю надлежит быть милосердным. Ибо если нет в рыцаре потребности в любви к Господу и к своему ближнему, как сможет он возлюбить Господа и сострадать немощным и откуда возьмется в нем жалость к побежденному противнику, вызывающему к его жалости? Если бы любовь была чужда его сердцу, как мог бы он принадлежать к рыцарскому ордену? Именно любовь связыва-

ет воедино все добродетели и отчуждает пороки; любовная жажда неутолима для любого рыцаря и для любого смертного, чему бы он себя ни посвятил; благодаря любви бремя рыцарства оказывается не столь тяжелым. И как безногий конь не смог бы нести на себе рыцаря, так и лишенный любви рыцарь не смог бы вынести то бремя, которое его благородное сердце взвалило на себя во славу рыцарства.

7. Если бы человек был бесплотен, он был бы невидим; будь это так, он не был бы тем, кем он является; отсюда следует, что если бы, посвятив себя рыцарству, рыцарь оказался бы чуждым справедливости, то либо справедливость была бы не тем, что она есть, либо рыцарство было бы совсем не тем, чем оно является на самом деле. А поскольку именно в справедливости берет свое начало рыцарство, как может рыцарь, погрязший во лжи и пороках, надеяться, что рыцарский орден не отторгнет его от себя? Изгнание из рядов рыцарства осуществляется следующим образом: разрезают сзади перевязь меча рыцаря и забирают у него меч, подчеркивая этим, что рыцарские деяния для него заказаны. Отсюда следует, что если рыцарство и справедливость столь взаимосвязаны, что рыцарство невозможно без справедливости, то рыцарь, неправый по собственной воле, помыкающий справедливостью, сам себя изгоняет из рядов рыцарства, изменяя рыцарскому ордену и отрекаясь от него.

8. Мудрость — это добродетель, помогающая нам познать добро и зло, наделяющая нас знанием, которое позволяет нам любить добро и сторониться зла. Мудрость позволяет нам также

предвидеть то, что нас ждет завтра, исходя из того, что есть сегодня. Мудрости мы обязаны и некоторыми предосторожностями, которые позволяют нам избегать того, что может принести вред нашему телу или нашей душе. Отсюда следует, что поскольку предназначение рыцарей заключается в том, чтобы преследовать и уничтожать злокозненных людей, и поскольку никто не подвергается стольким опасностям, как рыцари, можно ли себе представить что-то более необходимое рыцарю, чем мудрость? Умение рыцаря побеждать в турнирах и на полях сражений не столь тесно связано с рыцарским предназначением, как умение здраво мыслить, рассуждать и управлять своей волей, ибо благодаря уму и расчету было выиграно куда больше сражений, чем благодаря скоплению народа, амуниции или рыцарской отваге. Отсюда следует, что коль скоро это так, то если ты, рыцарь, намерен готовить своего сына для рыцарского поприща, тебе следует учить его мыслить и рассуждать, дабы возлюбил он добро и возненавидел зло, ибо благодаря этому мудрость и рыцарство сливаются воедино и пребывают вместе во славу рыцарства.

9. Мужество — это добродетель, не позволяющая проникать в благородное сердце рыцаря семи смертным грехам, которые прямой дорогой ведут к вечным мукам преисподней и которые суть следующие: чревоугодие, сладострастие, скупость, уныние, гордыня, зависть, гнев. Поэтому рыцарю, выбравшему эту дорогу, не попасть в то место, которое душевное благородство выбрало своей вотчиной.

10. От сопутствующих чревоугодию пресыщения и опьянения тело начинает дряхлеть; сопутствующие чревоугодию чрезмерные траты на еду и питье влекут за собой нищету; чревоугодие настолько переполняет тело различными яствами, что становится оно рыхлым и вялым. Отсюда следует, что поскольку все эти качества чужды рыцарству, рыцарь должен мужественно преодолевать их воздержанием и постом, дабы одолеть таким образом чревоугодие и связанные с ним пристрастия.

11. Сладострастие и мужество вечно враждуют. Сладострастие призывает в помощь себе молодость, внешнюю привлекательность, обильную еду и обильную выпивку, роскошную одежду, случай, ложь, измену, несправедливость, неверие в Бога и вечную жизнь, равнодушие к ожидающим грешников вечным мукам и многое другое в этом же роде. Мужество призывает себе в помощь нашу память о Божьих заповедях, наше представление о Боге, о благах и наказаниях, которые от него зависят, о нашей любви к Богу, ибо достоин он и любви и страха, и восхвалений и послушания. И призывает мужество себе в помощь также душевное благородство, которое не намерено подчиняться низким и подлым помыслам, не намерено, дорожа мнением людей, пятнать себя позором. Отсюда следует, что поскольку рыцарь зовется рыцарем, дабы противостоять порокам силой своего духа, то у рыцаря, лишённого мужества, не хватает духа, присущего рыцарям, и нет оружия, без которого не сможет рыцарь одолеть своих врагов.

12. Скупость — это порок, который стремится проникнуть в сердце, дабы склонять его к низким целям; поэтому если душевное благородство чуждо рыцарям, то беззащитны они против скупости, и будут рыцари алчными и скупыми, и будет толкать их корысть на разные преступления, и станут они рабами и слугами тех земных благ, которые им даны Господом, дабы они ими пользовались. Природа мужества такова, что оно приходит на помощь только в тех случаях, когда на него уповают, в противном же случае оно остается безучастным, ибо таких почестей оно достойно, что в горе и страданиях надлежит уповать на него и прибегать к его помощи. Поэтому если жадность склоняет рыцаря к какому-либо прегрешению, измене или вероломству, он должен уповать на мужество, в котором нет места непостоянству, малодушию, унынию и которое всегда готово поддержать его. Тем самым мужество закаляет благородное сердце и позволяет ему преодолеть все соблазны; так зачем же, скупой рыцарь, сердце твое не столь благородно и мужественно, чтобы отринуть от себя все низкие помыслы и низкие поступки, к которым побуждает тебя скупость? Ибо если бы скупость и рыцарство были бы в ладу друг с другом, что мешало бы тогда ростовщикам быть рыцарями?

13. Уныние — это порок, благодаря которому рыцарь склоняется скорее к злу, нежели к добру. Поэтому этот порок скорее, нежели иные пороки, свидетельствует о грядущем осуждении человека, равно как и отсутствие этого порока, скорее, нежели иные добродетели, свидетельст-

вует о грядущем спасении человека. Отсюда следует, что тот, кто вознамерился побороть уныние, должен иметь в своем сердце мужество; оно позволит ему приглушить естественные позы нашей плоти, которая благодаря своей предрасположенности к похоти и грехопадению Адама тяготеет к злу. Тот, кто предается унынию, огорчается, видя добрые дела другого; он огорчается так же, если кто-то приносит себе вред, ибо всегда хочется ему еще большего вреда.²⁴ Поэтому добро и зло, совершаемое другими людьми, одинаково причиняют ему боль и страдания. Отсюда следует, что, поскольку досада является источником невзгод и страданий, ты, рыцарь, если намерен победить этот порок, должен прибегнуть к помощи мужества, дабы не дало оно унынию обосноваться в твоём сердце; а мужество одержит верх, ибо напомним, что если милость Господа распространяется на одного человека в отдельности и на всех вместе, то почему же она не должна распространяться на тебя, ведь в этом случае от его щедрот ничего не убудет и в тебе ничего не убавится.

14. Гордыня — это порок неравенства, ибо высокомерный человек хочет быть единственным в своем роде и поэтому чурается людей. И поскольку смирение и мудрость суть добродетели, противоположные гордыне и предполагающие равенство, то если ты, рыцарь, обуреваемый гордыней, вознамеришься преодолеть свою гордыню, позволь своему сердцу проникнуться одновременно смирением и мужеством; ибо смирение без мужества лишено силы и не осилить ему гордыню. Есть ли у тебя повод быть высоко-

мерным, когда во всем блеске своих доспехов ты гарцуешь на своем могучем коне? Нет, если смирение найдет в себе силы напомнить тебе о твоём рыцарском предназначении. Если же ты высокомерен, не найдешь ты в себе силы изгнать из твоего сердца честолюбивые планы. А если выбит ты из седла, и побежден, и взят в плен, будешь ли ты столь же высокомерен, как и прежде? Нет, ибо силой оружия будет сломлена гордыня в сердце рыцаря, несмотря на то что душевное благородство не зависит от плоти; насколько же успешнее должны изгонять гордыню из благородного сердца смирение и мужество — достоинства души, свидетельствующие о силе духа.

15. Зависть — это грех, противный щедрости, милосердию и великодушию, наилучшим образом соответствующим природе рыцарского ордена. Поэтому при порочном сердце рыцарь не сможет быть достойным своего призвания. Если лишен он силы духа, зависть выгравит из сердца рыцаря справедливость, милосердие и великодушие; и станет тогда рыцарь завидовать чужому богатству, но лень ему будет добывать его себе силой оружия; и станет он тогда злословить о том, что оно не идет само ему в руки; и поэтому зависть вынудит его замышлять вероломства и злодейства.

16. Гнев — это разлад в человеческом сердце, теряющем способность помнить, понимать и любить. Воспользовавшись этим разладом, память превращается в забвение, понимание в невежество, а любовь во вспыльчивость. Поэтому коль скоро память, понимание и любовь являются тем

светом, который позволяет рыцарю следовать дорогой рыцарства и который гнев и сердечный разлад пытаются из сердца вытравить, ему надлежит уповать на силу духа, а также на милосердие, самоограничение и долготерпение, служащие препятствием на пути гнева и утешением в тех бедах, которыми мы обязаны гневу. Чем сильнее гнев, тем большей силой должны обладать милосердие, самоограничение и долготерпение, способные его одолеть. Найдет человек в себе силы, остынет его гнев и проникнется он милосердием, самоограничением и долготерпением. А лишь только ослабеет гнев и наберут силу все вышеупомянутые добродетели, так теряют силу неприязнь и раздражительность, а там, где в чести добродетели и не в чести пороки, в чести будут и справедливость, и мудрость; а там, где в чести будут справедливость и мудрость, в чести будет и рыцарский орден.

Мы говорили о том, как удастся мужеству противостоять в человеческом сердце семи смертным грехам. Теперь обратим наше внимание на воздержание.

17. Воздержание — это добродетель, находящаяся между двумя пороками: первый порок — это грех избытка, второй — недостатка. Поэтому умеренности, расположившейся между преизбытком и недостатком,²⁵ должно быть ровно столько, чтобы она оказалась добродетелью, ибо не будь она добродетелью, получалось бы, что нет зазора между избытком и недостатком, а это не так. Рыцарь добрых нравов должен знать меру в отваге, в еде, в питье, в разговоре, столь облюбленном ложью, в одежде, нередко ведущей

к тщеславию, да и во многом другом. Без воздержания не смог бы он умножать славу рыцарства и не располагалась бы она в золотой середине, являя собой добродетель, суть которой именно в том, чтобы избегать крайностей.²⁶

18. Рыцарь должен неукоснительно принимать участие в богослужениях, слушать проповеди, молиться Богу, любить его и бояться, ибо привыкает он тогда к мыслям о смерти и о бренности всего земного, и молит он Бога о вечном блаженстве, и страшится он вечных мук, и проникается он тогда добродетелями и душевными склонностями, свойственными рыцарскому ордену. Между тем если рыцарь ведет себя совсем иначе и верит гаданиям и пророчествам, то поступает он наперекор Господу и полагается он и упоает скорее на завихрения в своем мозгу, на парящих птиц да на предчувствия, чем на Господа и его творение; поэтому не угоден такой рыцарь Господу и не умножает он славу рыцарского ордена.

19. Ни плотник, ни сапожник, ни другие ремесленники не смогли бы заниматься своим делом, не обладай они навыками, свойственными их профессиям. Поэтому если Господь наделил рыцаря разумом и осмотрительностью, дабы овладел он ратным делом и отстаивал дело и принципы рыцарства, рыцарь, коль скоро он забудет о своей осмотрительности и о своем благоразумии, внушаемом ему разумом, и вытравит благородство из своего сердца, и обратится вновь к гаданиям и пророчествам, поступит как безумец, отринувший разум и поступающий так, как ему взбредет в голову. Поэтому такой

рыцарь поступает наперекор Господу, и противник, опирающийся на разум, осмотрительность и веру в Бога, должен, по здравому рассуждению, победить его и одержать над ним верх. Если бы это не было так, то получалось бы, что гадания, пророчества и безрассудное сердце скорее в ладу с рыцарским орденом, чем Бог, осмотрительность, вера, надежда и невиданное душевное благородство; а это невозможно.

20. Подобно судье, который хорошо выполняет свои обязанности, если судит исходя из свидетельских показаний, рыцарь выполняет свои, если полагается на доводы рассудка, подсказывающие ему, как надлежит вести себя на ратном поприще. И подобно судье, который судит на основе не свидетельских показаний, а гаданий и предсказаний, рыцарь не выполняет своих обязанностей, если, утаивая то, что внушают ему доводы рассудка, уподобляется птице, по воле случая парящей и порхающей в небе. А коли это так, рыцарь должен полагаться на доводы рассудка, не забывать о символике рыцарского вооружения, о чем выше уже шла речь, и не возводить волю случая ни в обязательство, ни в привычку.

21. Рыцарю надлежит всеобщее благо ставить превыше всего, ибо для людского сообщества было учреждено рыцарство и всеобщее благо предпочтительнее блага личного.²⁷ И речи рыцаря, и его одежды, и его доспехи должны быть красивы, и просторным должен быть его дом, ибо все это служит ко славе рыцарства. Учтивость в ладу с рыцарством, в то время как низость и непристойность ему чужды. Люди

добрых нравов в личной жизни преданны, честны, отважны, великодушны, благопристойны, скромны, милосердны и наделены многими другими присущими рыцарству достоинствами, ибо подобно тому как человек должен сознавать величие Господа, рыцарю должно быть присуще все, что, благодаря тем, кто принадлежит к рыцарскому ордену, составляет его славу.

22. Сколь истово ни заботился бы рыцарь о своем коне, не ухоженному коню обязан славой рыцарский орден, а тому, насколько истово заботился рыцарь о самом себе и о нравах своего сына; ибо не в коне заключается рыцарство, а в самом рыцаре. Поэтому рыцарь, который уделяет внимание своему коню и не уделяет внимания самому себе и своему сыну, едва ли не превращает самого себя и своего сына в животных, а коня своего — в рыцаря.

Часть VII

О ТЕХ ПОЧЕСТЯХ, КОТОРЫЕ НАДЛЕЖИТ ВОЗДАВАТЬ РЫЦАРЮ

1. И Господь, и люди воздали рыцарю почести, и немало об этом сказано в этой книге; следовательно, рыцарство — это поприще и почетное, и необходимое для сохранения надлежащего порядка в мире; а коль скоро это так, то рыцарь по всем возможным причинам должен пользоваться всеобщим почетом.

2. Если монарх, король или вельможа должен быть рыцарем, ибо, не будучи наделен рыцарским достоинством, не достоин он быть королем или вельможей,²⁸ то монархи и высокородные бароны должны воздавать рыцарям почести; ибо подобно рыцарям, прилагающим все усилия к тому, чтобы слава монархов и высоких вельмож превосходила славу всех остальных смертных, монархи и бароны должны прилагать все усилия к тому, чтобы слава рыцарей превосходила славу всех остальных смертных.

3. Рыцарство сообразно с привилегированностью, а привилегированность — с достоинствами монарха и короля, отсюда следует, что рыцарь должен пользоваться привилегированным положением, а монарх и король должны быть его господами. А если это так, то честь монарха или любого иного вельможи должна быть в ладу с честью рыцаря, дабы господин обладал владениями, а рыцарь был покрыт славой.

4. Рыцаря с незапятнанной честью любят за то, что он добрый, боятся потому, что он сильный, прославляют за добрые дела, а к помощи его прибегают потому, что он любимец и советчик господина. Поэтому пренебрежительно относиться к рыцарю как к одному из смертных — значит пренебрежительно относиться ко всему вышеизложенному, обязывающему нас воздавать рыцарю почести.

5. Господин, который в присутствии своей свиты, своих придворных и во время трапез оказывает честь рыцарю, печется о том, чтобы во время сражений честь его не пострадала. Господин, который назначает послом мудрого рыца-

ря, доверяет свою честь душевному благородству. Приумножая честь своего рыцаря, господин приумножает свою собственную честь. Господин, который всячески поддерживает своего рыцаря, соответствует своему положению и укрепляет его. Господин, который покровительствует рыцарю, не чужд рыцарству.

6. Домогаться жены рыцаря и склонять ее к блуду недостойно рыцарства. А жена рыцаря, родившая ребенка от простолюдина, наносит урон чести рыцаря и его родословной. И распутный рыцарь, имеющий ребенка от простолюдинки, наносит урон и своему благородному происхождению, и рыцарству. Тем самым благородное происхождение рыцаря и его жены, освященное браком, сообразно рыцарству, а низменные устремления наносят рыцарству урон.

7. Если простые смертные должны воздавать почести рыцарю, то долг рыцаря перед самим собой и себе подобными неизмеримо выше. И если рыцарь призван воздавать должное своему телу, заботясь о том, чтобы вооружение и одежда приличествовали его положению и чтобы прислуживали ему люди добрых нравов, насколько же большей должна быть его забота о своем великодушном сердце, благодаря которому он стал рыцарем. Ибо непоправимый урон наносится его душе, если впускает он в него низкие и подлые мысли, вероломство и измену и изгоняет из него благородные мысли, свойственные благородному сердцу.

8. Рыцарь, который позорит самого себя и себе подобных, теряет честь и достоинство, ибо

будь иначе, это было бы несправедливо по отношению к тем рыцарям, которые приумножают славу рыцарства в себе самих и в себе подобных. Поэтому если рыцарство именно в рыцаре и заключается, от кого, как не от рыцаря, зависит честь и бесчестье рыцарства?

9. Велики те почести, которые надлежит воздавать рыцарю, но еще более велика та слава, которую он призван принести рыцарству. И поскольку мы вознамерились написать книгу, посвященную *ордену клириков*,²⁹ то мы себе позволили в столь краткой форме изложить содержание «Книги о рыцарском ордене», которую на этом и завершаем к вящей славе Господа нашего Иисуса Христа.

КНИГА О ЖИВОТНЫХ

Поблагодарив философа, Феликс¹ попрощался с ним и отправился в путь, который пролегал по долине, изобиловавшей деревьями и источниками. Миновав ее, он встретил двух путников, длиннобородых, длинноволосых и одетых в рубища. И приветствовал он их, и приветствовали они его. И затем Феликс спросил их: «Почтенные, откуда идете вы и к какому ордену вы принадлежите, ибо, судя по вашему виду, вы из тех, кто дали обет?» «Господин, — сказали они, — мы прибыли издалека и миновали расположенную неподалеку отсюда равнину. Собралось на ней великое множество диких зверей, вознамерившихся выбрать себе царя. А принадлежим мы к апостольскому ордену, ибо наши облачения и наша нищета подобны тем, которые были свойственны апостолам, покуда пребывали они в нашем мире».

Несказанно удивился Феликс, узнав, что эти два незнакомца принадлежат к столь великому ордену, каковым является апостольский орден,² и поэтому сказал он им: «Апостольский орден превосходит все иные, и принадлежащие

к нему не должны бояться смерти, проповедуя пребывающим во мраке неверным путь к спасению; призваны они также наставлять и предостерегать погрязших в пороках христиан, являя им пример добрых нравов и праведной жизни, дабы встали они на путь истинный; и должны они неустанно проповедовать как тем, так и другим, и творить в меру своих сил добрые дела». «Господин, — ответили странники, — мы не достойны вести столь совершенный образ жизни, как апостолы, хотя и пытаемся походить на них внешним обликом, нищетою, а также тем, что странствуем по свету; и не оставляет нас надежда, что рано или поздно Господь пошлет в мир добродетельных людей, воистину принадлежащих к апостольскому ордену, знающих языки и науки, дабы проповедовать во всех уголках земли и, убеждая, обращаться с Божьей помощью в свою веру неверных, а христианам показывать пример благочестивыми речами и делами; вот и пытаемся мы походить на апостолов, дабы не иссякала к нам любовь Господа, а христиане стремились уподобляться подобным людям».

Великую радость доставили Феликсу слова двух странников, и прослезился он, и обратился к Богу с такими словами: «Владыка и Господь мой Иисус Христос, где она, святость, истовость и благочестие твоих проповедников, исполненных любви и почитания и готовых поэтому претерпеть мучения и смерть? Говорю тебе, Господи, что не за горами тот день, когда праведная жизнь, предвозвещенная жизнью этих людей, станет явью».

Сказав это, Феликс обратился к Господу с мольбой о благословении этих праведников и, простившись с ними, отправился в те края, где звери вознамерились выбрать себе царя.

1. О выборах царя

На одной живописной поляне, там, где безмятежно журчал ручей, собралось великое множество диких зверей, вознамерившихся выбрать себе царя. И когда большинство уже склонялось к тому, что им должен быть выбран Лев, вдруг этому воспротивился Бык, сказав: «Почтенные, дабы являть собою наивысшее благородство, царь должен быть безупречен во всем, следовательно, выбрать мы должны самого дородного, красивого и неприхотливого, того, кто не будет представлять опасности для своих вассалов. А Лев не высок, не дороден, отнюдь не питается одной травой, а, наоборот, поедает других животных.³ К тому же он обладает настолько громким и ужасающим голосом, что своим рычанием приводит нас всех в трепет. Поэтому мнение мое таково, что царем нам надлежит выбрать Коня, который высок, красив, неприхотлив, стремителен, наружность которого не вызывает ужаса и который не питается мясом». Весьма обрадовались Олень, Косуля, Баран и другие звери, питающиеся травой, выслушав то, что сказал Бык; но прежде чем кто-то другой успел взять слово, заговорил Лис⁴ и высказал свои возражения: «Друзья, когда Господь создал мир,⁵ он его создал не для того, чтобы человек снискал славу и

любовь, а для того, чтобы благодаря человеку снискал славу и любовь сам Господь; движимый этим намерением, Господь распорядился так, что звери должны служить человеку, несмотря на то что он питается как мясом, так и травой, вот почему вы не должны придавать значения доводам Быка, который ненавидит Льва за то, что тот питается мясом, а должны следовать в вашем выборе законам и установлениям, завещанным Господом нам, живым существам». Бык и его товарищи оспорили слова Лиса, заявив, что они предлагают выбрать царем Коня, основываясь на тех же самых доводах; ибо коль скоро он питается травой, то будь у них задняя мысль, они бы не предлагали выбрать царем того, кто питается тем же, что необходимо им самим для пропитания. И наоборот, кому не следует верить, так это Лису, ибо он предлагает в цари Льва для того, чтобы питаться объедками, остающимися после того, как тот отобедает другими животными, и именно поэтому он его предлагает, а не потому, что считает Льва самым благородным животным.

В конце концов настолько много аргументов было приведено с той и с другой стороны, что собрание растерялось и пришло в замешательство. Увидев это, Медведь, Леопард и Гепард, каждый из которых и сам не отказался бы стать царем, предложили перенести собрание на другой день, дабы время помогло определить, какой же зверь более других достоин быть царем. Однако Лис догадался, чем было вызвано желание Медведя, Леопарда и Гепарда перенести собрание, и так, чтобы все его слышали, сказал:

«Как-то в одном соборе выбирали епископа, и никак не могли каноники прийти к единому мнению. Одни из них хотели, чтобы был выбран ризничий этого собора, человек знающий и добродетельный. Другие же претенденты, архидиакон и регент, воспротивились избранию ризничего и в конце концов согласились с тем, чтобы был выбран епископом простой каноник, который был весьма представителен, однако малодушен, необразован и сластолюбив. Все были крайне удивлены поведением архидиакона и регента, а один из каноников сказал: „Если царем будет избран Лев, а Медведь, Гепард и Леопард были против его избрания, то он всегда будет относиться к ним с антипатией; если же царем станет Конь, а Лев совершит против него какой-либо проступок, сможет ли Конь наказать его, не будучи столь сильным и столь могучим зверем, как он?“» Когда Медведь, Гепард, и Леопард это услышали, испугались они Льва и согласились с тем, чтобы он был выбран; итак, благодаря Медведю и другим зверям, питающимся мясом, и вопреки тем, кто питается травой, царем был выбран Лев, который не замедлил издать указ, позволяющий хищникам есть мясо и питаться теми, кто питается травой.

И вот однажды совет, обсуждавший некоторые животрепещущие вопросы двора, продолжался до поздней ночи. Все очень проголодались, ибо провели много времени без еды и питья, и, спросив Волка и Лиса, чем они могли бы закусить, услышали, что на охоту идти уже поздно, но неподалеку пасутся теленок, сын Быка, и жеребенок, сын Коня, которыми вполне

можно было накормить всех; и тогда Лев отдал распоряжение привести их, а когда они были доставлены, их съели. Вознегодовали Бык и Конь и поступили в услужение к человеку, дабы отомстил он за причиненное им зло. Но стоило человеку стать их хозяином, как оседлал он Коня, а Быка заставил пахать.

И однажды случилось так, что встретились как-то Конь и Бык, и поведали они друг другу о своей новой жизни. И рассказал Конь, что он очень устает, служа человеку, ибо с раннего утра его седлают и весь день заставляют скакать по горам и по долинам, а ночью держат на привязи, и что он с радостью бежал бы от своего нынешнего рабства и готов был бы стать вассалом Льва, если бы тот не питался мясом и если бы сам он, наряду со Львом, не претендовал на трон; все это переполняло его страхом, не позволявшим ему вернуться туда, где правил Лев, и вынуждало оставаться с человеком, который, в отличие от Льва, не ел конины.

Когда Конь закончил рассказ о своей нынешней жизни, Бык рассказал, что каждый день его до изнеможения заставляют пахать и что хозяин не дает ему есть ту пшеницу, которая вырастает на вспаханной им земле, а, распрягая, позволяет ему лишь пастись на тех лугах, на которых до него уже паслись овцы и козы; и так неутешен он был, что Конь как мог старался его приободрить.

Покуда они беседовали, к ним подошел мясник, дабы проверить, набрал ли Бык весу, ибо хозяин собирался его продать; понимая это, Бык сказал Коню: «Друг мой, хозяин хочет меня про-

дать, дабы люди меня убили и съели». И сказал ему Конь, что неблагодарностью тот платит ему за то время, что он был у него в услужении; и вместе они горько сетовали; и посоветовал Конь Быку бежать и вернуться в родные края, ибо лучше уж бояться смерти, но на воле и среди родных, чем проводить свои дни в изнурительном труде на неблагодарного хозяина.

2. О царском совете

После того как его уже выбрали царем, Лев выступил с проникновенной речью перед своим народом, сказав: «Друзья, вам было угодно, чтобы я был вашим царем; однако вам надлежит знать, что царское поприще чревато большими опасностями, ибо если царь впадает в грехи, Господь нередко посылает голод, эпидемии, смерть и войны на те земли, которыми он правит; равно карает он и за грехи обитающего на них народа. И поэтому небезопасно ему править, да и для народа небезопасно, если правит им плохой царь. А если это так и столь тяжела власть над самим собой и своим народом, прошу вас дать мне советников, которые помогали бы мне советами, дабы и мне и вам избежать опасностей. Надеюсь, что предложенные вами советники будут мудрыми и преданными, будут достойны находиться рядом с царем и помогать ему своими советами».

Великую радость доставили слова царя как вельможам, так и простолюдинам, и все великой честью сочли возможность участвовать в этих

выборах и порешили, что советниками царя будут Медведь, Леопард, Гепард, Змея и Волк; а те, в присутствии всего собрания, поклялись отстаивать в меру сил интересы царя.

Однако Лис остался недоволен, ибо не оказался избранным в советники; и тогда в присутствии всех он сказал: «Как нам поведано в Евангелиях, Иисусу Христу, царю земному и небесному, было угодно выбрать себе спутниками и товарищами людей простых и смиренных, и поэтому остановил он свой выбор на апостолах, людях простых и кротких, показав этим, что они предпочтительнее для него благодаря своим добродетелям и что, по его разумению, обещают они быть еще смиреннее. Поэтому вопреки всем вам я полагаю, что советниками царя должны быть животные простые и смиренные, дабы не чванились они ни величием, ни родословной и дабы не почитали себя равными царю». Тем самым кротким, питающимся травой животным он подал пример надежды и смирения. Великую радость доставили слова Лиса Слону, Кабану, Оленю, Барану и другим животным, питающимся травой, и поэтому они предложили его самого, столь мудрого и красноречивого, ввести в совет. Со своей стороны Лис предложил в советники царя Слона, Кабана, Оленя и Барана.

Совсем не хотелось Медведю, Леопарду и Гепарду, чтобы Лис входил в совет; ибо боялись они, что благодаря красноречию и коварству он восстановит против них царя, тем более что никто так не способствовал его избранию, как он. И поэтому сказал Леопард царю, что

среди присутствующих был также Петух, который умен, прекрасен собой, умеет управляться с большим числом куриц, на рассвете поет звонко и мелодично и советы которого могут быть куда более полезны, чем советы Лиса. Его мнение поддержал Слон, добавив, что от Петуха Лев научился бы управлять царицей и рано благодаря ему вставал бы, дабы возносить хвалу Всевышнему; однако и Лис был бы хорошим советником, ибо он сообразителен и многоопытен. Но Леопард ему возразил, сказав, что не могут состоять в одном совете одновременно те, кто органически друг друга не переносят, ибо их ненависть друг к другу может внести смуту и сумятицу в королевский совет. И вновь слово взял Лис и сказал, что в совете надлежит быть животным величественным и красивым, подобным Слону, Кабану, Барану и Оленю; ибо те, кто близки царю, должны отличаться внешней привлекательностью.

Эти доводы убедили царя в том, что надлежит ему ввести в совет и в свою свиту Лиса и его единомышленников; и быть бы этому так, если бы не сказал Леопард царю следующее: «Господин, воевал как-то некий граф с неким королем и, не будучи столь могуществен, как тот, решил прибегнуть к одной уловке, тайно дав много денег королевскому писарю, дабы извещал тот его обо всех шагах, предпринимаемых королем против него. Итак, писарь чинил помехи планам царя, не давая ему завершить победоносно войну и пленить графа». Едва лишь Лев услышал рассказанную ему притчу, как ясна ему стала аналогия, и распорядился он, чтобы был введен

в совет Петух, а не Лис, дабы не извеждал он Слона и других животных, питающихся травой, о намерениях царя и его единомышленников.

3. Об измене, которую Лис замыслил против царя

Весьма не понравилось Лису и его товарищам, что царь не избрал их в свой совет; и стал он с этих пор возвращать в своем сердце измену, желая царю смерти. И поэтому он сказал Слону: «Отныне будет вражда между животными, питающимися мясом, и животными, питающимися травой; ибо царь и его советники питаются мясом, и нет в его совете ни одного из вас, кто был бы с вами одной природы и отстаивал бы ваши интересы». На что Слон ответил, что они надеются на то, что заботиться о них будут Змея и Петух, которые входят в совет и при этом не питаются мясом. Лис ему на это возразил, рассказав об одном христианине, имевшем раба-сарацина, которому тот полностью доверял и которому всячески покровительствовал; однако этот сарацин, исповедуя другую веру, не только не мог любить его, но помышлял лишь о том, как бы его убить.⁶ «А поэтому, друг мой, — сказал Лис Слону, — несмотря на то что Змея и Петух не питаются мясом, природа их настолько отлична от вашей, что вам и вам подобным следует не только не доверять им, но ждать от них всевозможных бед».

Слова Лиса заставили Слона глубоко задуматься о тех несчастьях, которые ему и его то-

варищам могли принести выбранные ими царь и его советники. Увидев его погруженным в раздумья, Лис сказал ему, что нечего опасаться царя и его советников, ибо стоит ему только захотеть стать царем, как он найдет возможность привести это в исполнение. Однако Слон забеспокоился, что Лис может предать его, ибо по своей природе должен испытывать большую симпатию к тем, кто питался мясом, нежели к тем, кто питался травой. И поэтому сказал ему следующее: «Пролетал как-то коршун и держал он в своих когтях мышку; увидел это отшельник, и обратился он с мольбой к Господу, чтобы упала она ему в сутану; и выполнил Господь его просьбу. И попросил он тогда Господа, чтобы тот превратил ее в прекрасную девушку, и эту его просьбу Господь выполнил. И когда отшельник ее увидел, то сказал ей: „Дева, хочешь ли ты, чтобы мужем твоим было солнце?“ „Нет, господин мой, — отвечала она, — ибо тучи нередко лишают солнце его сиянья“. Спросил ее тогда отшельник, не хотела ли бы она, чтобы мужем ее был месяц; и она сказала, что месяц сияет не своим сияньем, а заимствованным у солнца. „Прекрасная дева, — спросил ее отшельник, — хочешь ли ты, чтобы мужем твоим было облако?“ „Нет, — отвечала она, — ибо ветер несет его, куда пожелает“. Не хотела бы она видеть своим мужем ни ветер, ибо на пути его стоят горы; ни гору, ибо ее подтачивают мыши; и человека она не хотела бы видеть своим мужем, ибо ему ненавистны мыши. И в конце концов попросила девушка отшельника, чтобы умолил он Господа вновь превратить ее в

мышку и дать ей в мужья пригожего мышонка». ⁷

Стоило услышать Лису эту притчу, как тут же он понял, что не доверяет ему Слон, и забеспокоился он, как бы тот его не выдал; задумал он тогда предложить быть царем Кабану, так же как он предложил это Слону. Но дабы не делать свои планы достоянием многих, решил он приложить все усилия к тому, чтобы царем стал Слон, и обратился к нему с такими словами: «Был у одного рыцаря прекрасный сын, которого родила ему его жена; но жена рыцаря умерла, и он женился снова, и его вторая жена возненавидела мальчика, которого рыцарь очень любил. И когда исполнилось тому двадцать лет, придумала она, что надо сделать, чтобы ее муж выгнал своего сына из дома, и сказала мужу, что юноша бессовестно ее домогался; рыцарь так любил свою жену, что пришел в негодование и выгнал сына из дома, строго-настрого запретив показываться ему на глаза. Воспылал тогда юноша гневом против своего отца, который без причины лишил его крова и отказал ему в своем расположении». ⁸ Приободрился Слон, услышав притчу, рассказанную ему Лисом, и проникся надеждой стать царем; и спросил он, что замыслил Лис предпринять, чтобы царь умер, а новым царем был бы избран он, если царь столь силен и могуч и столь мудры его советники, а Лис столь неприметен и малозначим.

Рассказал ему Лис в ответ следующую притчу: «Договорились как-то в одной стране звери обеспечивать льва пищей, дабы он перестал на них охотиться, и обещал им лев этим довольст-

воваться. Итак, каждый день они бросали жребий, и тот из них, на кого он выпал, должен был отправляться к льву на съедение. И выпал однажды жребий зайцу, который так не хотел умирать, что еле передвигался и лишь к полудню предстал перед львом, который был очень зол, ибо испытывал голод; лев спросил его, почему он так задержался. Заяц сказал, что неподалеку ему встретился другой лев, который заявил, что эти земли принадлежат ему, и попытался его схватить. Решив, что это правда, лев очень расстроился и приказал зайцу показать то место, где находится другой лев. Лев шел вслед за зайцем, который привел его к большому пруду, окруженному со всех сторон высокой стеной, на которую они забрались. Увидев их отражение в воде, заяц сказал льву: „Господин мой, видите ли вы в воде льва, собирающегося съесть зайца?“ Поверил в это лев, ибо увидел он в воде свое отражение, прыгнул он в воду, дабы сразиться с несуществующим львом, и утонул. Так благодаря своей хитрости заяц победил льва».⁹

Когда услышал Слон эту притчу, он рассказал Лису другую: «В услужении у некоего царя были два юных рыцаря, и вот однажды, когда сидел он в присутствии большого числа баронов и рыцарей, один из этих молодых людей увидел блоху на белом одеянии царя и спросил его дозволения ее снять. И вот когда он ее поймал, царь соизволил осмотреть ее; а затем показал ее рыцарям, подивившись тому, что столь малое создание осмелилось посягнуть на царя; юноше же он повелел выдать сто золотых монет. Его то-

варищ, позавидовав ему, на следующий день сам посадил блоху на королевскую мантию и тоже в присутствии большого числа людей поймал ее и показал ему, что очень царя разгневало; упрекнув юношу за то, что тот плохо следит за его одеждой, царь приказал дать ему сто плетей». ¹⁰

Понял тогда Лис, что Слон боялся Льва, и подивился он тому, что столь крупное животное было подвержено страху; и поэтому сказал он ему следующее: «Как известно, Ева, единственная в ту пору женщина на земле, по наущению змея навлекла Божий гнев и на Адама, и на всех их потомков. Но если змею удалось столько зла принести Еве, неужели я при моей хитрости не смогу добиться того, чтобы вызвать отвращение и ненависть народа к своему царю». И тогда Слон, которого убедила притча о Еве, согласился предать своего царя и заявил, что если Лис убьет царя, то вполне может на него рассчитывать. Лис обещал ему погубить царя, Слон же ему поклялся, что осыпет его великими дарами и милостями, если сумеет тот возвести его на трон.

4. О том, как Лис был выбран царским привратником

Царь распорядился, чтобы Кот был его камердинером, ибо тот был сноровист в ловле и поедании мышей, причиняющих вред одеждам, а также в некоторой степени ему подобен; а Собака была его привратником, ибо имела хоро-

ший нюх, лаяла и предупреждала о приближении кого бы то ни было. Итак, Кот и Собака выполняли свои обязанности, а Лис тем временем отправился на поиски Быка и Коня, которые при дворе отсутствовали, и встретил Быка, возвращавшегося ко двору царя. Встретились Лис и Бык на живописной поляне; и поведал Бык Лису о своей жизни, о том, что он по собственной воле поступил в услужение к человеку, который закабалил его и намеревался продать мяснику, дабы тот его зарезал. Со своей стороны Лис рассказал Быку о жизни при дворе царя.

«Господин Бык, — спросил его Лис, — к чему вы стремитесь?» И ответил ему Бык, что он хотел бы быть в свите царя и бежать от человека, который готов был его убить; на это Лис сказал ему следующее: «В некоем царстве был очень дурной царь, имевший плохих советников; благодаря их порочности в стране не прекращались беды и невзгоды и неисчислимыми были несчастья, приносимые царем и его советниками людям, которые оказались в их власти. Столь велики были злоупотребления, совершаемые царем и его советниками, что не мог более выносить этого народ, желая ему и его советникам погибели».

Когда Бык услышал слова Лиса, понял он, что недобрыми были царь и его совет, и раздумал становиться подданным этого царя; обратился он тогда к Лису с такими словами: «Жил в одном городе епископ, который совершенно не соответствовал своему поприщу, и благодаря его порочности, бессовестности и дурному влиянию как на клир, так и на прихожан городу бы-

ло отказано в той благодати, которая была бы ему ниспослана, будь епископ таким, каким ему надлежало быть, следуя тем принципам и тому учению, которые Иисус Христос завещал апостолам и их последователям. Однажды епископ совершил тяжкую несправедливость и отправился вслед за этим служить мессу; и когда увидел это один каноник, то негодование его было столь сильным, что ушел он из города и отправился в лес к пастухам, сказав, что предпочитает жить среди пастухов, оберегающих своих овец от волков, чем с пастырем, предающим своих овец волкам».

Когда Бык рассказал эту притчу, он добавил, что предпочитает как можно скорее покинуть эту землю, дабы не попасть под власть дурного царя и его совета. «Господин мой, — сказал ему Лис, — слышал ли ты о вопросе, который отшельник задал царю?» — «А что за вопрос он ему задал?» — спросил Бык. «Высоко в горах жил отшельник, славившийся своей святой жизнью. Не раз этот отшельник слышал от людей жалобы на царя, его недостойное и порочное поведение. Возмущение его было настолько велико, что отправился он ко двору и, придя во дворец, сказал царю: „Господин мой, как вы думаете, чья жизнь более угодна Господу, жизнь отшельника или жизнь добросердечного царя, правящего страной в соответствии со своим нравом?“ Поразмыслив над вопросом, ответил царь, что жизнь монарха, творящего добрые дела, приносит большее благо, нежели жизнь отшельника. „Господин мой, — сказал отшельник, — очень меня обрадовал ваш ответ, из коего следует, что зло, которое

причиняет дурной царь своей стране, больше, чем добро, которое творит отшельник в своей хижине. Поэтому я и пришел к вам, дабы остаться у вас до тех пор, покуда добро не воцарится и в вашей душе, и в ваших владениях, наставляя и увещевая вас примером и словом Божиим, дабы приблизились вы к нему в своем понимании и прониклись к нему любовью и трепетом". И согласился на это царь, а отшельник выполнил свое обещание». ¹¹

Изложив эту притчу, Лис сказал Быку: «Господин мой, поскольку такое животное, как вы, походит на отшельника, то если вы не возражаете, я найду способ помочь вам облагородить царский нрав, что будет иметь очень полезные последствия». Бык согласился сделать это для общего блага. Затем Лис посоветовал Быку отправиться на роскошный луг, располагавшийся неподалеку от того места, где находились царь и его свита, и пастись там до тех пор, пока не обретет он дородного тела и могучего мычания; сам же он вернется ко двору, обратится к царю и обо всем ему расскажет; Бык же тем временем должен как можно громче мычать по три раза каждый день и каждую ночь. Внял Бык советам Лиса, и отправился Лис тотчас ко двору царя.

И так хорошо отдыхал и обильно питался Бык, что вскоре начал громко мычать, и это вызвало у царя такой страх, что он не мог его побороть и очень опасался, что свита сочтет его трусом. И вот когда царь был объят страхом, хотя никто из его приближенных об этом не догадывался, к нему приблизился Лис, но тотчас, увидев его, запел Петух и залаяла Собака, однако

царь отнесся к нему благосклонно и спросил, не знает ли он, какому животному принадлежит столь зычный голос, ибо, судя по нему, это должен был быть мощный и сильный зверь.¹²

«Господин, — сказал Лис, — некий жоглар подвесил как-то к дереву барабан, который при порывах ветра с такой силой ударялся о ветки и о ствол дерева, что грохот был слышен по всей округе. Жившая неподалеку обезьяна решила, что коль грохот был столь велик, то внутри барабана должно быть что-то огромное и съедобное, но, разломав его, увидела, что он пуст.¹³ Так и вы можете заключить, что столь же ничтожным является и то животное, которое вы слышите, и голос не свидетельствует ни о могуществе, ни о силе; а следовательно, столь сильному и благородному животному, каким и следует быть царю, не следует выказывать страха перед чем бы то ни было, тем более перед неизвестностью».

Когда Лис произносил эти слова, Бык снова так сильно замычал, что по всей округе пошел гул, и содрогнулись царь и все его приближенные, и не мог Лев избавиться от своего страха, заявив, что если сила этого животного соответствует мощи его мычания, то не чувствует он себя в безопасности. И снова замычал Бык, и вновь содрогнулись все, кроме Лиса, который не выказывал никаких признаков страха и был весел и беззаботен. И спросил тогда Лиса удивленный Лев, почему на него не наводит страх столь мощный и зычный голос, в то время как и он сам, и Медведь, и Леопард, и другие сильные звери этот страх испытывают.

Лис на это ответил: «У одного ворона гнездо было на вершине скалы, и каждый год огромная змея поедала всех его птенцов, так что был он в отчаянии; однако не решался сразиться со змеей, не смея тягаться с ней в могуществе и силе; между тем он решил отомстить ей, прибегнув к хитрости. Однажды королевская дочь играла со своими подругами на лужайке, сняв с головы украшение из золота и серебра, усыпанное драгоценными камнями, и повесила его на ветку дерева. Ворон схватил украшение и улетел; за его полетом следило много людей, дабы увидеть, куда он унес украшение, столь любимое королевской дочерью, которая была неутешна, ибо ворон унес ее украшение. Ворон отнес украшение туда, где жила змея, и там его бросил, а люди, преследовавшие его, дабы забрать украшение, ее увидели и убили, и таким образом хитрость одолела силу».¹⁴ «Вот и у меня, — добавил Лис, — столько хитрости, — что если силой оружия мне не одолеть зверя, голос которого столь зычен и ужасен, мне хватит ее одной, чтобы с ним покончить».

Когда Лис рассказал свою притчу, Змея, стоявшая в царском совете, сказала следующее: «В одном пруду жила дикая утка, привыкшая к обильной пище, но разучившаяся по старости ловить рыбу, и решила она прибегнуть к хитрости, каковая, однако, послужила причиной ее смерти». И когда Лев спросил ее, что же произошло, она продолжила свой рассказ:

«Господин, однажды дикая утка с удрученным видом и не помышляя о рыбе, весь день просидела на берегу пруда; рак, подивившись тому,

что она, против обыкновения, не ловила рыбу, спросил ее, чем вызвана ее печаль. Она ответила ему, что скорбит по поводу участи рыб этого пруда, с которыми она столько лет прожила вместе, ибо слышала она, как рыбаки, ловившие рыбу в другом пруду, неподалеку отсюда, говорили, что, закончив ловлю там, они придут сюда и, будучи очень искусными в своем деле, в скором времени выловят всю рыбу и здесь и ни одна рыба от них не ускользнет. Услышав эти слова, рак очень испугался и все рассказал рыбам; и тогда подплыли они все к дикой утке и попросили ее научить их, как им быть. Дикая утка сказала им, что единственное, чем она может им помочь, дабы спасти их, это перенести их, одну за другой, в другой пруд, расположенный в лиге отсюда, где было много тростника, а также много тины, которая не позволит рыбакам их вылавливать. Все рыбы единодушно согласились, и дикая утка каждый день отбирала нескольких рыб и, вместо того чтобы переносить их в другой пруд, относила на один холмов, где съедала, а затем возвращалась за новыми, избавив тем самым себя от необходимости ловить рыбу. Наступил, однако, момент, когда рак попросил дикую утку взять и его. Она вытянула шею, а он ухватился за нее обеими клешнями; пролетая над прудом, рак с интересом смотрел вниз, ибо видел его впервые, но вот когда они оказались над тем местом, где дикая утка поедала рыбу, увидел рак кости и догадался об обмане; и тогда он сказал себе: „Пока есть у тебя и время, и жизнь, ты должен отомстить предателю, собирающемуся тебя съесть”. И он с такой силой сжал шею дикой ут-

ки, что сломал ее, и упала она мертвой на землю. Вернувшись в пруд, рак поведал рыбам о том, как обманула их дикая утка и как этот обман стоил ей самой жизни». ¹⁵

«Господин, — сказал Лис царю, — когда Господь изгнал змею из Рая, он проклял змею, ибо она надумила Еву вкусить от плода, который Господь Адаму есть запретил; с тех пор все змеи ужасны на вид и ядовиты, да и все зло на земле появилось благодаря змее; поэтому-то однажды мудрец убедил одного царя изгнать из его совета змею, несмотря на то что тот ее очень ценил». И когда царь попросил его рассказать ему эту притчу, он продолжил: «Прослышал как-то царь о существовании очень мудрого и святого человека и послал за ним, и просил он его остаться и, наставляя советами, помогать ему править и избавляться от пороков, буде таковые народ обнаружит. И остался праведник у царя, дабы склонять его к добрым делам и уберечь его от злых. И вот однажды, когда на царском совете решался очень важный вопрос и рядом с царем был удав, с которым тот советовался и которому доверял больше, чем кому бы то ни было другому, праведник спросил его, что значит быть царем; царь ему ответил, что царь в некотором роде подобен Богу, ибо он призван на земле утверждать справедливость и, основываясь на ней, править своим народом, который отдан был под его покровительство Господом. „Господин, — вновь обратился к нему с вопросом праведник, — какая тварь оказалась самой неугодной Господу, когда он сотворил мир?“ И ответил царь, что змея. И воскликнул тогда

праведник: „Из ваших слов следует, что вам надлежит преследовать змей и что вы совершаете тяжкий грех, позволяя змее находиться в вашей свите; ибо если, будучи царем, вы являетесь собой образ Божий на земле, вам надлежит питать отвращение к тому, к чему питает отвращение Господь, особенно же к тому, что ему отвратительнее всего”. Убедили слова праведника царя, и приказал он убить змею, и ни хитрость, ни уловки не спасли ее от смерти».

Когда Лис рассказал эту притчу, Бык снова столь громко замычал, что по всей округе прошел гул, а Лев и его приближенные задрожали от страха. И тогда Лис им сказал, что, если они хотят, он может отправиться на поиски зверя, обладающего столь ужасающим голосом, и попробовать привести его к царю, дабы вошел он в его свиту. Очень обрадовало это царя и всех остальных. И попросил Лис царя, чтобы никто не обижал и не оскорблял этого зверя, если удастся ему привести его. И обещал Лев при всех Лису выполнить его просьбу.

Отправился тогда Лис туда, где он оставил Быка, который, увидев его, очень обрадовался; они обменялись любезными приветствиями, и Лис ему обо всем рассказал. «Мой друг, — сказал ему Лис, — вам надлежит прийти к царю, и держаться очень скромно, и всячески демонстрировать покорность и раскаяние, ибо я сообщил, что вы очень сожалеете о содеянном. Вы должны публично попросить прощения у царя за то, что оставили его и ушли в услужение к человеку; иными словами, вам надлежит говорить и держаться перед царем, его приближенными и

его советниками настолько смиренно, чтобы ваш вид и ваши слова всех порадовали; а затем вы должны рассказать им о нравах людей и посоветовать установить дружественные отношения с их царем».

Итак, Бык и Лис отправились ко двору; и когда царь и его приближенные увидели Быка, то узнали его и устыдились своего страха; и удивился царь, что у Быка мог быть столь зычный, столь сильный и столь ужасающий голос. И Бык воздал царю подобающие ему почести, а царь попросил его поведать о своей жизни; и рассказал ему Бык обо всем, что с ним произошло, пока был он в услужении у человека. И Лев вновь удивился тому, что голос его столь изменился. И ответил на это Бык, что он мычал от страха и раскаянья, ибо страшился гнева царя и его приближенных за то, что покинул его ради другого господина. А поскольку ужас и скорбь приводили в трепет его душу, то изменился и голос, свидетельствуя о страхе, раскаянии и малодушии. Тем самым Бык попросил у царя прощения, и царь при всех его простил и попросил рассказать о царе людей. И сказал Бык, что права была змея, когда заявила, что самая подлая и лживая тварь на земле — это человек. И спросил его Лев, что имела в виду змея, когда заявила, что самая подлая и лживая тварь на земле — это человек.

«Господин, — сказал ему на это Бык, — однажды медведь, ворон, человек и змея упали в глубокую яму. Увидев проходящего мимо благочестивого отшельника, они стали просить его выволить их оттуда, обещая быть ему благодар-

ными до гроба. И вот когда он уже вытащил медведя, ворона и змею и намеревался вытаскивать человека, змея стала его отговаривать, пророча ему в этом случае черную неблагодарность со стороны человека. Однако отшельник, не поверив ей, вытащил также и человека. В скором времени медведь принес отшельнику улей. Наевшись меда, он отправился проповедовать в один город; едва он вошел в него, ворон принес ему драгоценное украшение, которое он снял с головы королевской дочери и которое очень порадовало отшельника, ибо не было ему цены. В городе он увидел человека, который, обращаясь ко всем, предлагал тому, кто нашел украшение, вернуть его за высокое вознаграждение королевской дочери, в противном же случае его обладателя ждала суровая кара. На улице отшельник увидел вытасченного им из ямы человека, который оказался ювелиром. Праведник втайне от всех передал ему украшение, однако тот отнес его во дворец и во всем обвинил отшельника, которого схватили, избили и бросили в темницу. Однако змея, которую он также вытащил из ямы, проникла к спящей принцессе и ужалила ее в руку; принцесса закричала и заплакала, ибо рука у нее очень опухла. Король был очень взволнован болезнью дочери, ибо болела у нее опухшая от укуса рука, и объявил он, что тот, кто вылечит его дочь, будет щедро вознагражден. И тогда змея приползла к спящему королю и сказала ему на ухо, что в темнице томится человек, обладающий травой, от которой выздоровеет его дочь; а траву эту добрый человек получил от змеи, объяснившей ему, как ее применять

и как просить короля наказать неблагодарного ювелира. Все было сделано именно так, как задумала змея, и освобожден был отшельник и наказан ювелир». ¹⁶

Великую радость доставила царю и его совету рассказанная Быком притча, нелестная по отношению к человеку, и спросил он его, стоит ли ему, по его мнению, бояться царя людей; на это Бык сказал, что враждовать с ним весьма небезопасно, ибо любое животное беззащитно перед дурным, могущественным и хитроумным человеком.

Лев глубоко задумался, и тогда Лис, которому стало ясно, что снова тот испугался, сказал ему: «Господин, нет животного, более высокомерного, чем человек, и он же самое алчное животное, и поэтому, если будет на то ваша добрая воля и согласие вашего совета, следовало бы направить к царю людей посланников с дарами, дабы они засвидетельствовали ваши к нему дружественные чувства и вручили бы подарки, и это расположило бы его к вам и вашему народу».

Это предложение пришлось вполне по душе Льву и его совету, и лишь Петух высказался против: «Случилось как-то в одной стране, что сила и хитрость спорили, пытаясь каждая склонить царя в свою пользу. И сила доказывала, что по своей родословной она превосходит хитрость, а хитрость утверждала обратное. И желая тогда выяснить, кто же прав, предложил им царь померяться силами, и хитрость ододела силу». «И поэтому, господин, — сказал Петух, — если вы завяжете дружественные отно-

шения с царем людей и направите к нему ваших посланников, то он направит к вам своих, которые увидят, что ни в вас, ни в ваших вельможах нет ни находчивости, ни сноровки, дабы противостоять тому, у кого есть и находчивость и сноровка и кто с их помощью побеждает тех, у кого их нет». На это Лис возразил, сказав, что величие Господа заключается в его могуществе, а не в находчивости и сноровке; отсюда следует, что тем, кто сражается тем же оружием, что и Господь, предназначено быть сильнее своих противников.

Великую радость доставила Льву рассказанная Лисом притча, и решил он во что бы ни стало направить посланников с дарами к царю людей; и поэтому спросил, кто достоин быть его посланцами и какие дары они должны будут взять с собой; и Лис посоветовал ему прислушаться к мнению Быка, который знал нравы людей и их пристрастия. И когда Быку был задан вопрос, он сказал: «Господин, когда царь людей направляет посланников, он останавливает свой выбор на самых именитых и высокоумных; среди ваших приближенных таковыми являются Гепард и Леопард, а в качестве подарков следует взять Кота, отдаленно вас напоминающего, и Собаку, ибо люди питают большую склонность к охоте».

И поступил Лев в точности так, как посоветовал ему Бык, и направил Гепарда и Леопарда посланниками, а в качестве даров послал Кота и Собаку; Быка он назначил камердинером, а Лису досталась должность, ранее принадлежавшая Собаке.

5. О посланниках, которых Лев направил к царю людей

Прежде чем отправить посольство, Лев решил объяснить Гепарду и Леопарду, в чем состоит их обязанность в качестве послов, и сказал он им следующее: «Мудрость господина проявляется в мудрых посланниках, которые говорят толково, советы дают дельные и действуют в согласии; величие господина проявляется в том, что его посланники ведут образ жизни, соответствующий их родовитости, что они достойно выглядят и имеют членов семей, отличающихся благопристойными и изысканными манерами, благодаря чему они будут избавлены от корысти, сластолюбия, высокомерия, гнева и других пороков. Эти и многие другие качества необходимы посланникам монарха, направляемым в другие страны».

Получив наставления Льва, посланники выехали со двора и проехали много стран, прежде чем добрались до города, в котором царь людей собирал свой совет. Въезжая в него, они увидели продажных женщин, блудивших с мужчинами на глазах у посланников. Подивились этому посланники, и Леопард рассказал своим товарищам следующее: «Один горожанин был женат на женщине, которую горячо любил. Напротив его дома жила женщина, промышлявшая блудом. Жена горожанина видела, как то и дело заходили к этой блуднице распутники, и захотелось ей заняться тем же. Итак, долгое время жила она в грехе, пока муж не застал ее блудящей, но когда он разгневался, она ему сказала: „Од-

нажды два козла бились друг с другом на поляне, и столь сильными были удары, что трава обильно орошалась кровью, и ее слизывала лиса, пока не оказалась между разъяренными козлами, которые нанесли ей с двух сторон такой удар, что она тут же и умерла, оказавшись причиной собственной смерти».¹⁷ «Господин мой Леопард, — сказала Собака, — странно, что люди, которые верят в Бога, не считают для себя позорным, что эти распутные женщины блудят в присутствии людей, въезжающих в город и выезжающих из него. Свидетельствует это о том, что правитель этого города и его обитатели сластолюбивы, ибо столь бесстыдно, подобно псам, дают волю своему сластолюбию».¹⁸ И когда произнесла Собака эти слова, они въехали в город и направились к постоялому двору; а уже оттуда Леопард и Гепард отправились на прием к царю, захватив привезенные с собой дары.

Немало времени провели посланники в этом городе, прежде чем смогли они увидеть царя, ибо этот царь имел обыкновение встречаться с людьми в самых крайних случаях, дабы подчеркивать этим свое превосходство. Таким образом, проведя, наряду с другими, весь день у ворот дворца и не сумев в него проникнуть, они уже были не рады тому, что прибыли ко двору; и один человек, полный негодования оттого, что давно безуспешно пытался встретиться с царем, сказал в присутствии посланников: «Велико смирение Господа, который есть царь небесный, земной и царь всего сущего на земле, ибо всегда, когда человек нуждается во встрече с ним и ждет от него участия, он готов его приветить, не буду-

чи окружен привратниками, ждущими денег, советниками, его именем творящими беззакония, и не верит он льстецам, и не назначает он правителями, судьями, посредниками и прокураторами людей высокомерных, алчных, тщеславных, сластолюбивых и злопамятных. Да благословен будет этот царь и все те, кто его познает, любит, славит и кто ему служит!»

Поняли тогда посланники, что царь был человеком порочным; и сказал тогда Гепард Леопарду следующее: «Как-то один король решил отдать свою дочь замуж за другого короля, но заранее тайно послал к его двору рыцаря, дабы быть уверенным, что брак будет удачным. Рыцарь справился у деревенских и городских жителей о нравах и обычаях короля, и ничего хорошего они ему не сказали. Наконец, он повстречал двух жогларов, побывавших при дворе короля, и задал он им тот же вопрос; и ответили они, что король был страстным охотником, радушным и щедрым; и превозносили они его за многие другие его достоинства и в завершение сказали, что одарил он их деньгами и одеждами. Видя, как они рассыпаются в похвалах, и помня, как осуждал его народ, понял рыцарь, что король был порочным человеком недостойного поведения. И когда вернувшийся рыцарь рассказал об этом своему господину, не пожелал тот выдавать свою дочь замуж за такого короля, ибо считал для себя позорным отдать ее за человека недостойного поведения».

Добились наконец посланники, чтобы их допустили к царю, и вручили они ему отправленные Львом подарки и письмо, в кото-

ром говорилось следующее: «Правил в одной стране король, у которого было много высокородных и могущественных баронов. И решил король для их устрашения и для поддержания мира и справедливости в своих владениях установить дружественные отношения с императором. На что император, который высоко ценил его как за благорасположение, так и за добронравие, с готовностью согласился, преследуя те же цели, потому что хотел пресечь неповиновение собственных баронов; тем самым укрепили они свою власть, и воцарился мир на землях короля». Узнав, о чем пишет ему Лев и получив подарки, царь отдал Кота находившемуся здесь старьевщику, а Собаку одному рыцарю, увлекающемуся охотой; весьма недовольными этим остались посланники, ибо старьевщик был недостоин стать хозяином Кота, которого Лев послал, видя в нем как бы свое подобие. Вернувшись на постоянный двор после длительной беседы с царем о цели своего посольства, они обнаружили там Собаку, выразившую недовольство тем, что ее отдали рыцарю, который вынуждал ее охотиться и преследовать малых тварей, вассалов Льва, и предполагавшую, что поступает она вопреки природному своему господину.

Спустя какое-то время позвал царь посланников отобедать с ним по случаю праздника в роскошном зале, где вместе с ним пировали также царица и большое число рыцарей и их жен. Во время пира в зале находились жоглары, которые, аккомпанируя себе на музыкальных инструментах, пели непристойные песни,

наносящие урон добронравию. Превозносили эти жоглары то, что должны были бы порицать, и порицали то, что должны были бы превозносить;¹⁹ а царь, царица и все остальные веселились и получали удовольствие от всего того, что демонстрировали им жоглары.

В то время как царь и все присутствовавшие были поглощены тем, что делали и говорили жоглары, в зал вошел длиннородый человек в лохмотьях, который сказал: «Да не забудут царь, царица, вельможи и их дамы, и все, именитые и безродные, пирующие в этом зале, что Господь сотворил всех, как присутствующих, так и отсутствующих в этом зале, столь различными, но одинаково равнодушными к яствам, привезенным из заморских стран, дабы услаждали они человека и дабы сам человек служил Господу. Да не подумают царь и царица, что Господь забудет, что зал этот был средоточием беспутства и безобразия и что Господу в нем была нанесена обида, ибо не было в нем никого, порицающего то, что достойно порицания, восхваляющего то, что достойно восхваления, и возносящего хвалу Господу за ту честь, которой были удостоены в этом мире царь, царица и все их приближенные». Как только праведник произнес эти слова, один благоразумный оруженосец преклонил перед царем колени, прося, чтобы тот вменил ему в обязанность, пребывая при дворе, восхвалять достойное восхваления и осуждать достойное осуждения. Однако царь отклонил его просьбу, опасаясь, как бы оруженосец не стал осуждать те пороки, которые стали ему присущи, которыми он тешился и которым

он хотел бы предаваться до конца своих дней, оставляя на будущее возможность покаяться в грехах.

В то время как оруженосец просил царя возложить на него обязанности, в которых царь ему отказывал, вошел городской викарий и привел с собой человека, который вероломно убил рыцаря. И приговорил его за это царь к повешению; и тогда сказал этот человек следующее: «Господин, Бог всегда бывает милостив, когда человек взывает к его милосердию; и поскольку вы замещаете на земле Бога, я молю вас о снисхождении, оказав которое вы ему уподобитесь». И ответил на это царь: «Господь справедлив и милостив. Движет им справедливость, когда он прощает того, кто совершает преступление по неведению или по стечению обстоятельств, а затем умоляет простить его, и всемилостивый Господь его прощает. Но не было бы согласия между справедливостью и милосердием, если бы Господь прощал того, кто грешит умышленно и, нанеся ему оскорбление, рассчитывает затем получить прощение. А поскольку ты задумал убить рыцаря, надеясь на то, что я смилостивлюсь над тобой, ты недостоин прощения». Из этих слов, сказанных царем, посланники заключили, что, отказывая оруженосцу в том, о чем тот его просил, он поступал вопреки собственным убеждениям.

По завершении пира и когда все покинули зал, посланники вернулись на свой постоянный двор, рассуждая о том, сколь прославлен был бы двор и сколь богат был бы царь людьми и сокровищами, будь он благоразумным и боголюбивым.

вым. На постоялом дворе они застали безутешным его хозяина и, спросив его о причине его горя, услышали: «В этом городе располагался царский двор, поэтому отовсюду стекалось сюда много народа, что требовало огромных затрат. Дабы обеспечить себя средствами, царь возложил на всех непосильное бремя поборов, и я должен внести тысячу монет, которые мне придется одалживать у евреев». — «Господин мой, — воскликнули посланники, — неужели у царя нет казны?» И услышали в ответ, что вся царская казна состояла из тех поборов, которыми обременялись его подданные, и уходила она на содержание пребывавшего при нем круглый год совета. «Господин мой, — спросил его Гепард, — какая польза царю иметь при себе совет круглый год?» И услышал в ответ, что никакой, один лишь вред; ибо население разорялось, и нужда толкала царя на разные хитрости и уловки и рождала недовольство им, ибо тратил он больше, чем имел, и, забирая средства у одних, отдавал их другим, которые его презирали, ибо, изображая чрезвычайную занятость и деловитость, никакой реальной пользы не приносили.

Выслушав его, посланники также прониклись презрением к царю и его приспешникам. «Друзья мои, — сказал Леопард, — неисчислимый вред этой стране наносит не расположенный к добронравию и справедливости царь». А хозяин постоялого двора добавил: «Трудно представить себе тот вред, который приносит злонаправленный монарх: неисчислимо совершаемое им зло и не совершаемое им добро, которое могло бы быть совершено. Подобный человек слишком полага-

ется на свой совет, состоящий из презренных, подлых и настолько высокомерных людей, что каждый из них ставит себя выше царя, который думает только об охоте, досуге, ничтожных и порочных занятиях».

Посланники еще раз явились во дворец для беседы с царем, но, поскольку он спал, они не смогли к нему пройти до тех пор, пока щедро не одарили привратников; когда же они наконец вошли к нему, царь воздал больше почестей Леопарду, чем Гепарду, ибо смотрел на него благосклоннее и посадил его ближе к себе, чем нанес большое оскорбление Гепарду, по мнению которого он был достоин по крайней мере таких же почестей, что и Леопард. В то время, когда посланники были у царя, к нему пришли восемь посланцев четырех городов с жалобами на царских наместников, ибо мало того, что они были порочными, корыстолюбивыми и никчемными, они приводили города в упадок; и поэтому просили посланцы прислать им других; однако царь попросил своих советников разобраться в обоснованности их жалоб. Совет же, выслушав посланцев, сурово их отчитал, ибо у наместников были в нем свои люди, пользуясь попустительством которых они и вершили свои злые дела, делясь с ними частью своих грязных доходов. В результате посланцы вернулись восвояси, ничего не добившись.

«Господин мой, — сказал Леопард, — я бы хотел получить какой-то ответ для моего господина». Царь попросил Леопарда передать привет и сказать, что ему хотелось бы, чтобы тот прислал ему медведя и волка, самых что ни на

есть свирепых, дабы медведь сразился с его могучим кабаном, а волк — с его бесстрашным бульдогом. С этим посланники простились и отбыли, весьма недовольные тем, что не получили никаких подарков ни для себя, ни для своего господина, и к тому же им показалось, что царь вознамерился подчинить себе Льва.

По дороге они встретили восьмерых посланцев, возвращавшихся домой столь же неудовлетворенными, как и они; поэтому и те, и другие высказали о царе и его советниках весьма нелестное мнение. И спросил их Леопард, несет ли царь, по их мнению, ответственность за все происходящее. И один из них ему ответил: «Жил в одном городе очень богатый человек, и когда он умер, он оставил все свое достояние сыну, которому все наперебой стали что-то советовать: одни советовали жениться, другие избрать духовное поприще. Но он предпочел продать все, что имел, и построил странноприимный дом и мост. В странноприимном доме должны были находить приют пилигримы, вернувшиеся из Святой Земли; а по мосту отныне безопасно могли проходить пилигримы, которые до этого, по пути в Иерусалим или возвращаясь из него, нередко тонули в реке. И когда завершил он оба своих дела, приснился ему сон, из которого стало ему ясно, что зачтется ему перед Богом то благо, которое они принесут». Когда Леопард услышал эти слова, он понял, что царю предуготованы адские муки, столь великие, сколь велико то зло, которое явилось следствием порочности его самого и его советников, и заметил он, что эту кару они вполне заслужи-

ли. И сказал он также, что предпочитает скорее быть неразумной тварью, ибо ничего ему в этом случае после смерти не грозило, чем злонравным царем людей, что влекло за собой неисчислимые бедствия. Когда настало время прощаться, Леопард посоветовал посланцам возлагать надежды на то, что пошлет им Господь в скором времени достойного господина, который назначит достойный совет и достойных заместителей; ибо не допустит Господь, чтобы зло было долговечно, дабы не натворило оно еще больших бед.

Пока посланники находились при дворе царя людей, ставший привратником Лис сказал царю, что не было на свете красивее зверя, чем жена Леопарда;²⁰ и так он ее превозносил, что царь влюбился в нее и взял в жены, вопреки мнению царицы и всего совета; и всех приближенных, увидевших, какое зло, по наущению Лиса, совершил царь по отношению к своей доброй жене и по отношению к Леопарду, служившему ему верой и правдой, объял ужас. И сказал тогда Бык Лису: «Я очень опасаюсь, что Леопард захочет тебе отомстить, когда узнает, что благодаря тебе он лишился жены». На что Лис ему ответил: «Как-то одна служанка совершила проступок против своей госпожи, но ей удалось добиться такой благосклонности короля, что королева боялась ее пуще всего на свете и, опасаясь короля, не осмеливалась ей отомстить».

В скором времени вернулись посланники, и, узнав о случившемся, Леопард поспешил домой, где надеялся найти свою жену, которую очень любил, а застал лишь Белку и других домочадцев в великой скорби; они рассказали

Леопарду о бесчестье, нанесенном ему царем, который забрал у него жену; вознегодовал Леопард и захотел он узнать, по доброй ли воле ушла его жена или же она была уведена силой. И ответила ему Белка, что жена была безутешна и обливалась слезами, ибо любила его больше всего на свете. Вознегодовал Леопард пуще прежнего, ибо насильно ее увели, а не уговорами. Объятый яростью, сидел Леопард, размышляя о том, как ему отомстить Льву, столь вероломно с ним поступившему.

6. О поединке между Леопардом и Гепардом

Явился Леопард ко двору, и Лис, увидев его, сказал царю так, чтобы никто его не слышал: «Господин, из-за вашего увлечения женой Леопарда впал я у него в немилость; если вы меня не возвысите и не приблизите к себе, он лишит меня жизни». Вняв его доводам, Лев ввел Лиса в свой совет и закрепил за ним место в непосредственной к себе близости, а также, руководствуясь его советом, назначил привратником Павлина, принимая во внимание его чутье. Оказанной Лису честью царь вызвал сильное недовольство всех вельмож и членов своего совета, особенно Леопарда, которому было известно, что именно Лис был причиной его несчастья.

В присутствии всего двора Леопард публично обвинил царя в коварстве, ибо тот вероломно отнял у него жену; а также он предложил тому, кто готов вступить за честь царя, сразиться с

ним в поединке. Итак, Леопард бросил царю перчатку в знак своей готовности к поединку. Несказанно разгневался царь, ибо Леопард обвинил его в вероломстве при всем честном народе, и обратился он к своим баронам, спросив их: «Кто из вас готов сразиться с Леопардом, оставляя мою честь и достоинство?» Все бароны молчали, и тогда Лис сказал: «Вероломство — это порок, наиболее неугодный Господу, и если господин будет обвинен в вероломстве, то несмыываемый позор падет на голову всего народа. Поскольку Леопард обесчестил своего господина и своим поступком заслужил смерть, то по чести поступит тот благородный барон, который снимет с царя обвинение в вероломстве; и, дабы спасти его честь, примет вызов». Поскольку чести царя был нанесен серьезный урон обвинением в вероломстве, которое ему бросил Леопард, Гепард, вспомнив о том, что царь людей воздал больше почестей Леопарду, принял вызов. Однако его мучила совесть, ибо он понимал, что царь поступил коварно и подло по отношению к Леопарду, который верой и правдой служил ему всю жизнь.

Леопард и Гепард отправились на поле для турниров,²¹ а люди, собравшиеся там, задавались вопросом: истина или ложь одержит верх? И когда Петух спросил Змею, кто, по ее разумению, должен одержать победу, та ему ответила: «Поединок возможен лишь потому, что истина в силах пристыдить и одолеть ложь; а коль скоро Господь — это истина, то все, вступающиеся за ложь, выступают против Господа и против истины».²² Услышав эти слова, Леопард приобод-

рился, а Гепард, в противоположность ему, по-мрачнел и приуныл, опасаясь, как бы грехи царя не оказались причиной его бесчестья и его смерти.

Поединок длился весь день до позднего вечера, ибо Гепард яростно защищался и мог бы победить и сокрушить Леопарда, если бы не правое дело не лишало его мужества и если бы правое дело, которое отстаивал Леопард, а также правый гнев против царя его не воодушевляли; иными словами, Леопард был убежден, что победить его невозможно. Убежденность наделяла его такой отвагой, что в конечном счете он победил Гепарда, заставил признать вероломство и коварство его господина и убил его. Пристыженным оказался царь при великом стечении народа, убедившегося в бесчестии своего господина.

Великое смятение охватило тогда царя, устыдившегося своих подданных, и набросился он на Леопарда, лишившего его чести, и растерзал он его, ибо тот не посмел защищаться от своего господина. Глубокое отчаяние охватило всех оказавшихся свидетелями совершенного царем злодеяния, и каждый про себя подумал, что желал бы оказаться под властью другого монарха, ибо нет ничего ужаснее, чем несправедливый, вспыльчивый и вероломный правитель.

Провел Лев эту ночь в тоске и унынье, а наутро созвал свой совет и спросил, как надлежит ему поступить в ответ на просьбу царя людей прислать ему медведя и волка. «Господин, — сказала Змея, самая мудрая из его советников, — в вашей стране нет недостатка в медведях и волках, так что выбрать вам не составит

большого труда». Однако Лис сказал: «Господин, царь людей — самый родовитый и самый могущественный из монархов; поэтому вам надлежит послать ему самых могучих и самых смысленых из всех ваших медведей и волков, ибо в противном случае он может оскорбиться и вознегодовать». Когда же царь спросил его, кого же он имеет в виду, Лис ответил, что коль скоро в его совете были Медведь и Волк, то, без всякого сомнения, именно они и являются самыми могучими и самыми смыслеными среди медведей и волков; царь с ним согласился и послал именно их, исключив из совета; они же не осмелились противиться, поскольку им была дорога честь и поскольку они опасались, что их обвинят в малодушии. Тогда Лис сказал царю, что, коль скоро самых достойных он послал в качестве даров, посланником надлежит назначить самого мудрого. Царю эта мысль показалась правильной и назначил он таковым Змею.

Между тем Змея, прежде чем покинуть двор, сказала следующее: «Как-то лиса нашла на поляне потроха, в которые охотник спрятал крючок, дабы поймать ее; однако лиса не притрунулась к ним, рассудив так: „Не может быть, чтобы это мясо не оказалось на поляне по злому умыслу“». Тем не менее Лев, повинный в смерти Леопарда, утратил свою прежнюю сообразительность и не понял заложенного в словах Змеи намека; и приказал он им отправляться в дорогу. Тогда она сказала, что с тех пор, как при дворе оказались Бык и Лис, стал он средоточием треволнений и напастей; а посему причиной этих треволнений и напастей является

та великая честь, которую Лев оказал Быку и Лису.

Услышав слова Змеи, Бык принялся оправдываться, заявив, что никаких происков против царя с его стороны не было и в голову ему не приходило замышлять что-либо против царя или его приближенных, ибо царь выказывал ему свое благорасположение, а ведь он вполне годился в пищу царю, но царь не стал его есть, поэтому ему надлежит заботиться о чести царя и приумножать ее. Если же он находился при дворе, так это по наущению Лиса, который посоветовал ему мычать по три раза в течение дня и ночи и явиться ко двору, дабы всячески ублажать царя.

Великую досаду вызвали эти слова у Лиса, и замыслил он недоброе против Быка; поэтому в один морозный день, когда намело много снега, а у Льва и его свиты кончилась еда и Лев попросил Лиса их выручить, он ответил, что в голову ему ничего не приходит, но что он спросит Павлина, не подсказывает ли ему чутье, что поблизости бродит кто-то, годящийся в пищу, и ушел. Увидев его, Павлин затрясся от страха; но Лис наказал ему, в том случае, если царь спросит его, не чувствует ли он поблизости какого-нибудь съедобного животного, ответить, что нет, но что, судя по не вполне здоровому дыханию Быка, тот скоро умрет от болезни.

Павлин обязался сделать это по двум сообщениям: во-первых, опасаясь Лиса, и, во-вторых, потому что Бык поедал его траву; когда же он сообщил Льву то, что поручил ему Лис, у того возникло желание съесть Быка, но

он колебался, ибо обещал ему безопасность и Бык служил ему верой и правдой. Увидев, что царь колеблется и не решается съесть Быка, Лис сказал ему, что, поскольку, по словам Павлина, Бык в скором времени должен умереть от болезни, его надлежало бы съесть, тем более что Господь дозволяет царю питаться своими подданными в тех случаях, когда его вынуждает к тому необходимость. Когда же Лев сослался на то, что он обещал ему безопасность, Лис его спросил, съел ли бы он Быка в том случае, если бы тот сам предложил себя съесть и отказался от предоставленных ему гарантий. И ответил тогда Лев согласием.

Нашел тогда Лис Ворона, которого мучил голод, и сказал ему: «Лев очень голоден, и по моему замыслу он должен убить Быка, который очень тучен и которого хватит на всех; однако ты для этого должен будешь помочь мне, предложив Льву съесть тебя. Он этого не сделает, ибо я его отговорю; а когда я предложу ему съесть меня, ты должен будешь сказать, что я для этого не гожусь, ибо мясо мое несъедобно».

Покончив со своими наставлениями Ворону, Лис отправился к Быку и сообщил ему, что царь намеревается его съесть, ибо Павлин ему сказал, что, судя по дыханию Быка, тот должен скоро умереть от болезни. Бык пришел в великий трепет и сказал, что справедливыми были слова, сказанные крестьянином рыцарю. «Ну и в чем же было дело?» — спросил Лис. На что Бык ответил: «Богатый крестьянин мечтал приобщиться к знати и, дабы добиться этого, отдал свою дочь за рыцаря, зарившегося на богатство

крестьянина. Тогда именитость поглотила богатство, в то время как богатство было не властно наделить крестьянина рыцарским родословием; в итоге крестьянин оказался бедным и безродным, а рыцарь — родовитым и богатым. И сказал тогда крестьянин рыцарю, что в их случае породнились бедность и невзгоды крестьянина со знатностью рыцаря». То же он видит и в своем случае, ибо Лев заключает в себе смерть Быка, а в смерти Быка заключается облегчение для Льва. При всем при том Лис посоветовал Быку не бояться и уповать на обещанную ему безопасность, а еще лучше ему самому предложить себя съесть, дабы произвести на Льва благоприятное впечатление; в этом случае Быку не следует бояться, ибо Лис сумеет сделать так, чтобы Лев его не тронул.

Все заранее подготовив, Лис явился ко Льву с Быком и Вороном, и Ворон предложил, чтобы Лев его съел. Однако Лис сказал, что мясо Ворона не годится в пищу Льву. Тогда Лис предложил Льву в качестве пищи себя, раз ничего иного предложить он ему не может, на что Ворон возразил, сказав, что мясо Лиса несъедобно. И тогда Бык предложил себя таким же образом и для той же цели, добавив, что он тучен и упитан и его мясо вполне годится на то, чтобы Лев им питался. Услышав эти слова, Лев убил его, и насытились им как Лев, так и Лис с Вороном.²³

Поскольку Быка уже не было, Лев спросил Петуха и Лиса, кого ему надлежит сделать камердинером; и хотя Петух готов был высказаться первым, Лис так сердито на него посмотрел, что тот не решился брать слово раньше его. И

тогда Лис сказал, что по миловидности и скромности все преимущества есть у Кролика и он вполне справится с теми обязанностями, которые выполняли Кот и Бык. И когда Лев просил Петуха, тот не посмел перечить Лису, крайне его опасаясь; поэтому он присоединился к мнению Лиса. Так Лев назначил своим камердинером Кролика, и тем самым Лис достиг апогея своей власти при дворе, ибо Петух, Павлин и Кролик его боялись, а Лев ему доверял.

Случилось как-то, что Лев должен был решать один вопрос, и обсуждал он его с Петухом и Лисом. И сказал Петух царю, что он не хотел бы брать на себя одного ответственность решать подобный вопрос, не имея возможности широко его обсудить; тем самым он советовал царю расширить состав совета, ибо сущим позором было нынешнее число его членов, после того как из него выбыли Змея, Леопард, Гепард и Волк. Царю это показалось убедительным, однако Лис возразил, рассказав следующее: «В одной стране жил человек, которого Господь наделил способностью понимать язык птиц и зверей. При этом он поставил следующее условие: что бы человек ни услышал и ни узнал, он обязан был держать это в тайне; в тот же день, когда он это условие нарушит, он должен умереть. У этого человека был огород, и была в нем водокачка, из которой бык добывал воду, а также был у него осел, который привозил необходимый для огорода навоз. Однажды к вечеру бык настолько устал, что осел посоветовал ему отказаться от еды, дабы утром хозяин не заставил его работать на водокачке; бык так и поступил, проведя

всю ночь с понурым видом. Огородник, решив, что бык заболел, заставил работать на водокачке осла, который совсем выбился из сил. Вернувшись вечером в хлев и найдя там отдыхающего быка, осел ему сказал: „Наш хозяин задумал продать тебя мяснику, ибо думает, что ты заболел; поэтому, дабы избежать этого, тебе надлежит вернуться к работе и доказать, что ты вполне здоров”. Осел сказал это быку, дабы человек не впрягал его больше в водокачку, что оказалось для него более тяжелой работой, чем таскать навоз. Услышав это, бык этим вечером ел с большим аппетитом, дабы доказать, что он выздоровел. Хозяин осла и быка, которому был понятен их разговор, не мог удержаться от смеха. Увидев это, его жене захотелось узнать причину этого смеха; однако он отказался ей это объяснить. Упорствуя в своем любопытстве, жена была столь настойчива, что отказалась есть и пить до тех пор, пока он ей всего не расскажет, в противном же случае она готова была умерить себя до смерти. И действительно в течение всего дня она не прикоснулась к еде и питью. И столь сильно любил ее муж, что пообещал все рассказать; прежде же всего он написал завещание; и вот когда он уже был готов все ей рассказать, он услышал, что сказала их собака петуху и что петух ответил собаке». И когда Лев попросил рассказать, о чем же они беседовали, Лис сообщил следующее: «В то время как человек писал завещание, петух закукарекал, и собака осудила его за то, что он кукарекал, несмотря на то что их хозяин готовился к смерти, столь обожая свою жену, что собирался умереть, дабы сохра-

нить ее жизнь; петух на это ответил, что вполне достоин смерти глупец, не способный управиться и с одной женой. И он немедленно созвал всех своих куриц, а было у него их десять, и поступил с ними по-хозяйски; увидев это, собака согласилась с петухом, что не следует сокрушаться о смерти хозяина, раз он такой глупец; и петух закукарекал, а собака повеселела. И спросила собака: „Друг, а как поступил бы ты на месте нашего хозяина, будь у тебя столь вредная жена?“ На это петух ответил, что он пошел бы в сад, отломил бы пять гранатовых прутьев и отхлестал бы ими жену, пока бы их все не переломал и пока она либо начала есть и пить, либо умерла. Поскольку человек понял разговор собаки и петуха, он встал с постели и поступил именно так, как посоветовал петух; и вот когда жена его получила взбучку, она начала есть и пить и слушаться мужа». ²⁴ Рассказав эту притчу, Лис добавил, что Петух настолько умен, что способен давать дельные советы в самых разных вопросах, а значит, царю совсем не обязательно увеличивать число своих советников, не говоря уже о том, что чем их больше, тем больше среди них будет раздоров, а разногласия мнений, устремлений и интересов послужит только помехой в делах.

После того как Лис привел свои доводы, Петух сказал следующее: «Ворон и попугай сидели на дереве, под которым была обезьяна, положившая солому на светлячка, думая, что это огонь и надеясь, что он разгорится и она согреется. Увидев это, попугай закричал ей, что это не огонь, а светлячок. Однако ворон стал его

увещевать, говоря, что не стоит давать советы тем, кто не слушает советов и рекомендаций. Но попугай продолжал твердить обезьяне, что за огонь она принимала то, что им не являлось; ворон также продолжал его увещевать, доказывая ему, что он пытается выпрямить то, что криво от природы. В конце концов попугай слетел вниз и приблизился к обезьяне, дабы наконец объяснить ей то, в чем она заблуждалась; но как только он приблизился, обезьяна схватила его и убила». ²⁵

Когда Лев выслушал рассказанную Петухом притчу, он решил, что тот намекал на него, и посмотрел на него весьма гневно, демонстрируя свое раздражение. И тогда Лис схватил Петуха, убил и съел на глазах у Льва.

Оставшись единственным царским советником, в то время как камердинером был Кролик, а привратником Павлин, Лис был наверху блаженства и делал с царем все, что хотел. Однако радуясь и ликуя, он вдруг вспомнил об измене, которую замыслил против Льва, когда говорил Слону, что располагает возможностью царя убить и сделать царем его. И несмотря на то что он был доволен обретенной властью, ему не давала покоя мысль, что Слон его выдаст, и он вновь стал строить планы умерщвления царя, дабы выполнить то, что он обещал Слону.

7. О смерти Лиса

Не забыв о своем намерении умертвить царя, но забыв о тех чрезмерных почестях, которыми тот его одарил, Лис сказал Слону, что наступил

момент, когда царь должен умереть, ибо не было у него других советников, кроме него. Выслушав Лиса, Слон решил, что не стоит ему участвовать в заговоре против царя. В то же время он боялся, что если он откажет Лису, тот его выдаст и погубит. Опасался он также и того, что, стань он царем, Лис предаст его так же, как и нынешнего своего господина; поэтому порешил он не участвовать в заговоре против царя, однако самому побережься. Размышляя о том, как ему быть, Слон рассудил, что, подобно Лису, который с помощью хитрости задумал погубить царя, он сам с помощью хитрости может погубить Лиса; ибо если коварство, уверенность в себе и хитрость умещались в столь малом теле, как у Лиса, сколь большими должны быть преданность, мудрость и хитрость в столь огромном теле, как у него.

«Господин Слон, — спросил его Лис, — чем вы озабочены и почему не торопитесь стать царем, пока не вернулось посольство Змеи, которая благодаря своему уму и своей сообразительности может этому помешать?» Как только Слон это услышал, решил он дождаться возвращения Змеи и ничего против Лиса до этого не предпринимать, а затем с помощью Змеи попробовать вместе с царем одолеть Лиса. И увидев равнодушные Слона к своим собственным интересам, Лис забеспокоился, что Слон выдаст его планы, как только вернется Змея, и стал торопить Слона, заявив ему, что если он будет медлить, то придется ему потом в этом раскаяться.

Эти слова повергли Слона в ужас, и захотелось ему узнать, на какое отношение к себе рас-

считывает Лис в том случае, если он станет царем. «На то же, — ответил Лис, — что и от нынешнего царя, у которого нет больше советников, кроме меня, в то время как Кролик является его камердинером, а Павлин привратником». Затем он спросил Лиса, каким образом думает он погубить царя, на что тот ему ответил: «Надобно тебе знать, что Кабан, будучи очень силен и тщеславен, кичится тем, что ни по стати, ни по могуществу ничем не уступает царю; поэтому я ему скажу, что царь задумал его убить и что ему следует поостеречься; а затем я скажу царю, что ему следует остерегаться Кабана, ибо тот мечтает царствовать; тем самым я добьюсь того, что царь убьет Кабана. Когда же он истощит свои силы в поединке с Кабаном, тебе не составит большого труда его одолеть и занять трон».

Внимая этим его рассуждениям, Слону пришла в голову идея обмануть его сходным образом, и он сказал Лису: «Любое обещание, данное без свидетелей, недействительно; поэтому я бы хотел, чтобы были свидетели моих тебе обещаний: а именно, что ты будешь назначен моим единственным советником, Кролик будет моим камердинером, а Павлин — привратником, ибо вполне возможно, что, став царем, я о них забуду, если никто меня не изобличит, напомнив о данных мною обещаниях». Услышанное заставило Лиса глубоко задуматься, ибо опасался он, что свидетели его выдадут; но Слоны, поняв причину его сомнений, сказал, дабы его успокоить, что лучшими свидетелями, по его разумению, были бы Кролик и Павлин, ибо, будучи его ставленниками, не представляли бы для него

опасности. Это показалось Лису убедительным, и таким образом в присутствии Кролика и Павлина, обещавших хранить тайну, они скрепили подписями свой сговор.

Затем Слон сказал Лису, что вначале он должен сообщить Кабану, что Лев собирался его убить, и лишь затем пойти к царю. И в то время как Лис, согласившись с ним, отправился для переговоров к Кабану, Слон отправился ко Льву и обо всем ему поведал, покаявшись перед ним и сказав при этом, что предпочел быть верным вассалом, а не вероломным царем. Лев попросил его привести доказательства тому, что он рассказал. Слон ему ответил, что Лис предполагал остаться и у него единственным советником, а Кролика и Павлина, по своей природе панически его боявшихся, оставить в почетных должностях камердинера и привратника; но что лучшим доказательством его слов послужит то обстоятельство, что Лис отправился к Кабану сообщить ему о том, что царь решил его убить, дабы затем явиться к нему самому и предупредить о том, что Кабан задумал убить его, а также посоветовать ему вести себя с Кабаном достаточно высокомерно, чтобы тот убедился в правоте его слов.

Затем Слон сообщил Льву, что Кролик и Павлин не возражали против его смерти. Всему этому царь несказанно удивился, особенно же тому, что Лис, которого так облагодетельствовал и так возвысил, устроил против него заговор; поэтому он сказал следующее: «Отец рассказывал мне о моем деде, который, будучи царем в своем великом царстве, принизил вель-

мож и баронов, наделенных от природы честью, и возвысил плебеев и простолюдинов, а среди них Обезьяну, которая, отдаленно напоминая человека, вознамерилась стать царем, отплатив неблагодарностью тому, кто столь ее облагодетельствовал и превознес». «Господин, — сказал ему Слон, — в небольшой бокал не вольешь много вина, и нечего ждать особого благородства и преданности от человека низкого происхождения; поэтому вам надлежит убить Лиса, назначить достойный совет и стать единовластным господином в своих владениях, не передоверяя больше низкому и подлому существу того величия, которым вас по происхождению и по вашему положению наделил Господь».

Сказав это, Слон отправился за Кабаном, с которым Лис уже успел переговорить, и сказал ему, что ему известно, о чем с ним договаривался Лис. И удивился этому Кабан; и покуда они беседовали, Лис отправился к царю, дабы сообщить ему, что Кабан задумал его убить. Тем самым у царя не было больше сомнений в предательстве; и, созвав по этому случаю многих баронов, а среди них Слона, Лиса, Кролика и Павлина, он потребовал, чтобы Кролик и Павлин рассказали ему всю правду о том, как они согласились быть свидетелями в пользу Лиса после его смерти. Объял их великий страх, а Лиса и того пуще. Несмотря на это, он заявил следующее: «Господин, то, что вам стало известно, я сказал Слону и Кабану с единственной целью испытать преданность вам ваших баронов. А вот Кролику и Павлину ничего подобного я не говорил, так что Слон возводит на меня на-

паслину». Сказал он это, будучи уверенным, что эти двое настолько его боятся, что никогда не выдадут.

Не успел Лис сказать это, Лев так гневно взглянул на Кролика и Павлина и издал такой ужасающий рык, что мощь его природного благородства одолела в их душах страх перед природой Лиса, и сказали они всю правду, и во всем сознались. И покончил тогда Лев с Лисом.

И как только не стало Лиса, воцарился при дворе покой. Назначил царь своими советниками Слона, Кабана и других достойных баронов и изгнал из него Кролика и Павлина.

Завершив «Книгу о животных», Феликс отнес ее королю,²⁶ дабы показать ему, что, наблюдая за поведением животных, можно составить представление как об образце достойного правления, так и о способах избежать злонаправленных советников и недостойных людей.

ПЕСНЬ РАМОНА

Создатель жизнь в меня вложил,
чтоб я добру всегда служил,
а я во зле коснел, грешил
и гнев Господень заслужил.
Христос мне Истину внушил,
чтоб я в любви ко благу жил.

Я исповедался с утра:
покаяться пришла пора,
дабы ступить на путь добра.
Дана молитва мне, мудра,
любовь, надежда — ей сестра, —
и вот душа моя бодра.

Я школу создал, духом яр,
которой славен Мирамар:
словам Христа да внемлет мавр.
Где виноград растет и лавр,
там слезный ток и вздохов жар,
любя, принес я Богу в дар.

Был мною людям разъяснен
великий Троицы канон.
Бог-сын был Девою рожден,
помазанником наречен,

и, в человеке воплощен,
сошел с небес на землю он.

Чтоб грешных чад спасти своих,
смерть принял Иисус за них,
в громах вознесся грозových;
и будет добрых он и злых
судить за все деянья их,
не слыша жалоб никаких.

К науке приобщась моей,
всяк истину познает в ней,
избегнет лжи, ее сетей:
крещение примут иудей
и мавр, раскается злодей,
вкусив науки новой сей.

Взял крест и возлюбил я ту,
в ком Матерь грешникам я чту;
я от нее помощи жду,
когда вершу свою страду.
Любовь в душе своей блюду,
скорбя и радуясь, иду.

Я беден, стар, гоним я тут,
и мне не в помощь знатный люд;
я взялся за великий труд,
был путь мой и тернист, и крут,
и вот как справедлив наш суд:
меня не любят и не чтут.

В любви, как в глубине морской,
хочу найти смерть и покой,
и мне не страшен никакой

злой князь, церковный иль мирской,
хоть горько, что тиран такой
сбивает с толку род людской.

Пусть Бог нам вестника пошлет,
чтоб подтвердил он, вестник тот,
что Бог есть человек и род
чрез Деву от людей ведет;
да будет мне она оплот,
от преисподней да спасет.

Хвала тому, кто так велик!
Когда б мой пыл его достиг,
чтоб свет его в меня проник!
Но может отвратить он лик:
грехи вершил я что ни миг
и сочинил я много книг.

Где б ни был я, творить хочу
добро, да мне не по плечу,
и вот досажаю, ропщу,
а все ж, коль правде я учу,
для книг своих я получу
у Бога то, чего ищу.

Молюсь, чтоб дал мне здравье Бог,
свободу, радость без тревог
и святостью меня облек,
чтоб грех какой-то, иль порок,
иль тот, кто гневен и жесток,
власть надо мною взять не мог.

Вели, Творец, земле своей,
стихиям, травам, твари всей

мне не вредить в юдоли сей.
Пошли мне истинных друзей,
всех праведней, мудрей, верней,
чтоб славе я служил твоей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. Е. Багно

ТРУБАДУР ХРИСТА

Долгая жизнь Рамона Льюля (Люллия или Луллия, если придерживаться латинизированной формы его имени) (1232—1316), прошла в «тревоге чувств, в безумье дел», в полном соответствии с этой строкой из посвященной ему неоконченной поэмы А. К. Толстого «Алхимик».¹ При этом он не был алхимиком, как не был «испанцем», «монахом» и «священником», несмотря на то что именно эти слова долгое время переходили из одной энциклопедической статьи о нем в другую.

* * *

«Малой родиной» Льюля, гражданина Средиземноморья, была Майорка, незадолго до его рождения — в 1229 г. — отвоеванная у арабов. Этого человека, вознамерившегося стать властелином своей судьбы, можно счесть типичным

¹ См.: Толстой А. К. Полн. собр. соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 247.

ее баловнем. Рамон был знатен, богат, пользовался расположением сильных мира сего, был всесторонне одарен, женат, имел двоих детей. До тридцати трех лет он вел рассеянный образ жизни при дворе инфанта Жауме, писал стихи на провансальском языке. Основным для его «Жизнеописания» является мотив *ухода, обращения, озарения*, т. е. добровольного отказа от прошлого и перехода к новой жизни, как безумию любви. Согласно легенде, в жизни Льюля до обращения был случай, когда он, преследуя прекрасную незнакомку, въехал на коне в церковь. Сам он объяснял резкий поворот в своей жизни — аналогичный обращению Св. Павла, Августина Блаженного, Франциска Ассизского, Паскаля — посетившим его в 1263 г. пять раз видением распятого Христа в то время, когда он был занят сочинением любовного стихотворения, посвященного замужней женщине.² Его уход, во многом напоминающий последовавший позже уход Алонсо Кихано Доброго, описан самим Льюлем в главке 12 его мистической «Книги о Любящем и Возлюбленном»: «„Обезумевший от любви, почему перестаешь ты быть самим собой, пренебрегаешь деньгами, отказываешься от соблазнов этого мира и живешь, окруженный всеобщим презрением?“ Ответил Любящий: „Дабы заслужить заслуги моего Возлюбленного, который людьми скорее незаслуженно нелюбим, чем любим и оценен по заслугам“» (наст. изд. С. 6—7).

² См.: Vida coetània de Ramon Llull // *Moll F. de B. Textos i estudis medievals*. Montserrat, 1982. P. 5—7.

Оставшуюся жизнь (а умер он в возрасте 84 лет) Льюль посвятил религиозно-подвижнической деятельности, то миссионерствуя в Тунисе и на Кипре, в Иерусалиме и в Армении, то пытаясь увлечь своими грандиозными утопическими проектами папу, королей, профессоров Сорбонны или монахов доминиканских и францисканских монастырей. По удачной формулировке братьев Каррерас и Артау, философия Льюля — это «философия приобщенного», философия обращенного в христианство, стремящегося обратиться.³

Отказавшись от семьи, светской жизни, имущества, — иными словами, от прошлого, Льюль совершил паломничество в Рокамадур и в Сантьяго де Компостелу и намеревался отправиться в Париж для получения глубокого теологического образования. Однако для его дальнейшей жизни и творчества решающее значение имел совет высоко чтимого им Раймунда де Пеньяфорт, который, узнав о намерении Льюля посвятить себя миссионерской деятельности, посоветовал ему не отправляться в Париж, а вернуться на Майорку, население которой в ту пору в основном еще было мусульманским, дабы изучить там арабский и еврейский языки, а заодно и восточную премудрость, знание которых и погружение в которые необходимы в полемике с неверными. Важнейшей вехой в биографии Льюля стало основание им на Майорке, в Мира-

³ *Carreras y Artau T., Carreras y Artau J. Historia de la filosofía española. Madrid, 1939. T. 1. P. 635.*

маре, при поддержке покровительствовавшего ему Жауме II, первой, по сути дела, в Европе школы иностранных языков, в которой монахи изучали арабский и еврейский языки, столь важные для решения миссионерских задач.

Биография Рамона Льюля, поразившая Европу упорством в построении своей судьбы, — это динамическое напряжение оппозиций, счастливая встреча равновеликих полярных начал в одной человеческой личности. Прежде всего это пространственная, географическая оппозиция: с одной стороны, Майорка, на которую его неизменно и неодолимо влекло, которая давала покой, необходимый для самоуглубления и творчества, а с другой — стягивавшее в единое целое католическую, православную и мусульманскую культуры Средиземноморье (Франция, Италия, Северная Африка, Ближний Восток), ради которого он в конечном счете и самоограничивал себя на время в своем майоркинском затворничестве. В. Н. Топоров в книге «Эней — человек судьбы. К „средиземноморской” персонологии» пишет об активной, «навязывающе осваивающей» деятельности «средиземноморского» человека, об инициативности, отличающей его духовный склад.⁴ При этом не следует забывать, что, несмотря на свою поразительную мобильность, Льюль был сыном своего времени и унаследованной им культуры. Размах его перемещений в пространстве был абсолютно прогнозируемым и четко ограниченным. Географический

⁴ Топоров В. Н. Эней — человек судьбы: К «средиземноморской» персонологии. М., 1993. С. 40.

горизонт Льюля был одновременно и духовным горизонтом христианского мира.⁵

Одной из утопических надежд Льюля была попытка в одиночку отвоевать для Запада захваченную арабами и освоенную исламом Северную Африку, исконно западную, эллинистически-христианскую средиземноморскую зону, родину Августина Блаженного. В то же время Льюль всегда был раздираем противоречием между «навязывающе осваивающей» деятельностью и самоуглублением, миссионерством и отшельничеством, подвижничеством и созерцанием. Неполнота, недостаточность и ущербность каждого из этих двух путей заставляла его, потерпев крах с очередным утопическим проектом, будь то религиозные диспуты на базарных площадях Туниса или теологические споры в аудиториях Сорбоннского университета, вновь отправляться на Майорку, с тем чтобы снова, спустя месяцы или годы, создав новую версию своей универсальной науки, вырваться на средиземноморский простор.

Удивительное сочетание в нем высоких идеальных устремлений и практического расчета, математических выкладок и мистических озарений позволяло ему при всей фантазмагоричности миссионерских чаяний весьма прагматично строить планы обращения в христианство ближайших соседей — арабов и евреев.⁶ Важнейшей

⁵ См.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекowego Запада. М., 1992. С. 131.

⁶ См.: *Nicolau M.* Motivación misionera en las obras de Ramon Llull // Actas del II Congreso Internacional de Lulismo. Palma de Mallorca, 1979. V. 1. P. 130.

задачей Запада он считал также обращение в христианство татар, незадолго до его рождения разоривших Киевскую Русь и представлявших серьезную угрозу для христианской цивилизации. Задача эта, с его точки зрения, была относительно легко достижимой, поскольку речь шла в ту пору еще о язычниках, куда менее стойких в своей вере, чем мусульмане и иудеи. Льюль не был одинок в своих надеждах и в своей убежденности. Нетрудно заметить, насколько распространенным было мнение, что нет язычников, которые не мечтали бы перейти в христианство (коль скоро это почиталось пределом мечтаний любого нормального человека), а есть проповедники и миссионеры, которые не владеют в достаточной степени даром убеждения. Марко Поло, например, следующим образом объясняет, почему не состоялось обращение монголов в христианство: «Если бы папа послал к великому хану людей, сведущих в искусстве проповеди, то хан стал бы христианином, так как известно, что у него было великое желание стать таковым».⁷ Постулируемый экуменизм и провозглашаемая готовность к диалогу в точности отражали тенденции эпохи, возможно при этом в немалой степени формируя их и концентрируя. Упование Льюля на бескровные крестовые походы и на неоспоримость доводов христианства было как бы квинтэссенцией великих надежд всей христианской цивилизации XIII в., неоднократно посылавшей к та-

⁷ Цит. по: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. С. 141.

тарам и монголам светские посольства и специальные доминиканские и францисканские миссии. Надежды эти завершились великим разочарованием, так как невыслышанная ранее готовность к диалогу не исключала все той же религиозной нетерпимости.

Можно предположить, что одно из ранних и самых замечательных произведений Льюля «Книга о язычнике и трех мудрецах», написанное на арабском языке и посвященное выбору веры, воспринималось им в том числе и как своеобразная рабочая площадка, экспериментальное поле, позволявшее оттачивать полемическое мастерство и обосновывать грядущий успех. Язычник Льюля, внимательно выслушав аргументы иудея, мусульманина и христианина, остановил свой выбор на христианстве.⁸ История показала, что опасения и торопливость Льюля были обоснованы, и вскоре татары сделали свой выбор, однако, в отличие от хазар, которые предпочли иудейство, и русских, последовавших византийскому образцу, выбрали ислам.

* * *

Одновременное тяготение Льюля к миссионерству и отшельничеству проявлялось в его экуменистских и догматических доктринах, схоластических и мистических пристрастиях, в его сложных отношениях с доминиканцами и фран-

⁸ См.: *Llull R. Libre del gentil e dels tres savis // Obres selectes*. Palma de Mallorca, 1989. Т. 1. Р. 263—272.

дисканцами, в его промежуточном — между философией и литературой — положении. В высшей степени показательным было его колебание между доминиканцами и францисканцами, которых отличало одинаково настороженное и в то же время в высшей степени заинтересованное отношение к нему самому. Согласно Г. К. Честертону, доминиканцы были братством философов, в то время как францисканцы — братством певцов. «Главное в Доминико, — пишет он, — дар обращения, а не дар насилия, а разница между ними, никого из них не умалявшая, в том, что он обращал еретиков, а Франциск, чье дело как бы тоньше, обращал обыкновенных людей. Нам нужен новый Доминик, чтобы обратить язычников, еще нужнее Франциск, чтобы обратить христиан».⁹ Обе эти цели одновременно — вполне осознанно — поставил перед собой Льюль, пытаясь «привить» францисканство к доминиканству, пытаясь в своих мистических книгах взывать к сердцам погрязших в пороках христиан, а в своих схоластических работах — к разуму язычников и еретиков. Вполне понятно поэтому промежуточное положение Льюля между францисканцами и доминиканцами, положение «над схваткой», его стремление примирить оба начала как в своей душе, так и в христианстве.

«Христианство пассивно или активно?» — задавался вопросом В. В. Розанов, без сомнения учитывавший оппозицию францисканцев и доминиканцев, которая удивительным образом

⁹ Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991. С. 281—282.

напоминала противоположность между «нестяжателями» и «иосифлянами», последователями Нила Сорского и Иосифа Волоцкого в России. «Мы не готовимся решать этого вопроса, — пишет Розанов. — Наша мысль скромнее и законнее; мы только обводим красною чертою этот вопрос, останавливаем на нем человеческое внимание и хотели бы, чтобы он въязвился в душу каждого и начал в ней мучительно саднить — но именно как вопрос».¹⁰

Не столько вопрос, сколько сама суть данной дилеммы «въязвилась» в душу Льюля с момента его обращения и мучительно в ней саднила до самой его кончины. Поразительным тому свидетельством является его поэма «Отчаяние», написанная в момент тяжелейшего душевного кризиса, сомнений Льюля в своем призвании. Автор трагически раздваивается: его лирические герои, миссионер и отшельник, не в силах выбрать между двумя философскими, эмоциональными и жизненными правдами.¹¹ Богатейший полемический опыт Льюля, его способность к внутренним спорам, готовность глубоко проникаться аргументами противника наделили поэму редкой для средневековой литературы психологической глубиной. Льюлю удастся преодолеть кризис и, несмотря на сомнения, позволить своему оппоненту и двойнику в поэме убедить

¹⁰ Розанов В. В. Религия и культура // Соч. М., 1990. Т. 1. С. 186.

¹¹ См.: *Pi y Cabanyes O. Ramon Llull. Dos poemes i una crisi: «Lo Desconhort i el Cant de Ramon»* // *Miscellanca Barcinonensia*. Barcelona, 1971. N 28. Abril. P. 45—55.

себя в том, что выбранные некогда поприще и судьба — его удел.

Крайняя форма религиозного подвижничества облекается в форму юродства. Максимализм в юродстве и безумная любовь к Богу всегда бывают чреватые непониманием, отторжением, насмешками и побоями со стороны толпы. «В своем аскетическом *вышестественном* поприании тщеславия, — пишет А. М. Панченко, — древнерусский юродивый идет дальше, чем Франциск Ассизский, в известном смысле он смелее и последовательнее. Он не только покорно, безропотно, с любовью к мучителям терпит унижительные поношения, он постоянно провоцирует зрителей, прямо-таки вынуждает их бить его, швыряя в них камнями, грязью и нечистотами, оплевывая их, оскорбляя чувство благопристойности. Юродивый *задирает* публику, как масленичный дед, он вовлекает ее в действие, делая зрителей актерами».¹² Агиографы часто пишут о том, что «нормальные» люди подвергают юродивых «укорению, и биению, и пханию». В общественном поведении Рамона-безумца (Ramon lo foll), как сам он любил себя называть, есть элемент юродства.

Проявлялся он в равной степени в его общении, как правило активном, провоцирующем и конфликтном, с представителями как средиземноморского Запада, лишенными, на его взгляд, религиозного рвения, так и средиземноморского Востока, религиозное рвение которых, с его точ-

¹² Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 90.

ки зрения, было направлено по ложному руслу. В главке 281 «Книги о Любящем и Возлюбленном» читаем: «Проповедуй, безумец, доноси до людей слова своего Возлюбленного. Рыдай, постись! Оставил Любящий мир и прославлял его везде, где сам находил хулу и обиду». Это тем более знаменательно, что католическая Европа не знала юродства как социального явления. Не исключено, что для Льюля (как и для древнерусских юродивых) имел в этом смысле значение опыт мусульманских дервишей, с которыми его, несомненно, сводила судьба во время его миссионерских блужданий.

Страстная и бескомпромиссная любовь подвижника жертвенна и — в крайнем измерении — трагична. «Любовь, — согласно Н. Бердяеву, — трагична в этом мире и не допускает благоустройства, не подчиняется никаким нормам. Любовь сулит любящим гибель в этом мире, а не устройство жизни. И величайшее в любви, то, что сохраняет ее таинственную святость, это — отречение от всякой жизненной перспективы, жертва жизнью. Этой жертвы требует всякое творчество, требует жертвы и творческая любовь».¹³ Жертвенность и мученичество — неотъемлемый элемент любого подвижничества как модели человеческого поведения. При этом стилизация нередко становится стилем. Однако и для современников подвижника, и особенно для последующих поколений жертвенность и мученичество представляются неперменным

¹³ Бердяев Н. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989. С. 427.

элементом его *жития*. Житийная сторона биографии Льюля является в этом смысле одним из самых хрестоматийных примеров. Не может быть никакого сомнения в том, что Льюль готовился к мученической смерти, звал ее, блуждая по чуждому ему Востоку в надежде обратить его на путь истинный. Он вызывающе вел себя во время религиозных диспутов, когда убеждался в нежелании оппонентов следовать его логике, а это происходило всегда, поскольку оппоненты оказывались на удивление упрямы и отказывались играть в предложенную им «экуменистскую» игру с непременно финальным переходом в католичество.¹⁴ По-видимому, достаточно характерным образом его «полемических» приемов служат гордые слова, произнесенные в пылу религиозного диспута на одной из площадей Востока: «Вера христиан истинна и благословенна, а магометанская секта лжива и мерзопакостна; и я готов доказать это».¹⁵ Тем самым возникало очевиднейшее противоречие между его полной убежденностью в своей способности добиться желаемого результата и житийной *топикой* с непременно мученическим итогом. Противоречие, которому он столь же очевидным образом не придавал никакого значения.

Жизненная программа Льюля, всецело ориентированная на служение Господу, содержала

¹⁴ См., например: Colomer E. El pensament ecumènic de Ramon Lull // Estudis Universitaris Catalans. Barcelona, 1983. T. 25. P. 61—80.

¹⁵ Vida coetània de Ramon Lull. P. 17.

Предполагаемое изображение Рамона Льюля. Рисунок на полях рукописи романа «Книга об Эвасте и Бланкерне» (Парижская Национальная библиотека).

в себе два взаимоисключающих элемента — грандиозный невиданный успех и мученический финал. Так возникало еще одно столь присущее жизни, учению и творчеству Льюля динамическое напряжение, на этот раз между традицией и его не укладывавшейся в традицию способностью создавать собственные поведенческие и эстетические модели — источник постоянных разочарований, переживаний и сомнений. Известно, в том числе из «Жизнеописания», составленного при его жизни и при его участии, что его диспуты в Северной Африке с богословами и толпой были отнюдь не бесконфликтными; его неоднократно били, сажали в тюрьму и выпроваживали восвояси.¹⁶ Об обстоятельствах смерти Льюля в возрасте 84 лет мы знаем очень мало.¹⁷ Очевидно лишь, что гипотеза о мученической смерти Льюля во время его последней попытки, отправившись в Тунис, то ли найти долгожданное признание, то ли удостоиться наконец мученического венца — вполне возможно, что надеялся он на этот раз именно на последнее, — не основывается на фактах. Однако легенда, формировавшаяся еще при его жизни, упорно на ней настаивала, равно как настаивала она на его кощунственном появлении в церкви верхом на коне преследующим незнакомку, а также на его занятиях алхимией. Если даже оставить в стороне авторитет житийного канона, Льюль настолько на-

¹⁶ См., например: *Ibid.* P. 13—15, 17—20.

¹⁷ См., например: *Bonner A., Badia L. Ramon Llull: Vida, pensament i obra literaria.* Barcelona, 1988. P. 53—54.

стойчиво и недвусмысленно всю жизнь шел к мученической смерти, воспевая ее в своих сочинениях, что, казалось бы, не могло быть никаких сомнений в том, что именно такой итог его жизненного пути был наиболее закономерным и естественным. Согласно легенде, мусульмане, возмущенные его нападкамии на ислам, забросали его камнями. Находившиеся в Тунисе генуэзцы, среди которых был предок Колумба, погрузили его тело на корабль и доставили на Майорку, где с почестями похоронили в монастыре Святого Франциска.

* * *

Вера — та же любовь. Страстная, экзальтированная любовь (или вера) всегда таила и таит в себе определенную опасность. Или она страстная — и тогда нередко фанатичная и нетерпимая, со шлейфом сопутствующих особенностей и проявлений. Или она не-страстная, бес-страстная, и тогда она подчас — не любовь. Однако в этом случае она толерантна, терпима. По счастью, это лишь крайний случай, но не общий закон. Однако он давно заставил обратить внимание на отличие любви *естественной* от любви *экзальтированной*, представляющей для нашей темы особый интерес. Строго говоря, в любой любви есть элемент экзальтированности, одержимости и экстаза. Цепочку «заинтересованность — одержимость — любовь» анализирует Х. Ортега и Гассет в книге «Этюды о любви»: «Одержимый — это человек с ненормальными проявлениями заинтересованности.

Почти все великие люди были одержимыми, только последствия их одержимости, их *навязчивой идеи* представляются нам полезными и достойными уважения (...). Итак, я убежден, что *влюбленность* — это проявление заинтересованности, ненормальное ее состояние, возникающее у нормального человека». ¹⁸ В любви к Богу, человечеству, родине, идее, своей Прекрасной Даме все — Василий Блаженный, Рамон Льюль, Тристан или Дон Кихот — «блажили» и «блажат» по-своему и с разной степенью одержимости.

Одна из центральных тем, все чаще звучащих в общем массиве донкихотовской проблематики — тема *донкихотов христианства*. Аналогия между подвижничеством Рыцаря Печального Образа и религиозным подвижничеством, естественно, была замечена давно, но, как правило, выявлением частных аналогий вопрос и ограничивался. Для полноты картины необходимо свести в единое целое разговор о вымышленных персонажах мировой литературы, таких как князь Мышкин Достоевского, Савелий Туберозов Лескова, Насарин Гальдоса или монсеньор Кихот Грэма Грина, и о реальных «предвозвестниках» как сервантесовского героя, так и его «наследников по прямой». Самой бесспорной фигурой в этом втором ряду, на мой взгляд, является Льюль.

Если Дон Кихот унаследовал утопизм Льюля, то Льюль предвосхитил донкихотство. Слова

¹⁸ *Ortega и Гассет Х.* Этюды о любви // Ортега и Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 378.

М. де Унамуно о Рыцаре Печального Образа: «Он потерял разум. Для нашего блага он его потерял; чтобы служить нам вечным примером душевного благородства. Сохранив его, смог ли бы он проявить такой героизм? Он принес в жертву своему народу, положил на его алтарь самое ценное, что у него было, — разум. Фантазия наполнила его дивными причудами, и ему виделось истинным то, что было всего лишь прекрасным. В его вере было столько жизни, что он решил сделать явью образы своей причудливой фантазии, и, всей душой отдавшись этой идее, осуществил задуманное»¹⁹ — вполне могли быть отнесены к Льюлю.

Любовь естественная — это любовь современников Льюля, с недоверием относившихся к его утопическим планам. Утопизм пронизывает все фантастические проекты майоркинского мыслителя. Он отразился в вынашиваемой им идее нового крестового похода, концепции объединения всех орденов в один, в его экуменистских надеждах, в его попытках создать метод, с помощью которого удастся обратить в истинную веру всех еретиков и неверных, в его грандиозной доктрине «Ars Magna», способной дать ответы на все вопросы. Любовь естественная — это любовь купцов, от которых Дон Кихот требовал признания, что, сколько бы ни было красавиц на свете, прекраснее всех ламанчская императрица Дульсинья Тобосская. Здравомыслящие купцы, не имея особого желания связываться с

¹⁹ Unamuno M. de. Vida de Don Quijote y Sancho. Madrid, 1975. P. 23.

сумасшедшим, заявили ему, что охотно признали бы ее таковою, если бы он показал им ее самое либо, на худой конец, ее портрет.

Любовь *экзальтированная* — это любовь Льюля, который, несмотря на разочарования, на равнодушие пап и королей, монахов и мирян, на упрямое и необъяснимое нежелание мусульман Средиземноморья переходить в христианство, вновь и вновь бросался штурмовать неприступную крепость здравого смысла. Любовь *экзальтированная* — это столкновение воинствующе-идеалистического сознания со здравым смыслом, блестяще воплощенное в ответе сервантесовского героя купцам: «Если я вам ее покажу, — возразил Дон Кихот, — то что вам будет стоять засвидетельствовать непреложную истину? Все дело в том, чтобы, не видя, уверовать, подтвердить, засвидетельствовать и встать на защиту, а не то я вызову вас на бой, дерзкий и надменный сброд».²⁰

Рамон-безумец блажил, плыл против течения, пытаясь достичь невозможного. Однако его негативный в основном опыт со всей определенностью доказывает необходимость мудрого безумия, «самоизвольного мученичества» в противоборстве с «обьюродившим» миром. А. М. Панченко утверждает, что между мнимым безумием юродивых и мнимой разумностью здравомыслящих людей, между «мудрой глупостью» и «глупой мудростью» существует несомненная связь. Первое с неизбежностью порождается

²⁰ *Сервантес Сааведра М. де*. Полн. собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 1. С. 83.

вторым.²¹ В «Книге о Любящем и Возлюбленном» читаем: «„Безумец, если правду ты говоришь, будешь ты опозорен, измучен и предан людьми смерти”. Ответил: „Отсюда вытекает, что, если бы я лгал, люди меня бы превозносили, любили, обожали и почитали, и отторгнут я был бы от влюбленных в моего Возлюбленного» (наст. изд. С. 49).

Согласно Ю. М. Лотману, такая специфическая черта средневекового поведения, как максимализм, связана с тем, что в соответствии со средневековой этикой «человек должен стремиться к недостижимому идеалу во всех сферах своей деятельности». Поэтому, с точки зрения средневекового сознания, «высшая степень ценности (святости, героизма, преступления, любви) достигается лишь в состоянии безумия», способного обеспечить нарушение правила, переход границы.²² Предрасположенность небольшого числа людей в каждом поколении к безумной, испепеляющей любви издавна волновала человечество. Несомненным отражением этой предрасположенности явились легенды о Тристане и Изольде, Ромео и Джульетте, Лейле и Меджнуне, образующие, несмотря на всю кажущуюся фабульную пестроту, единый миф-предостережение (не случайно финал любой из этих историй одинаково трагичен). В нем проявился инстинкт самосохранения человечества, предостерегавшего от чрезмерностей безумной

²¹ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 128.

²² Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 81.

любви, от саморазрушительности страсти. В то же время в этих легендах очевидно восхищение героями, престапующими пределы дозволенного и возможного, безумствуя на ложном поприще. Говоря об «истинной степени ценности», Ю. М. Лотман имел в виду любовь религиозных подвижников, безумствующих на «истинном» поприще. При этом нет ничего удивительного в том, что в реальности, как и в случае с земной любовью, эта «ценность» нередко оспаривалась. Свидетельств тому немало в книгах Льюля, остро переживавшего свою отчужденность от людей, равнодушные их к тому, что составляло существо его жизни. Максимализм в любви, отсутствие чувства меры в страсти и в «подвигах» никак иначе, как безумие, и не могли восприниматься людьми умеренно любящими и в меру любимыми.

Прямое отношение к судьбе Льюля имеют слова апостола Павла, обращенные к коринфянам: «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор. 1: 3).

Творческая и утопическая, идеалистическо-мистическая основа максималистского мировидения Льюля была причиной фантастичности и непрактичности многих его надежд и проектов, *заведомо* неосуществимых. Льюль так и не нашел и не мог найти понимания в Ватикане, куда он отправлялся каждый раз после избрания нового папы, пережив многих на своем долгом веку, взывая к их разуму и чувству долга, излагая свои фантастические проекты. Столь же без-

результатно он обивал пороги и королевских дворцов в Париже, Монпелье или в Пальме де Майорка, встречая в лучшем случае восхищение и одобрение, но не реальную поддержку. В своей автобиографической «Песни Рамона» Льюль с горечью пишет:

Я беден, стар, гоним я тут,
и мне не в помощь знатный люд;
я взялся за великий труд,
был путь мой и тернист, и крут,
и вот как справедлив наш суд:
меня не любят и не чтут.²³

Непростыми были и его отношения с авторитетами доминиканского ордена, которые, казалось бы, прежде всего и должны были поддерживать его пыл, рвение, бескомпромиссность и оказать практическую поддержку его планам. Миссионерские устремления Льюля, его гневные филиппики против альбигойцев и трубадуров, его страстная полемика с аверроэсцами, возобладавшими в Сорбонне, не могли не вызывать одобрения доминиканцев. В то же время индивидуализм, неординарность, напористость и экзальтированность Льюля заставляли подозревать его не только в гордыне, честолюбии и предосудительном стремлении жить своим умом, но и в ереси. Не меньшие подозрения вызывало близкое знакомство Льюля с богатейшей духовной культурой Востока. Глубокое знание арабской философии и логики, мистики суфиев и каббалистической премудрости, с точки зрения католических ортодоксов, не могло не наложить своего

²³ См.: наст. изд. С. 186.

отпечатка на причудливое мировидение Льюля, на его странные доктрины и, главное, на его веру. Любопытно, что обвинение в ереси исходило прежде всего от доминиканцев. Францисканцы, напротив, доказывали, что по своему *содержанию* идеи Льюля аналогичны идеям других христианских мыслителей. Тем самым становится ясно, что странной и неприемлемой представлялась современникам именно *форма*.

Обвинение Льюля в ереси с особой резкостью было выдвинуто Н. Эймерихом, который обосновал его в своем «Путеводителе инквизиторов» (1358). Главным доводом обвинения служило то обстоятельство, что Льюль был некрепок в вере и поэтому не столько обращал неверных, сколько сам проникался их глетворным влиянием, делающим его сочинения неприемлемыми для правоверных католиков. Не случайно даже в XX в., в полемическом стремлении доказать, что Льюль ни в коей мере не был «христианским суфием», католический теолог С. Бове готов был пожертвовать самыми яркими с художественной точки зрения произведениями майоркинского мыслителя, лишь бы снять с него «обвинение» в *синтетическом* мышлении: «Дабы не составить ложного впечатления о вкладе Божественного Магистра в философию и теологию, не следует также читать книги нравоучительные, проповеднические или мистические и уж тем более посвященные алхимии (в равной степени автор не советует читать работы Льюля по медицине и юриспруденции. — В. Б.). (...) Пользу может принести чтение лишь тех, в которых излагается его научная доктрина: те, в которых она излага-

ется, толкуется и применяется; но и из них лишь те, которые мы рекомендуем. Нечего и заглядывать в такие, как „Феликс о чудесах мира”, „Воспитание юношества”, „Книга Конца”, „Книга о рыцарском ордене”, „Бланкерна”, стихи и некоторые иные, им подобные». ²⁴

В сущности, если оставить в стороне вопрос о «рекомендациях», то можно признать предложенное С. Бове деление вполне корректным: данная бинарная конструкция подчеркивает существенную разницу между латинскими трактатами Льюля, его богословскими и философскими сочинениями, с одной стороны, и мистическими и художественными его произведениями, написанными в основном на каталанском языке, — с другой. Стоит лишь иметь при этом в виду, что «восточная премудрость» дает о себе знать и в сугубо философских и теологических сочинениях Льюля, написанных на латинском языке, прежде всего потому, что именно в этом случае книги писались не только на своем языке, но и на *языке противника*. Те, кто оспаривает восточное влияние на Льюля, выводя все его умозаключения и все его построения исключительно из христианской традиции, из сочинений отцов церкви и современных ему великих европейских схоластов, совершенно упускают из виду главную цель его жизни — обращать в христианство неверных. Никто не оспаривает того факта, что с целью успешного решения этой задачи он овладел арабским и еврейским языками — для того,

²⁴ Bove S. El sistema científico Luliano. Ars Magna. Exposición y crítica. Barcelona, 1908. P. 379—380.

чтобы говорить с противником *на понятном для него языке*. Однако для того, чтобы действительно воевать с противником на его территории, необходимо было в равной степени освоить и философский, риторический, логический, мистический, полемический язык противника; в противном случае бессмысленно было рассчитывать на то, что он поймет чуждые ему аргументы и, главное, примет их, к чему, собственно говоря, и стремился Льюль. Драматические последствия отсутствия взаимопонимания между идейными противниками из-за неспособности убедить, при полном понимании на словесном уровне, демонстрирует его «Жизнеописание». Столкновение Льюля с обучавшим его арабскому языку рабом-мавром, бросившимся на него с ножом, когда он, в процессе обучения, стал яростно поносить ислам, едва не стоило ему жизни и привело к самоубийству посаженного в тюрьму раба.²⁵ Отметим к тому же, что он освоил интеллектуальную и духовную традиции Востока явно в недостаточной степени и не мог не ощущать как чужой и чуждый тот язык, которым говорил с противником. В значительной мере именно поэтому он и не был этим противником понят. Все это, кстати говоря, служит лучшим оправданием Льюля, обвиняемого в каббалистическом и суфийском «уклонах».

Однако в той мере, в какой он усвоил восточную традицию, он должен быть признан одним из самых значительных средневековых мыслителей Европы, «прививших» восточную розу —

²⁵ См.: *Vida coetania de Ramon Llull*. P. 8.

методологию и образность арабской и еврейской философии, логики и мистики — к европейскому дичку.²⁶ Именно в это время, в XIII в., завершилась эпоха безусловного культурного превосходства мусульманского Востока над христианским Западом (в военном плане Запад стал теснить Восток несколькими веками ранее; вполне красноречивой в этом смысле является история Реконкисты в Испании). Столь стремительный рост был бы невозможен, если бы Запад не был в высшей степени открытым и восприимчивым. Жизнь, учение и творчество Рамона Льюля — замечательный образчик той готовности доказать, что ученик превзошел учителя, которую обнаружила в XIII в. европейская культура, воспринявшая, через арабское посредство, древнегреческое наследие и усвоившая в то же время богатейший опыт Востока — в медицине, астрономии, философии.²⁷

Знаменательно, что ему же было суждено привить «провансальскую» розу к схоластическому дичку. И форма, и инструментарий, и лексика, и мотивы, и образность, и тематика провансальской поэзии существенным образом отразились в религиозной поэзии Льюля, с той лишь оговоркой, что трубадур Прекрасной Дамы предстал трубадуром Христа.²⁸

²⁶ См., например: *Sugranyes R. Raymond Lulle: Philosophie et missionnaire // Les Actes du Colloque sur Raymond Lulle. Friburg, 1986. P. 9—10.*

²⁷ См., например: *Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.*

²⁸ Подробнее см., например: *Pi y Cabanyes O. Ramon Llull. Dos poemes i una crisi... P. 48.*

* * *

Льюль был сторонником нового крестового похода, однако похода бескровного, организаторы которого, по его убеждению, могут и должны наконец добиться своих целей благодаря диалогу, диспуту, убеждению, идейному спору, имея на вооружении стройную, выработанную им систему аргументов, которая заставит противника признать свое поражение. Ориентация на диалог — основа его жизни и творчества. Такими особенностями духовной жизни Льюля, как постоянная внутренняя борьба, внутреннее беспокойство, внутренняя полемичность, объясняются характернейшие черты — диалогичность, полемичность — его книг. Наиболее совершенны с художественной точки зрения те произведения Льюля, которые построены в форме диалогов, — «Книга о язычнике и трех мудрецах», «Бланкерна», «Книга о чудесах», «Древо философии любви». Как ни парадоксально, но обязан он этой полемичности и постоянной ориентации на диалог своему прошлому — рыцарскому и трубадурскому, — от которого столь безоговорочно отказался. Поведенческий и литературный опыт, вынесенный Льюлем из его «светского» прошлого, включал в себя, в частности, ритуальную, этическую и эстетическую стороны рыцарских турниров и поэтических состязаний, так называемых *цветочных игр*.

Схоластика и мистика или, точнее, философия знания и философия любви, если следовать терминологии, которую предпочитал сам Льюль, — вот те направления мысли и духов-

ных исканий, в которых реализовывало себя его бинарное творческое сознание. Не в последнюю очередь именно Льюля имел в виду П. М. Биццелли, доказывавший некорректность противопоставления схоластики мистике, ибо великие схоластические системы Запада создавались прежде всего мистиками и имели целью подготовку к мистическому акту.²⁹ Стремление Льюля развивать, оттачивать и популяризировать одновременно философию знания и философию любви, согласно Р. Принг-Миллю, было неизбежным и основывалось на том, что Господь, с точки зрения майоркинского мыслителя, хочет, чтобы люди не только любили его, но и понимали.³⁰ От себя добавим, что столь же, а может быть и более, правомерна «зеркальная» постановка вопроса: не только понимали, но и любили. В одном из самых значительных своих мистических произведений — книге «Древо философии любви» — Льюль выражает сожаление, что люди философию знания предпочитают философии любви. Тем самым очевидно, что именно миссионерские задачи, которые он перед собой ставил, вынуждали его склоняться в сторону философии знания, к которой люди были более восприимчивы, и лишь изредка писать мистические сочинения, которым он отдал немало душевных сил.

²⁹ См.: Биццелли П. М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 29.

³⁰ См.: *Pring-Mill R. El microcosmos lullia. Palma, 1961. P. 304.*

Льюль оставил глубокий след одновременно в философии, богословии, логике, педагогике и литературе. Ему приписывают около трехсот сочинений, значительная часть которых сохранилась и находится в архивах Рима, Парижа, Милана, Мюнхена, Венеции и других европейских городов. Еще при жизни они широко распространялись в списках, в оригинале или в переводах по всей Европе. Он прекрасно отдавал себе отчет в масштабе своего дарования и в неоспоримых достоинствах своих сочинений. Ему было присуще скорее ренессансное, чем средневековое, представление о собственном значении, истоки которого — не столько в непомерной гордыне, сколько в редком для эпохи личностном начале, осознании оригинальности и глубины своих идей и своего духовного опыта. Подобно Дон Кихоту, он мог бы гордо сказать: «Я сам знаю, кто я таков».³¹

Разнообразие и широта проблематики произведений Льюля, написанных на каталанском, арабском языках и на латыни (теология, философия, логика, риторика, педагогика, медицина), их жанровое разнообразие (трактат, проповедь, роман, стихотворение) не оставляют сомнений в том, что он сознательно пытался ориентироваться на разного читателя, клирика и мирянина, эрудированного и невежественного, католика и еретика, христианина и язычника, сочувствующего его идеям и отвергающего их.

³¹ Сервантес Сааведра М. де. Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 88.

Как философ он стал создателем «*Arx Magna*», «машин истины», «логической машины» — грандиозного по своим масштабам свода знаний средневекового человека, суть которого сводилась к тому, чтобы, комбинируя в определенном порядке четко установленные основополагающие понятия, прийти, с помощью хитроумно разработанных таблиц, фигур и вращающихся кругов, к очевидным для всех теологическим и философским истинам. Универсализм, максимализм и грандиозность, стремление объять необъятное, привести все к единому знаменателю вообще присущи средневековому сознанию. Универсализмом проникнуты и идея готических соборов, и «Этимологии» Исидора Севильского, и два гениальных творения современников Льюля: «Сумма теологии» Фомы Аквинского — в области теологии и философии, «Божественная комедия» Данте — в области художественного творчества. Однако замысел Льюля был еще более амбициозен — речь шла не только о «своде знаний», но и о «своде методов», позволяющих познать еще неизведанное и донести свое знание до окружающих. Льюль был свято убежден в чудодейственности открытого им метода, заключающего в себе всю мудрость мира:

К науке приобщась моей,
всяк истину познает в ней,
избегнет лжи, ее сетей:
крещение примет иудей
и мавр, раскается злодей,
вкусив науки новой сей.³²

³² См.: наст. изд. С. 186.

На протяжении всей своей жизни после обращения Льюль создавал все новые версии «Великого искусства», оттачивая инструментарий, пытаясь учесть все возможные контраргументы, штурмуя бастионы невозможного, невыразимого и недоказуемого. Все эти попытки приближения к искомому идеалу были продиктованы главным образом и прежде всего его миссионерскими целями, в свете которых прагматизм не только не мешал метафизике, но, наоборот, был ее оправданием и ее заказчиком. В подобном соуществовании, как отмечает Х. Х. Е. Грасиа, не было никакого парадокса, поскольку для майоркинского мыслителя «философская деятельность не являлась чем-то исконно чуждым миссионерской деятельности, но, наоборот, философия служила наилучшим способом пропандировать веру».³³

Согласно самому Льюлю, его *Arg*s — это логика, однако логика не традиционная, а совершенно новая, сочетающая в себе логику, метафизику и математику, — по существу, математическая логика, способная служить ключом к тайнам мироздания. «Один из самых дерзновенных проектов майоркинского мыслителя, — пишет Т. Каррерас и Артау, — заключался в его попытке придать всем возможным мыслительным процессам логико-математическое выражение. В этом и состоят функции алфавита и таблиц, да и во-

³³ Gracia J. J. E. El misionero como filósofo // Estudios Lulianos. Palma de Mallorca, 1978. V. 22. N 64—66. Facs. 1—3. P. 133.

обще всего *Искусства комбинаций* в системе *Великого искусства*». ³⁴

Льюль был истинным сыном своего времени. При этом его отличие от большинства современников состояло в том, что он чрезвычайно остро и драматично ощутил ту, казалось бы, очевидную истину, что для миссионера — а в этом он и многие из его современников видели свое предназначение — все совершенно ясно и просто в идейном плане, но далеко не просто то, что касается плана выражения и плана изложения, т. е. логики, риторики, языка и стиля. Решив написать «лучшую» книгу мира, майоркинский мыслитель вынужден был всю жизнь работать не столько над ее «содержанием», коль скоро «содержанием» должны были стать христианские истины, сколько над «формой». ³⁵ Шли годы, Льюль создавал одну за другой все новые версии своей книги, разочарования множились, и план *выражения* стал восприниматься им именно как проблема, разрешение которой требует от него максимальной концентрации усилий и максимальных душевных затрат. Наибольшая убедительность и наибольшая выразительность — вот та задача, которую со временем Льюль ощутил как первостепенную, пытаясь разрешить ее не только во все новых приближениях к своему универсальному уче-

³⁴ Carreras i Artau T. El llenguatge filosòfic de Ramon Llull // Homenatge a Antoni Rubió i Lluch. Barcelona, 1936. V. 1. P. 545.

³⁵ См.: Trias Mercant S. Ramon Llull: El pensamiento y la palabra. Palma de Mallorca, 1993. P. 7.

нию, но и в многочисленных иных жанрах, в сочинениях по логике, риторике, педагогике, медицине, в проповедях, стихах или романах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что стилистические и риторические приемы в сочинениях Льюля удивительно разнообразны. Льюль широко пользуется формулами психологического параллелизма, аллегориями, пословицами и иными средствами, позволяющими достигать максимального эмоционального воздействия. Одним из этих средств, широко используемым в прозаических литературных произведениях, особенно мистической ориентации, и прежде всего в «Книге о Любящем и Возлюбленном», является внутренняя рифма.³⁶

Учение Льюля настолько многопланово, что предлагает целую россыпь теологических, философских, логических, риторических и эстетических вопросов, исследованных подчас крайне неудовлетворительно. Не поддается, например, однозначному толкованию вопрос о роли Каббалы с ее символикой чисел и символическим Древом Сефирота для «Агс» майоркинского мыслителя с его символическим Древом, стройной символической образностью, символикой чисел, букв и строением таблиц.³⁷ Необходимо заметить, однако, что даже такой противник

³⁶ См.: *Rubio i Balaguer J.* Ramon Llull i el lullisme. Montserrat, 1985. P. 239; *Pring-Mill R.* Entorn de la unitat del «Llibre d'Amic e Amat» // *Pring-Mill R.* Estudis sobre Ramon Llull. Montserrat, 1991. P. 296—299.

³⁷ См., например: *Millas Vallicrosa J. M.* Algunas relaciones entre la doctrina luliana y la Cábala // *Sefarad.* Madrid, 1958. T. 18. P. 141—153.

«каббалистической» теории происхождения люллианской доктрины, как Ж. А. Пробст, склонен признавать некоторое значение воздействия Каббалы на учение Льюля.³⁸

* * *

Своеобразие творческой индивидуальности Вл. Соловьева позволило ему увидеть *поэтическую* подоплеку *философских* исканий майоркинского мыслителя. «Главный недостаток Люллия, — согласно Соловьеву, — заключается в слабой способности к философскому изложению идей, вследствие чего он так держался механических схем».³⁹ Другими словами, будучи поэтом, Льюль считал себя философом. При этом сам по себе сдержанный скепсис Соловьева по отношению к доктрине Льюля весьма показателен. Льюля остерегались позднее средневековье, его не жаловало Просвещение, в то время как наибольшей славой его имя было окружено в эпоху Возрождения. Вместе с тем при различном отношении к нему он был достаточно популярен при жизни, а затем не только в эпоху Ренессанса, но и в эпоху романтизма и, что вполне закономерно, в эпоху неоромантизма, на рубеже XIX и XX вв.

Как известно, антиреклама — тоже реклама, и многим Льюль запомнился по наставле-

³⁸ См.: *Probst J. H. Le bienheureux Ramon Lull ne fut pas kabbaliste // Studia Monographica et Receptions. Palmae Balearium, 1950. V. 4. P. 35—36.*

³⁹ *Соловьев Вл. Люллий // Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. 1896. Т. 18. С. 248.*

ниям, которые Гаргантюа дает своему сыну Пантагрюэлю: «Астрологические же гадания и искусство Луллия пусть тебя не занимают, ибо все это вздор и обман». ⁴⁰ При этом с уверенностью можно сказать, что, упоминая «астрологические гадания и искусство Льюля», Рабле имел в виду не только и даже не столько «Агс» майоркинского мыслителя, сколько псевдолюллианские сочинения алхимической и каббалистической ориентации, принадлежавшие перу средневековых и ренессансных интерпретаторов и пылких почитателей Льюля. В истории алхимии действительно значительную роль сыграли приписываемые Льюлю рукописи и издания, в которых восходящие к люллианским фигуры и схемы были выполнены в цвете. ⁴¹ «Сокровенные труды» Раймунда Луллия неустанно перелистывал алхимик — персонаж «Гаспара из тьмы» А. Бертрана, одной из самых знаменитых книг французского романтизма. ⁴² Люллианская наука стала восприниматься как каббалистическая прежде всего с легкой руки одного из замечательных итальянских гуманистов Пико делла Мирандолы, одновременно увлекавшегося доктриной Льюля и Каббалой. В среде его учеников и последователей появились и сочинения, представлявшие синтез того и другого, впоследствии долгое время при-

⁴⁰ Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1973. С. 190.

⁴¹ Легенда о Льюле-алхимике заслуживает особого внимания. Подробнее см., например: *Pereira M. La leggenda di Lullo alchimista // Estudios Lulianos. Palma de Mallorca, 1987. P. 145—163.*

⁴² Бертран А. Гаспар из тьмы. М., 1981. С. 41.

писывавшиеся Льюлю и печатавшиеся в составе его произведений.

Люллианство неотделимо от увлечения приписываемыми Льюлю сочинениями по алхимии и магии. Так, одна из любопытнейших фигур в истории люллианства — Корнелий Агриппа Неттесгеймский, автор одного из самых знаменитых комментариев к сочинениям Льюля, увлекался магией и алхимией, что не могло не отразиться и на его интерпретации люллианской доктрины. Однако наибольший интерес для нас из этих двух параллельных потоков — люллианства и псевдолюллианства, в равной мере имеющих отношение к истории европейской культуры, хотя и к разным ее граням, представляют «наследники по прямой». Среди мыслителей, восхищавшихся Льюлем, многим ему обязанных и почитавших его своим учителем, был Николай Кузанский. Рассуждая о способностях человека, который сочетает природные идеи и строит из них идеи интеллектуальные и понятийные знаки, Николай Кузанский отдает Льюлю дань восхищения: «А другой может открыть еще более точную и плодотворную идею, как тот, кто попытался из девяти идей первоначал извлечь единую идею общего искусства всего познаваемого».⁴³ Одним из самых знаменитых люллианцев был Дж. Бруно, неустанно пропагандировавший учение майоркинского мыслителя. Как логик, занимающий почетное место среди тех, кто внес свой вклад в становление математической логики, Льюль

⁴³ Николай Кузанский. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 328.

оказал сильное влияние на Г.-В. Лейбница. Вполне убедительна постановка вопроса о Льюле как об одном из предшественников современной герменевтики.⁴⁴

В течение XVII, XVIII и почти всего XIX вв. искусство комбинаций букв, чисел, фигур и таблиц в «Агс» майоркинского мыслителя вызывало в основном иронию и смех. Весьма скептически к «логической машине» Льюля отнесся Р. Декарт, утверждавший, что искусство Луллия учит тому, «чтобы говорить, не задумываясь, о том, чего не знаешь, вместо того чтобы познавать это».⁴⁵ Однако столь же очевиден и интерес Декарта к дерзновенному проекту Льюля, способного предоставить в распоряжение ученого некоторые «ключи», необходимые для упорядочения общих мест диалектики. При этом, отвергая схоластический метод, Декарт наследует общий пафос люллианских исканий: «И, разумеется, не буду скрывать от Вас предмета своей работы: это не „Краткое искусство” Луллия — я пытаюсь изложить совершенно новую науку, которая позволила бы общим образом разрешить все проблемы...».⁴⁶ Характерный пример просветительской иронии по отношению к люллианской доктрине находим, например, в ч. 3 «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта. Про-

⁴⁴ См.: *Trias-Mercant S. Hermeneutica y lenguaje en la filosofía lulista del siglo XVIII // Mayunqa. Palma de Mallorca, 1971. N 6. P. 35—60; Significado histórico-filosófico de la hermenéutica lulista en la época de la ilustración // Estudios Lulianos. Palma de Mallorca, 1971. V. 15. P. 35—54.*

⁴⁵ *Декарт Р. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 260.*

⁴⁶ Там же. С. 582.

жектеры в области спекулятивных наук и их «изобретения» являются достаточно прозрачным намеком на утопические проекты майоркинского творца «машины истины». Первый профессор, которого Гулливер увидел на Лапуте, был занят «проектом усовершенствования умозрительного знания при помощи технических и механических операций». Изобретенная им машина представляла собой раму, поверхность которой состояла из множества деревянных дощечек, сцепленных между собой тонкими проволоками. Каждая дощечка была обклеена кусочками бумаги, на которых были написаны все слова их языка в различных наклонениях, временах и падежах. Машина пускалась в ход поворотом одной из сорока рукояток, вставленных по краям рамы, что приводило к перемене расположения слов. Ученики профессора старательно записывали образуемые в результате подобных манипуляций отрывочные фразы. Конечной же целью всех этих действий, отчасти напоминающих «логическую машину» Льюля, доведенную, однако, до абсурда, являлся полный компендиум всех искусств и наук.⁴⁷

Но не случайно уже в XX в. Х. Л. Борхес, сочетавший подобно Льюлю в своем творческом облике *лук* и *лиру*, аналитический склад ума и способность к образному постижению действительности, склонен был подчеркивать не столько отличие майоркинского мыслителя от классического типа философа, сколько его великое искусство игры в великую науку, несомненную

⁴⁷ См.: Свифт Дж. Избранное. Л., 1987. С. 122—123.

близость его метода поэзии: «Как инструмент философского исследования логическая машина — нелепость. Однако она не была бы нелепостью как инструмент литературного и поэтического творчества {...}. Поэт, которому требуется эпитет для *тигра*, действует совершенно так же, как эта машина».⁴⁸

* * *

Параллельно первой версии своей доктрины Льюль создавал свою первую мистическую «Книгу о созерцании Бога», своеобразную энциклопедию европейской мистики. В ней, как и в последующих его сочинениях — «Древо философии любви» и «Книга о Любящем и Возлюбленном», описаны три этапа внутреннего состояния в христианской мистике: очистительный (страдания как награда), просветляющий (приближение Любящего к Возлюбленному) и воссоединяющий (смерть или растворение в Возлюбленном). По-видимому, наиболее значительным вкладом Льюля в христианскую мистическую традицию оказалось его стремление придать мистике философское звучание, обогатить ее элементами своей логической и метафизической доктрины, своего символического учения.⁴⁹

Впрочем, в наименьшей степени это его стремление коснулось «Книги о Любящем и Возлюбленном», маленького шедевра Льюля,

⁴⁸ Борхес Х. Л. Соч.: В 3 т. Рига, 1994. Т. 1. С. 247. См. также: *Borges J. L. Atlas*. Barcelona, 1986. P. 68—69.

⁴⁹ См.: *Sàiz Barberà J. R. Lulio, genio de la filosofía y mística española*. Madrid, 1963. P. 648—649.

произведения, казалось бы, вполне традиционного и вместе с тем абсолютно оригинального, а с художественной точки зрения наиболее выразительного.

Льюль не получил специального теологического образования и даже латынью, судя по всему, владел в недостаточной степени. Его каталанский язык — это синтез разговорного языка и литературного. При этом сочетание каталанского, провансальского, арабского, еврейского языков и латыни придавало его мировидению и стилю мышления удивительную гибкость, стройность и глубину. Если сочетание в его сочинениях провансализмов, латинизмов, отчасти даже арабизмов с многочисленными неологизмами ставит в тупик специалистов, то можно себе представить, насколько ошеломляющее впечатление они производили на его современников.

Переход с одного языка на другой связан с неизменным переходом в другую стилистическую, образную систему, другую поэтику и даже в другую литературную эпоху.⁵⁰ Поэтому вполне закономерно, что, если свою доктрину Льюль разрабатывал вначале на арабском языке, опираясь на известные ему риторические хо-

⁵⁰ Характерным примером в этом смысле является творчество Жозе-Мариа де Эредиа, французского поэта кубинского происхождения. Его имя прочно связано с поэтической группой Парнас во французской литературе, эстетические принципы которой Эредиа сумел довести до совершенства, однако когда он написал сонеты на родном для него испанском языке, посвященные его знаменитому родственнику, кубинскому поэту Хосе Мариа де Эредиа, невольно и неизбежно он прибегнул к романтической поэтике, поскольку

ды и логические формулы, а затем, оттачивая с каждым годом стиль и инструментарий, — на латыни, основные его мистические сочинения, все романы и стихи написаны на одном из новоевропейских языков — каталанском. Вопрос языка оказывается первостепенным, и всякий раз необходимо отдавать себе отчет, на каком языке было написано Льюлем то или иное произведение.⁵¹

* * *

Разлад между философом и поэтом оказался преодоленным в мистических книгах Льюля, прежде всего в «Книге о Любящем и Возлюбленном».

«Книга о Любящем и Возлюбленном» принадлежит к числу ранних произведений Льюля, не исключено, что она была написана в 1276 г. Первоначально она была задумана как самостоятельное сочинение, а затем включена в «Книгу об Эвасте и Бланкерне» (1283), один из ранних романов в прозе на новоевропейских языках. «Книга об Эвасте и Бланкерне» относится к жанру романа, несмотря на свой «прикладной» характер. Если не ко всей западноевропейской средневековой литературе, то во всяком случае к творчеству Льюля (не случайно, кстати гово-

творческий метод не поддается автоматическому переносу с языка на язык (см.: Багно В. Е. Роль испанского языка и испаноязычной культуры в творчестве Жозе-Мариа де Эредиа // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 124—148).

⁵¹ См.: Rubió i Balaguer J. Ramon Llull i el lullisme. P. 264.

ря, как будет показано далее, столь полюбившегося древнерусскому книжнику) вполне применимы соображения Д. С. Лихачева о внелитературном характере ориентиров, позволяющих нам определять литературные жанры Древней Руси. Главный из них — выяснение вопроса, для чего эти жанры предназначены. Среди этих критериев едва ли не важнейший — самое непосредственное отношение не только к идеологической, но и к практической жизни, хотя и различное в каждом конкретном случае.⁵²

Прибегая к сугубо художественным средствам, Льюль обосновывает свой очередной «прагматический» проект *активного христианства*, т. е. разветвленнейшего общественного организма, сообщества «учителей жизни», — проект, который начинает с успехом реализовывать его герой, Бланкерн, как только он становится папой. По выразительной интерпретации Х. Хирау, «целое воинство клириков и мирян, мужчин и женщин, окажется в распоряжении каждого министерства. Мировые судьи, поверенные, художники, пилигримы, следователи, инквизиторы, шпионы, вестники, глашатаи, духовники... Неприметные и великие, они будут сновать по городам и селам, постоянным дворам и тропинкам, от площади к площади, от деревни к деревне, они пересекут все земли, обратятся ко всем сословиям, проникнут во все государства, поставят и разрешат все вопросы, проблемы, затруднения и сомнения, породят

⁵² См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 62—63.

надежды, преподнесут примеры, символы, притчи, басни, параболы, посоветуют, вдохновят, наставят, предостерегут, во весь голос засвидетельствуют истину... Церковь перестанет быть административной инстанцией, статичной и уравновешенной, и превратится в динамичный и живой организм». ⁵³ Все планы Бланкерны увенчиваются успехом, и он покоряет мир своим умом и энергией, своими идеями и мечтами. Отдавая должное буйству фантазии и благородству намерений майоркинского мыслителя, нельзя не отметить поразительную близость проекта Льюля великому эксперименту, который тщетно пытались осуществить утописты XX столетия.

В окончательной редакции «Книга о Любящем и Возлюбленном» выдается за сочинение главного героя этого грандиозного утопического романа о совершенно идеальном человеке. В то же время в еще большем количестве списков, в переводе на все основные европейские языки, «Книга о Любящем и Возлюбленном» на протяжении многих веков живет отдельно.

Корни философии любви Льюля — самые разнообразные, позволяющие в то же время его мистике быть абсолютно органичной и ускользающей от дефиниций. Поэтому в связи с «Книгой о Любящем и Возлюбленном» разговор о влияниях (неоплатонизм, «Песнь Песней», Августин Блаженный, лирика трубадуров, суфийская мистика) оказывается, с одной стороны,

⁵³ Xirau J. Ramón Lull y la utopía española // Galeuzca. Madrid, 1976. P. 184.

самым подробным и продуктивным, а с другой — самым беспредметным и неубедительным. Бесперспективными оказываются и попытки полярных подходов к книге, художественное единство которой — в преодолении самого разного рода полярностей: поэзия и проза, светское и религиозное, мистика европейская и мистика восточная, мистика и христианская догматика, поэзия и философия и, наконец, подвижничество и отшельничество.

Замысел «Книги о Любящем и Возлюбленном» абсолютно прозрачен. Поясняя его, Бланкерна говорит, что «Любящий» — это набожный христианин, а «Возлюбленный» — это Господь.⁵⁴ При этом книга носит откровенно автобиографический характер.⁵⁵ Божеское и человеческое — это и есть та главная тема, та дилемма и то искомое двуединство, которому подчинены все другие, — как в творчестве Льюля, так и в его судьбе. В неотторжимости Любящего от Возлюбленного — основа надежды и залог спасения: «Неведома Любящему и Возлюбленному разница между близостью и разлукой. Ибо, подобно тому как смешивают вино и воду, смешана и любовь Любящего и Возлюбленного; и как нерасторжимы тепло и свет, такова и взаимная любовь их; подобно сущности и сущему тянутся и стремятся они друг к другу». Однако воспользовавшись старым мистическим образом, надо

⁵⁴ *Llull R. Libre de Evast e Blanquerna. Barcelona, 1954. Т. 3. P. 10.*

⁵⁵ См.: *Nicolau M. La Mística de Ramon Llull en el Libro «Del Amigo y del Amado» // Estudios Lulianos. Palma de Mallorca, 1984. N 71. P. 136—137.*

признать, что, подобно тому как смешивают вино и воду, смешаны в книге благостные и трагические ноты, и это абсолютно неизбежно для мироощущения мистика, особенно для столь антиномической личности, как Льюль. Для любого мистика стремление слиться с Богом сопряжено с сетованиями на непреодолимость дистанции, а попыткам раствориться в Боге сопутствуют мысли о собственном ничтожестве. Возможность разлада между Любящим и Возлюбленным — еще одна грань того трагического мироощущения, которое пронизывает «Книгу о Любящем и Возлюбленном», несмотря на то что редко выходит на первый план: «Озарила любовь тучу, что сгустилась меж Любящим и Возлюбленным, и засияла она, как луна в ночи, звезда на заре, солнце средь бела дня и прозрение в сознании; и сквозь эту ослепительную тучу говорили друг с другом Любящий и Возлюбленный» (наст. изд. С. 12—13, 26).

Классическая характеристика антиномического двуединства божеского и человеческого, способная прояснить замысел Льюля, принадлежит С. Л. Франку: «Двуединство между Богом и мной, которое рационально не мыслимо непротиворечиво *ни* как единство, *ни* как двойственность, может быть постигнуто во всяком случае лишь в форме уже знакомого нам *антиномического монодуализма*. Лишь поскольку я мыслю бытийственное отношение между Богом и мною одновременно *и* как подлинную двойственность, *и* как глубочайшее единство и *витаю* над этим противоречием, я улавливаю истинное отношение в этом *трансрациональном синтезе*, в этом

умудренном неведении. Религиозное сознание обычно более заинтересовано в том, чтобы сохранить здесь двойственность. При более глубоком религиозном размышлении оказывается, однако, — как уже было только что указано, — не менее важным подчеркнуть здесь *единство*, основанное на всереальности и всемогуществе Бога, — то единство, из которого следует, что перед лицом Бога я есмь *ничто*, потому что *всем моим бытием* — не только в его *возникновении*, но и в каждое мгновение его *пробытия* и действительного обнаружения — я обязан Богу. Общее решение, как указано, может состоять лишь в том, что и то и другое — двойственность и единство — утверждаются одновременно в их антиномическом совпадении».⁵⁶

«Книга о Любящем и Возлюбленном» состоит из 366 «духовных метафор» по числу дней в году; следовательно, каждая из них предлагает тему для размышления на целый день. Трудно представить себе более удачное название для этих стихотворений в прозе, чем «духовные метафоры», если задуматься над природой *метафоры* и той *духовной* задачей, которую Льюль перед собой поставил. Метафора — это сходство в различиях и преодоление различий, недостижимое, но от этого еще более желанное. «Чтобы создать метафору, — пишет П. Рикер, — следует сохранять прежнюю несовместимость *посредством* новой совместимости. Предикативная ассимиляция, таким образом, включает в себя особый тип напряжения, не столько между субъ-

⁵⁶ Франк С. А. Соч. М., 1990. С. 491.

ектом и предикатом, сколько между семантическими согласованием и несогласованностью. Прозрение подобного есть осознание конфликта между прежней несогласованностью и новым согласованием. *Удаленность* сохраняется в рамках *близости*. Видеть *подобное* значит видеть одинаковое, несмотря на имеющиеся различия. Такое напряжение между одинаковостью и различием характеризует логическую структуру подобного. Воображение в соответствии с этим и есть *способность* создавать новые типы по ассимиляции и создавать их не различиями, как в понятии, а несмотря на различия. Воображение является тем этапом в создании типов, когда родовое сходство не достигло уровня концептуального мира и покоя, но пребывает охваченным войной между расстоянием и близостью, между отдаленностью и сближением». ⁵⁷ Попыткой преодолеть дистанцию между Любящим и Возлюбленным и служат «духовные метафоры» Льюля.

Буквальный перевод заглавия самого знаменитого мистического сочинения Льюля — «Книга о Друге и Возлюбленном» (по-каталонски «*Libre d'Amich e Amat*»). Это заглавие порождает и продолжает порождать недоумения. С одной стороны, в европейской, христианской мистике речь всегда идет о «невесте» как женском начале и «женихе» как начале мужском, а подразумевается при этом душа, стремящаяся к Богу. Именно поэтому подчас мистическая поэзия

⁵⁷ Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990. С. 422.

поддается толкованию как религиозному, так и сугубо светскому, при котором она воспринимается как неотъемлемая часть общего потока любовной лирики. С другой стороны, не вполне понятно, что заставило Льюля назвать мистика, алчущего слияния своей души с Богом, именно «другом», а не «любящим» или «влюбленным». В какой-то мере прояснить замысел Льюля могут размышления П. А. Флоренского. Напомнив, что Иоанн Златоуст истолковывал всю христианскую любовь как дружбу, Флоренский пишет о том, что дружба не только психологична и этична, но прежде всего онтологична и мистична, и далее развивает тему послушания в дружбе, несения креста Друга своего.⁵⁸ В любом случае очевидно, что коренная, родовая опасность мистики — тайный, неосознанный, утонченный эротизм⁵⁹ — не затронул «Книгу о Любящем и Возлюбленном». Ответы на оба вопроса ведут нас на Восток.

Средиземноморско-суфийские корни духовности Льюля — вопрос давно обсуждаемый, в целом бесспорный, но не поддающийся однозначному решению. Арабский и еврейский языки Льюль выучил раньше латыни: он не только читал книги на этих языках и участвовал в религиозных диспутах с арабскими и еврейскими теологами и эрудитами, но некоторые из своих ранних сочинений написал на араб-

⁵⁸ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. 1. С. 438—444.

⁵⁹ См., например: Карсавин Л. П. Мистика и ее значение в религиозности средневековья // Малые соч. СПб., 1994. С. 16—17.

ском. Бесспорен суфийский след в «Книге о Любящем и Возлюбленном». Подтверждение тому мы находим в «Книге об Эвасте и Бланкерне»: «Погрузившись в раздумья, Бланкерн вдруг вспомнил, как, будучи папой, он слышал от одного мавра, что среди них встречаются люди исключительной набожности, чрезвычайно почитаемые остальными, которых называют *суфиями* и которым свойственно говорить притчами о любви или некими сентенциями, вызывающими особый духовный подъем и наводящими на размышления, которые позволяют разуму возвыситься, что, в свою очередь, дает возможность чувствам воспарить, а духу окрепнуть. Поразмывив над этим, решил Бланкерн написать книгу, следуя этому методу...».⁶⁰ Дискуссионным является лишь вопрос о формах этого воздействия и его границах.⁶¹

Сторонникам теории суфийского происхождения мистики Льюля можно было бы возразить, отметив, что в суфизме нет *встречного* движения Возлюбленного к Любящему, нет оттенка «физического» страдания от любви. Однако важнее другое — в параболах Льюля очевидно преодоление восточной мудрости, переход от

⁶⁰ Lull R. *Libre d'Evast e Blanquerna*. T. 3. P. 10.

⁶¹ См.: *Polit C. E. Analogias entre el «Libre d'Amic e Amat» y algunos textos sufies medievales // Estudis de Llengua, literatura i cultura catalanes: Actes del Primer Colloqui d'Estudis catalans a Nort-America*. Montserrat, 1979. P. 171—180; *Urvoiy R. Penser l'Islam: Les presupposés islamiqués de l'Art de Lull*. Paris, 1980; *Lohr Ch. Christianus arabicus, cuius nomen Raimundus Lullus // Frieburger Zeitschriften für Philosophie und Theologie*. 1984. V. 31. P. 57—88.

«низшего» к «высшему», от стихийных, «художественных» истин — к истинам теологическим и христианским. Общее движение «Книги о Любязем и Возлюбленном» — от мира чувственного к миру интеллектуальному, от чувственного постижения Бога — к интеллектуальному, от поэтической созерцательности — к философской игре понятиями и словами. В то же время противникам «восточного» влияния следует помнить, что в арабском языке не только отсутствует категория рода, но среди названий, связанных с понятием «друг», есть слово «алиф», означающее одновременно «друг», «любимый» и «любимая».⁶²

В связи с толкованием заглавия возникает и другой вопрос — переводческий. Ю. Найда некогда убедительно доказал, что в Нагорной проповеди, при всех ее ярких стилистических особенностях, содержание безусловно превалирует над соображениями формы; с другой стороны, некоторые строки Ветхого Завета, написанные акростихом, явно созданы с намерением прежде всего уложиться в строгие формальные рамки. Поэтому существует два типа эквивалентности: один — формальная эквивалентность, другой — динамическая.⁶³ В переводах «*Libre d'Amic e Amat*» на романские языки предпочтение всегда отдается «другу» («*ami*», «*amigo*»), поскольку

⁶² См.: Фролова О. Б. Поэтическая лексика арабской лирики. Л., 1984. С. 22.

⁶³ См.: Найда Ю. А. К науке переводить: Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 114—137.

ку и по смыслу, и фонетически перевод оказывается почти абсолютно адекватным. В то же время переводчики на английский, немецкий и иные языки решают эту проблему по-разному, однако чаще все же отдавая предпочтение художественности («liebende», «lover»). Для меня было очевидно, что созвучие «Amich» и «Amat» в книге, воспринимающейся современным русским сознанием как собрание стихотворений в прозе, имеет первостепенный *поэтический* смысл, и переводчик обязан сохранить его любой ценой. Созвучие между «Любящим» и «Возлюбленным» должно быть сохранено непременно, так как одновременно существуют как *фонетическое*, так и *глубинное*, как *сходство*, так и *различие* между Творцом и его творением, стремящимся быть на него похожим.

Преодоленность антагонизма между поэтом и философом в «Книге о Любящем и Возлюбленном» напоминает их двуединство в знаменитом ответе Ибн Араби на вопрос другого великого андалузского, средиземноморского мыслителя — Ибн Рушта, — ответе мистика на вопрос философа. Согласно легенде, при встрече с безбородым суфием философ сказал: «Да». И, услышав в ответ: «Да», Ибн Рушт был удовлетворен, ибо это свидетельствовало о том, что юноша не только понял его не высказанные вслух мысли, но и разделяет их. Однако вслед за этим Ибн Араби сказал: «Нет», чем поверг знаменитого философа в трепет. «Какой способ решения проблем нашел ты в результате полученных тобой божественного озарения и вдохновения? Схож ли он

с тем способом, к которому мы пришли путем наших умозрений?» На этот раз юноша ответил: «Да и Нет».⁶⁴

* * *

Среди художественных произведений Льюля, не имеющих прямого отношения к его доктрине, особый успех выпал на долю «Книги о рыцарском ордене», написанной в 1275 г. Она имела большое хождение в списках, причем не только на каталанском, на котором была написана, но также в переводах на французский и английский языки. По всей вероятности, книга воспринималась как своеобразное пособие по рыцарству на протяжении всего Средневековья, в точном соответствии с авторским замыслом. Об этом недвусмысленно свидетельствует тот факт, что она является одним из основных источников «Книги о рыцаре и оруженосце» испанского писателя Х. Мануэля и что английская версия, появившаяся в 1484 г., была увековечена в издании У. Кэкстона, первопечатника Англии. Издание Кэкстона пользовалось большой популярностью в Англии вплоть до шекспировской эпохи, а в 1892 г. легло в основу одного из шедевров прерафаэлитов, издания, осуществленного У. Моррисом.

Рыцарская этика, рыцарские идеалы и рыцарский менталитет, усвоенные Льюлем в юности, дававшие о себе знать во всем его поведен-

⁶⁴ См.: Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма. М., 1987. С. 27.

ческом кодексе, нашли здесь свое оформленное и, главное, *системное* выражение. Книга построена в форме уроков отшельника, в прошлом рыцаря, молодому оруженосцу, мечтающему стать рыцарем. В своих наставлениях умудренный жизненным опытом рыцарь исходит из утопической модели идеального общества, вобравшей в себя реальные элементы средневековой жизни, западноевропейского уклада, разнохарактерные бытовые реалии. Рыцарское ученье отшельника, призывающего прежде всего заботиться об общественном благе, о мире и об установлении царства справедливости на земле, поразительно напоминает монологи Дон Кихота, в то время как сам Рыцарь Печального Образа оказывается словно зеркальным отражением старого рыцаря, оставившего рыцарское поприще и удалившегося от людей.⁶⁵

«Слово» Льюля проникнуто тем же пафосом, что и «дело» Дон Кихота: пафосом неприятия реального положения вещей, и в то же время — охранительным пафосом борьбы за чистоту идеи. И в том и в другом случае это была критика *извне*, при этом исходившая от людей, лучше других осведомленных в существе вопроса. «Слово» произнесено человеком, отказавшимся от «рыцарского», светского предназначения; «дело»

⁶⁵ О возможном воздействии книги Льюля на Сервантеса см., например: *Morey G. Puntos de relación entre la «Historia del Ingenioso Hidalgo Don Quijote de la Mancha» y el «Libre del Orde de Cavalleria» de Ramon llull // Estudios Lulianos. Palma de Mallorca, 1962. T. 6. P. 117—126.*

осуществлено человеком, рыцарем не являющимся.

Далеко не случайно не только книга Льюля появилась в последние десятилетия XIII столетия, но и вообще рыцарский кодекс был сформулирован в позднем Средневековье. Нетрудно догадаться, что потребность в кодификации рыцарских норм носила вынужденный характер. Написать «Книгу о рыцарском ордене» Льюля побудили опасности, со всех сторон угрожавшие рыцарскому духу, а следовательно и самой христианской цивилизации, гарантом сохранения и оплотом которой служило рыцарство. Стремление к выработке кодекса появилось, во-первых, тогда, когда возникли ностальгические сожаления о миновавшей эпохе рыцарских подвигов и рыцарских добродетелей. Образцом подобного рода пассаистских настроений является *бунт Дон Кихота*. Во-вторых, уже во второй половине XIII столетия, в преддверии *осени Средневековья*, по яркому определению Й. Хейзинги, остро ощущалась девальвация рыцарских идеалов и моделей поведения, «демилитаризация» рыцаря, превращение его в придворного. Наконец, потребность в кодификации носила защитный характер и означала необходимость разработать недоступный непосвященным идейный, этический и поведенческий язык и тем самым отгородиться кодексом, т. е. системой «заслонов», от притязаний третьего сословия на продвижение в обществе.⁶⁶

⁶⁶ См.: *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М., 1987. С. 103.

В «Книге о рыцарском ордене» имеет значение не только то, что *говорится*, — в этом смысле она может служить своеобразным путеводителем по рыцарской этике и руководством по рыцарскому поведению — сколько то, что *не говорится*. Уже в эпоху Льюля окончательно утвердился, а, как показала история, впоследствии и возобладал куртуазный, придворный рыцарский эпос со столь привлекательным жизненным идеалом, объединяющим возвышенные чувства и утонченные фантазии, а главное включающим культ Прекрасной Дамы.⁶⁷ Льюль уклоняется от прямой полемики, однако его рассуждения о связи рыцарского идеала с высокими ценностями религиозного сознания и о неотторжимости рыцарства от воинского мужества очевиднейшим образом проникнуты неприятием этого чуждого ему этоса.

* * *

В сущности, и «Книга о животных», которая соперничала в популярности с «Книгой о рыцарском ордене», представляет собой концепцию политического переустройства мира на основах разума, любви и справедливости, принадлежавшую Льюлю. Написанная в Монпелье зимой 1285—1286 гг. или в Париже в 1287—1289 гг. «Книга о животных» была включена впоследствии Льюлем в большое произведение — «Книгу о чудесах», по праву считающуюся, наряду с

⁶⁷ См.: Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 72—83.

«Бланкерной», одним из первых опытов философско-социального романа в Европе. Подобно героям рыцарских романов, странствующим по всему свету во славу своей Прекрасной Дамы и претерпевающим при этом многочисленные тяготы и невзгоды, Феликс, главный герой романа, преодолевая препятствия, бродит по лесам, горам и долинам, посещает города и замки, преследуя единственную цель — добиться того, чтобы Господь занял наконец достойное место в сердцах людей. Об автономном характере «Книги о животных» в общей структуре «Книги о чудесах» явствует хотя бы тот факт, что Феликс, которому приписывается ее авторство, нигде в тексте, кроме введения и финала, ни разу не упомянут.

В длительной и увлекательной истории путешествий сказочных сюжетов из Индии по многим странам света огромную роль сыграла составленная в III—IV вв. н. э. «Панчатантра», сборник басен, притч и нравоучительных новелл. В средневековой Европе широкое хождение имела арабская версия «Панчатантры» — «Калила и Димна», выполненная в VIII в. Ибн Ал-Мукаффой, и греческая — «Стефанит и Ихнилат», принадлежащая перу Симеона Сифа и относящаяся к IX в. Обе они послужили основой для многочисленных новых версий.⁶⁸ Притягательность для средневекового сознания животной сатиры состояла в том, что мир воспринимался в ней трезво-иронически, а его страшная

⁶⁸ К греческой версии восходит и славянский перевод. См.: Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков. Л., 1969.

давящая сила преодолевалась благодаря смеху.⁶⁹

В «Книгу о животных» (по принципу матрешки или по принципу расположенных друг против друга и создающих иллюзию бесконечности зеркал, который используется, например, в планировке анфилады комнат некоторых дворцов) вмонтированы двадцать восемь ехемпла, притч, парабол и басен. Эти притчи, в основном восточного происхождения, прежде всего восходят к арабской «Калиле и Димне». При дворе старшего современника Льюля, кастильского короля Альфонса Мудрого, в 1261 г. был выполнен перевод «Калилы и Димны» на испано-кастильский язык, однако для Льюля, судя по всему, значение имел прежде всего как арабский оригинал, так и французский «Роман о Лисе».⁷⁰ Восточные притчи в кастильской перелицовке «Калилы и Димны» суше, бледнее и схематичнее аналогичных ехемпла «Книги о животных» Льюля.⁷¹ В то же время близость «Книги о животных» Льюля скорее восточной («Панчатантра», «Калила и Димна»), чем западной («Роман о Лисе»), традиции подтверждается хотя бы перенасыщенностью каталонского памятника поучениями и отчетливыми назидательными задачами. Немаловажно так-

⁶⁹ См.: *Костюхин Е. А.* Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 203.

⁷⁰ См.: *Neugaard E. J.* The Sources of the Folk Tales in Ramon Llull's «*Libre de les besties*» // *Journal of American Folklore*. Philadelphia, 1971. V. 84. N 333. P. 334—337.

⁷¹ См.: *Rubió i Balaguer J.* Ramon Llull i el lullisme. P. 320—321.

же, что основной мотив «Романа о Лисе» — соперничество лиса Ренара и волка Изенгри-на⁷² — попросту отсутствует у Льюля.

Живости парабол Льюля, органично выражающих злободневную проблематику книги, которая сконцентрировала в себе материалы политических и философских дискуссий конца XIII в., не помешало то обстоятельство, что, согласно Ф. де Урменете Сервере, в отличие от восточных сборников басен, система притч Льюля представляет собой в высшей степени стройное и продуманное единство: «Половина этих басен, первые двенадцать из них, отражают исключительно негативную сторону жизни, представляя собой вереницу пороков и опасностей, подстерегающих любого правителя: измена, раздражительность, ненависть, хитрость, злой умысел, коварство, своеволие, неприязнь, бессердечие, хвастовство, мстительность и лицемерие. Уравновешивая их, вторая часть этих басен представляет собой двенадцать рассказов о важнейших достоинствах и чертах, украшающих правителя: справедливость, благодарность, ум, добродетельность, авторитетность, соблюдение иерархии, альтруизм, достоинство, осмотрительность, бескорыстие, природное благородство и благоразумие».⁷³ В то же время основная фабула раскрывает достаточно неприглядную

⁷² См.: Михайлов А. Д. Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса // Роман о Лисе. М., 1987. С. 20—27.

⁷³ *Urmeneta Cervera F. de. El Pensamiento social del B. Ramón Lull* // *Studia Monographica et Recensiones. Maioricis*, 1950. N 4. P. 23—24.

картину мира. Воспользовавшись формулировкой Я. С. Лурье,⁷⁴ можно сказать, что «Книга о животных» явилась своеобразным «романом без героя» в средневековой письменности. «Героем» оказывается не Лис, коварный, мстительный и лживый, не Лев, высокомерный, жестокий и неблагодарный, и не другие персонажи, трусливые, бессердечные, завистливые или покорные, а, пожалуй, лишь автор, чья позиция основывается на здравом смысле и общечеловеческих этических принципах.

* * *

Намерения и надежды Льюля абсолютно ясны; мотивы, толкавшие его как на активную проповедническую деятельность, так и на сочинительство, — абсолютно понятны. Максимализм и легковерие — два столпа утопического сознания — заставляли его восставать против современного ему устройства общества и той данности, которой предстала душа его современника. Своим «Великим искусством» он надеялся усовершенствовать человечество; менее масштабные, но вполне конкретные задачи он пытался решить своими художественными произведениями: реформировать с помощью «Книги о рыцарском ордене» рыцарство, с помощью «Книги о животных» — государственное устройство, с помощью «Книги об Эвасте и Бланкерне» — католическую церковь, с по-

⁷⁴ См.: Лурье Я. С. «Стефанит и Ихниллат» в русской литературе // Стефанит и Ихниллат... С. 167.

мощью включенной в последнюю «Книги о Любящем и Возлюбленном» — облагородить человеческую душу, указать ей путь к Богу и заодно расчистить этот путь.

Благородный максимализм и святое легковерие если и не достигли цели, то во всяком случае обеспечили бессмертие порожденных ими книг.

В. Е. Багно

РУССКОЕ ЛЮЛЛИАНСТВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Раймунд Люллий (в соответствии с русской традицией в данном случае отдаем предпочтение латинизированной форме имени майоркинского мыслителя) предвидел мировую славу своего «Великого искусства». Об этом идет речь в главах XXXV и XXXVI его поэмы «Отчаяние». Строя свои экуменические планы, он надеялся обратить в истинную веру всех язычников и заблудших, в том числе православных, опираясь на доводы и аргументы своей философии.¹ Люллий упоминает «gosos» («russos», «gosogs», «rossos») в таких своих книгах, как «Воспитание юношества»,² «Спор веры и разума».³ В «Книге

¹ См.: *Misser Vallès S.* Ramon Llull y las iglesias orientales disidentes // *Estudios franciscanos*. Barcelona, 1961. V. 62. N 310. P. 50—51; *Garcías Palou S.* Los escritos del Bto Ramon relativos al oriente cristiano // *Estudios Lulianos*. Palma de Mallorca, 1970. T. 16. N 41—42. Facs. 2—3. P. 199—225.

² *Llull R.* *Doctrina pueril*. Barcelona, 1972. P. 166.

³ *Llull R.* *Disputatio fidei et intellectus*. Moguntiae, 1729. T. 4. P. 6.

об Эвасте и Бланкерне» Люллий обращается с приветствием к Деве Марии от имени всех инокомыслящих, в том числе и «русских», поскольку считает себя их «поверенным». ⁴ Пророчество сбылось спустя четыре века.

Творчество Раймунда Люллия достигло границ России с большим запозданием, в сравнении с другими европейскими странами. Однако и в конце XVII столетия это произошло через посредников — украинцев, белорусов, поляков, немцев. Несколькими годами ранее возникновения русского люллианства в Москве побывал Квирин Кульман (1651—1689), немецкий мистик, автор люллианского сочинения. ⁵

Этот немецкий люллианец, известный своей экзальтированностью, написавший и опубликовавший в 1687 г. сочинение, адресованное царю Московии, ⁶ вызвал за время своего недолгого пребывания в Москве такой разброд в умах обитателей Немецкой слободы, что его сожгли в срубе как еретика 4 октября 1689 г. Это было сделано в ответ на обращение пастора лютеранской церкви в Москве Иоахима Мейнеке, обеспокоенного растущей популярностью новоявленного возмутителя спокойствия. Впрочем, вряд ли шесть месяцев пребывания Кульмана в Не-

⁴ *Llull R. Libre de Evast e Blanquerna. Barcelona, 1947. V. 2, P. 31.*

⁵ *Kuhlmann K. Epistolae duae, prior de Arte magna sciendi sive combinatoria, posterior de admirabilis quibusdam inventis. Lugd, 1762 (включено также в изд.: Kicheriana de Arte magna sciendi sive combinatoria. Londini, 1681).*

⁶ *Drei und Zwanzigstes Kuhl-Jubel aus dem ersten Buch des Kuhl-Salomons an Ihre Czarische Majestaten. Amsterdam, 1687.*

мечкой слободе могут послужить точкой отсчета в интересующей нас истории русского люллианства.

До сих пор в домах староверов можно обнаружить рукописи «Великой и предивной науки кабалистичной великого Богом преосвященного Раймунда Люллия, в Сарбоне Парижской академии философии и богословии и прочих наук славноименитого учителя, Майорикския академии в Царстве Гишпанском заводчика, первоначальника, воздвижителя и нового учения, до его в прочих академиях не предлагаемого, творца и уставителя». В различных архивах Москвы, Петербурга, Киева и Твери хранится по меньшей мере пятьдесят пять списков этого сочинения — свидетельство поразительной судьбы люллианских идей в столь далекой стране.

Уже само заглавие (во всех его вариантах слова «наука» и «кабалистичная» почти всегда сохраняются) «вобрало» в себя два важнейших этапа европейского люллианства. Замена при переводе названия «*Arts Magna*» «искусства» на «науку» характерна для эпохи барокко, а эпитет «кабалистичная» восходит к размышлениям гуманистов эпохи Возрождения, в том числе Дж. Бруно, о близости люллианской и каббалистической премудрости.⁷ В то же время «Великая и предивная наука кабалистичная...» не является переводом чрезвычайно популярного в течение долгого времени во всей Европе благо-

⁷См., например: Rossi P. *Clavis universalis: Arti mneponiche e logica combinatoria da Lullo a Leibniz*. Milano; Napoli, 1955. P. 101.

даря изданию Л. Зецнера апокрифического сочинения «De auditi kabbalístico».⁸ Каббалистический элемент ощутим как в «Предисловии философии» к «Великой науке» («Жидове аще неверни и в Царстве Гишпанском от Раймунда Люлия гоними. Повествуют, иже мудрость Божия от праотцев их Адама, Моисея, Иисуса Наввина и Соломона, многая времена в мире не являющаяся, в того Раймунда Луллия влияна бысть. Но оставивши свидетельства неверных о вернем рабе Божиим, истинно цари Французския и Гишпанския в грамотах своих жалованных великим и предивным учителем философии и богословия и протчих наук онаго нарицают»), так и в самом тексте, например в разделе «Вопросы ученика и ответы учителя» («Что за Книга сия? — Книга Раймунда Люлия. — Как нарицается? — Великая и предивная наука Кабалистичная. — Что значит наука Кабалистичная? — Кабала по языку еврейскому и сирскому значит Крылы Божия. — Для чего так необычно сия наука названа? — Толковники Раймунда Луллия неравно сказуют. Едини говорят, елико под тою наукой, яко под Крылами, все прочия науки осяженные суть, инная глаголют, для того иже от Бога самого, не от наставления человеческого, с Небеси изыде сия мудрость влиянная, неприиписанная учением, яко в предисловии слышал еси, но сам творец ея для тоо

⁸ См.: Bonner A. El lullisme alquímic i cabalístic i les edicions de Llätzer Zetzner // Randa. Barcelona, 1990. V. 27. P. 99—117.

такую нарицает, еже вышшее всех мудростей к самому Богу восходит»⁹).

Русскими учеными уже давно было доказано, что «Великая наука» не является переводом какого-либо конкретного произведения Раймунда Люллия.¹⁰ Не является она и переводом одного из известных западноевропейских комментариев к «*Ars Magna*», долгое время имевших широкое хождение по всей Европе: сочинений Агриппы Неттесгеймского, Джордано Бруно, Иоганна Генриха Альштеда, Педро Санчеса, Афанасия Кирхера и многих других «толковников», как их именует автор «Великой науки», неоднократно ссылаясь на их авторитет или же полемизируя с ними. В тексте «Великой науки» немало доказательств оригинальности этого сочинения, оставившего столь глубокий след в русской культуре.

«Великая наука» представляет собой сочинение Яна Белобоцкого, обрусевшего поляка или белоруса, писателя, переводчика, философа и религиозного реформатора конца XVII—начала XVIII в.¹¹ Благодаря А. Х. Горфункелю извест-

⁹ Цитирую «Великую науку» по списку, не учтенному в литературе о русском люллианстве и хранящемуся в Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — ИРЛИ) (собр. ИМЛИ, № 15).

¹⁰ Безобразова М. О «Великой науке» Раймунда Люллия в русских рукописях XVII века // Журн. М-ва нар. просв. 1896. № 2. С. 383—399; Соколов Н. «Философия Раймунда Люллия» и ее автор // Журн. М-ва нар. просв. 1907. № 8. С. 331—338.

¹¹ См.: Горфункель А. Х.: 1) «Великая наука Раймунда Люллия» и ее читатели // XVIII век. Л., 1962. Т. 5. С. 337—348; 2) Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—

но, что он учился в иезуитских и протестантских школах: в 1665—1679 гг. изучал в Западной Европе философию и теологию, добравшись при этом до Вальядолида. Кстати говоря, о своем пребывании в Испании он сам пишет в «Риторике»: «Не верил бых тому, аще бы в Гишпании будучи, в Академии Валисолютинской на италианском языке в Риме напечатованной о том посольстве книги не видал». ¹² Преследуемый иезуитами как кальвинист и ересиарх, Белобоцкий вынужден был в 1681 г. из Смоленска перебраться в Москву. Приняв православие, получив при крещении имя Андрей и поступив на «государеву службу», он продолжал участвовать в религиозных диспутах, вновь был обвинен в ереси и опять вынужден был оправдываться и опасаться репрессий. Судя по всему, он избежал трагической участи Квирина Кульмана благодаря заступничеству своих влиятельных учеников, будущих сподвижников Петра, которым он давал уроки латыни. В то же время вполне вероятно, что не по доброй воле, а спасаясь от преследований, он пять лет (1686—1691) провел в Китае в качестве переводчика русской дипломатической миссии. Совершенно очевидно, что Андрей Бело-

начала XVIII в. // Тр. Отд. древнерус. лит. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 188—213. Статья Е. Горского (*Gorsky E.* Apunte sobre el conocimiento de Ramon Lull en Polonia // *Studia Lulliana*. Palma de Mallorca, 1991. V. 31. N 84. P. 45—48) в освещении люллианства Белобоцкого основывается исключительно на материалах, почерпнутых из работ А. Х. Горфункеля.

¹² Цит. по: *Горфункель А. Х.* Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—начала XVIII в. С. 196.

боцкий, католиками обвиняемый в кальвинизме, а православными — в католицизме, славянский эрудит, знавший латынь, итальянский, испанский, французский, неутомимый путешественник, а точнее скиталец, побывавший не только во многих европейских странах, но также в Сибири и Китае, литератор, обладавший глубокими познаниями в философии и теологии, автор многочисленных трактатов, поэм и переводов, был как нельзя лучше подготовлен к миссии популяризатора учения Раймунда Люллия. Видимо, именно благодаря этому обрусевшему шляхтичу, пантеисту, космополиту и эрудиту, не раз обвиненному в ереси, отстаивавшему в своих трудах идею религиозной толерантности, в культуре России в канун петровских реформ возникло столь яркое и сложное явление, как русское люллианство.

Перу Белобожьего принадлежит также «Краткая наука», представляющая собой достаточно точный перевод «*Arg brevis*» Люллия, и два оригинальных сочинения, проникнутых люллианским духом: «Риторика Раймунда Люллия» и «Книга философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем». Нет ничего удивительного в том, что этот плодовитый, хотя и неглубокий, поэт и мыслитель проявил себя в основном на поприще перевода (так, ему принадлежат переводы книг «О последовании Христу» Фомы Кемпийского и «Пентатейгум, или Пять книг кратких о четырех вещах последних, о суете и жизни человека»; в основу последней положены стихи немецких латинских поэтов). Инстинкт самосохранения вынуждал

Белобочкого скрываться в переводческой нише, популяризируя взгляды любимых авторов или же приписывая свои идеи близким ему по духу философам и поэтам.

Что касается «Великой науки», главной книги русского люллианства, то прежде всего внимания заслуживает открывающее ее «Предисловие философии». По-видимому, не последнюю роль в пристальном интересе староверов к «*Argis magna*» сыграли следующие мотивы, прозвучавшие в «Предисловии»: универсальный характер книги («хощу какой вещи поучающаю тя дарити наукою не простою, и везде обносиюмо, не обединой, но мудростью всем мудростям царицею. Ея же наставлением все науки удобно постигнеши, достоинство сея науки великая есть, паче всех наук. Понеже сама единая, бес постижения иных не требующи никакия помощи посторонныя не ошибне со всякою надеждою, подленностью и светлостью о всякой вещи истинну и мудрость без труда великаго и усумления прелагает, заключает убо в себе вся прочия мудрости и к познанию истинны наставляет; разрешающи все вопросы и недоумения, яже могут случитися о вещах прелагаемых, несть мудрость никаковая, яже укрытися может от ней»¹³), преимущества, которые могли извлечь из доктрины Люллия миссионеры, а также конечный триумф идей преследуемого и замалчиваемого мыслителя («имя Творца и наставления его не везде ся обносит, но сокровище сие в земли закопанное лежит. Понеже творец

¹³ ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 15.

сей в Сарбоне Академии Парижской дерзнул всех древних учителей и последующих им науке обличати, стыдно и болезно стало так многым тысячам мудрецов одним новья науки заводчиком гонимым быти. (...) И тако котораго прежде гонили, ныне драго добиваются»¹⁴).

Согласно гипотезе А. Х. Горфункеля, «Великая наука» была написана Белобожским в 1698—1699 гг. В 1725 г. основатель и первый настоятель Выговского старообрядческого общежития Андрей Денисов создал ее сокращенный вариант — «Краткую науку».¹⁵ Популярность люллианской премудрости среди староверов имеет для нашей темы первостепенное значение.

* * *

Сам Денисов следующим образом сформулировал поставленную перед собой задачу: «Начинается с Богом краткая наука, яже есть вообраз инаго издания тоя же науки народныя ниже сея положенныя иже сице надписуется. Сего ради сию краткую науку творим, яко да великая наука удобнейше познатися может, познаной бо сей вышереченной науце, то и иныя науки добрейше могут познатися и научитися».¹⁶ Вполне естественно, что, сокращая текст

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Никанор, архим. «Великая наука Раймунда Люллия» в сокращении Андрея Денисова // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1913. Т. 18, кн. 2. С. 10—36; Дружинин В. Г. К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия // Там же. 1914. Т. 19, кн. 1. С. 342—344.

¹⁶ Цитирую «Краткую науку» по списку, не учтенному в литературе о русском люллианстве (ИРЛИ, собр. Перетца, № 155, л. 184).

«Великой науки» Белобоцкого, Андрей Денисов устранил некоторые неприемлемые для него пассажи и тезисы, прежде всего филиппики против старообрядцев. Создавая произведение с отчетливым миссионерским подбоем, Денисов отказывается от введенной Белобоцким формы вопросов и ответов, невольно восстанавливая *монологический* характер «*Arg Magna*» Раймунда Люллия.

Можно предположить, что школа люллианской премудрости сыграла не последнюю роль в становлении уникального полемического метода самого Андрея Денисова, красноречию которого, в частности в прениях с посланным от Синода иеромонахом Неофитом, Выговское общество обязано многими послаблениями со стороны властей. Он, по выражению старообрядческих биографов, был готов «к ответу всякому, вопрошающему о его уповании».¹⁷ В. П. Зубов обратил внимание на почти дословное совпадение этих слов с основной задачей как «*Arg Magna*» Раймунда Люллия, так и «Великой науки» Белобоцкого: «соответствати о всяцем вопрошении». В его «иконописном, идеализированном *портрете*, — согласно В. П. Зубову, — нетрудно увидеть своего рода олицетворение „Великой науки“, научающей искусству убедительно и красноречиво отвечать на все вопросы».¹⁸

¹⁷ Цит. по: Барсов Н. И. Братья Андрей и Семен Денисовы // Православное обозрение. 1865. № 10. С. 239.

¹⁸ Зубов В. П. К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII века: Русская люллианская литература и ее назначение // Тр. Отд. древнерус. лит. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 300.

Кроме «Великой науки» Белобоцкого, ее сокращения, выполненного Андреем Денисовым, и «Краткой науки», переведенной Белобоцким, староверы активно осваивали «Риторику», также принадлежащую перу Белобоцкого. Под разными названиями («Книга, нарицаемая Раймундалюлия писанных вещей»; «Книга о разуме письма святого риторика Раймунда Люлия, римского учителя и кавалера»; «Наука проповедей») известно девять списков этого сочинения. Установлено, что выговцы активно использовали ее, равно как и другие люллианские сочинения, для обучения логике, риторике и философии. Подтверждение тому мы, например, находим в предисловии к поморскому списку «Грамматики» и «Риторики» Феофана Прокоповича: «Аще же из синтаксиса поступит кто в риторику, то может и той с начетом прочих книг добре риторствовать, присовокупя к сему Раймундову философию или метафизику».¹⁹

Как было доказано тем же В. П. Зубовым, вскоре появились и оригинальные русские сочинения, прежде всего проповеди, составленные по люллианским моделям, с ориентацией на люллианское красноречие и с использованием люллианских категорий. Таковым, например, является «Рассуждение о предивном величестве природы человека», сочиненное братом Андрея Денисова, Семеном.

¹⁹ Цит. по: *Зубов В. П.* К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII века... С. 300—301.

Первостепенный интерес для изучения феномена русского люллианства представляют сведения о русских переписчиках, читателях и владельцах люллианских книг. В высшей степени любопытны и заметки на полях рукописей. Ряды русского люллианства в XVIII в. пополнялись прежде всего «третьим сословием». Все известные нам владельцы «Великой науки», как это было установлено А. Х. Горфункелем, принадлежали к демократическим слоям населения. Это были купцы, крестьяне, ремесленники, одинаково жадные до знаний, хотя и неодинаково подготовленные к овладению люллианской «машиной истины», которое требовало абстрактного мышления, доверия и усидчивости. Если один из них назвал люллианскую премудрость «ароматуханным гроздополезным овощем», то другой капитулировал, так ею и не овладев: «Доселе моя охота, прочее оставляю: инем с прилежанием ю читать. Аще я лености дея и ничто себе обрел; однако вся, кто будет прилежно читать, обрящет то, яже содержит. Многим промыслом и великой ценой едва ю стяжах, ныне же не за толико отдах. От еже в пречестнейших ей быти руках, три года держак. От нижайших как по природе, так и фортуной, Никифор сия написах. 1723 г., июня 17 дня».²⁰

Нет ничего удивительного в том, что именно старообрядцы, столь ревниво оберегавшие чистоту и традиционность своих убеждений, оказались проводниками и популяризаторами идей

²⁰ Цит. по: Горфункель А. Х. «Великая наука Раймунда Люллия» и ее читатели. С. 346.

одного из величайших авторитетов католической мысли. Сам Люллий прекрасно объяснил подобный этому парадокс в метафоре 154 своей гениальной мистической «Книги о Любящем и Возлюбленном», подчеркнув, что повлияли на него не *идеи* арабских мистиков, а та *форма*, в которой они выражали свои идеи. Не следует также забывать и о существовании некой *топки*, общей для всех великих религий мира, и особенно для ответвлений христианства.

Впрочем, несмотря на столь очевидную близость религиозных исканий человечества, люллианство, в каких бы странах и в какие бы эпохи ни пускало оно корни, всегда было сопряжено с известной опасностью для его приверженцев. Официальная церковь почти всегда относилась к его сторонникам с настороженностью и недоверием; их нередко осуждали и преследовали. Трагические судьбы западноевропейских люллианцев слишком хорошо известны: достаточно вспомнить Дж. Бруно. Чтобы дополнить картину, можно добавить, что в России не только сожгли Квирина Кульмана, но хотели сжечь и Яна Белобожского; что сжигали и преследовали старообрядцев, верных не только своим убеждениям, но и «Великой науке». Судя по всему, антилюллианские настроения в России представляли просветители, позитивисты, профессора университетов, в то время как к люллианцам принадлежали мистики, староверы, романтики, символисты.

Русское люллианство относится к той же эпохе, что и реформы Петра I. Несмотря на огромную популярность произведений, принадлежащих к русскому люллианству, ни одно из них не

было опубликовано. «Великая наука» казалась смешной почитателям естественных наук, приверженцам просветительских идей. Однако, несмотря на это пренебрежение и в противовес магистральным тенденциям, русское люллианство (пусть полулегально, в рукописных версиях) продолжало свое существование, по-своему отвечая потребностям эпохи.

* * *

На Западе обращение к идеям Раймунда Люллия было характерно для узкого круга подготовленных читателей-эрудитов. В русском люллианстве по сравнению с люллианством западноевропейским поражает и позднее его возникновение, и широкое распространение. Однако самое любопытное в исследуемом феномене — роль люллианства, этого экзотического заморского плода, в атмосфере русской культурной и религиозной жизни, столь закрытой во многих других случаях.

Неверно полагать, что с точки зрения информативной «Великая наука» для XVIII в. была уже безнадежно устаревшей. С. Триас Мерканти убедительно доказал, что П. Паскуаль и другие эрудиты XVIII столетия оказались последователями на новом этапе люллианской теории фигур и геометрических символов в ее логико-онтологической основе и активно вводили люллианский «язык» в школьное обучение.²¹

²¹ См.: *Trias Mercant S.: 1) Filosofía y sociedad: (Hacia una ecología del lulismo de ilustración)*. Palma de Mallorca, 1973.

Заслуживает также внимания следующее обобщение, принадлежащее Х. Каро Барохе: «В первой половине XVIII века многое из того, что в XVII веке имело сугубо камерное звучание, становится общим достоянием».²² Кажется, что поводом для этого наблюдения послужила судьба в XVIII в. в старообрядческой среде русского Севера «Великой науки», созданной в конце XVII столетия *одиноким мыслителем*.

Популярность этой доктрины среди староверов объясняется ее универсальным характером, позволявшим использовать люллианские доводы в религиозной полемике, а люллианские сочинения как учебники философии, логики и риторики, в том числе в школах. Русские люди обнаружили также, что эти произведения содержат метод ассимиляции всех наук и написаны языком, пригодным для систематизации всех знаний. Надежда на осуществимость подобной затеи перевешивала возможные опасения по поводу ее иллюзорности и утопичности.

Не стоит забывать о миссионерском характере учения Раймунда Люллия, философа, родившегося за несколько лет до падения Киевской Руси и стремившегося к созданию метода, с помощью которого удастся обратить в истинную веру всех еретиков и неверных. Это был характер, близкий староверам в их идейном противостоянии никонианцам. Не последнюю роль сыг-

Р. 121—122; 2) *Hermetica y lenguaje de la filosofía lulista del siglo XVIII* // Mayurqa. Palma de Mallorca, 1971. Т. 6. Р. 371.

²² *Caro Baroja J. Teatro popular y magia*. Madrid, 1974. Р. 46.

рали и максимализм Раймунда Люллия, его одержимость и непримиримость, сочетание в его доктрине мистических и мессианских идей, что также нашло отклик среди старообрядцев. «Великое искусство» майоркинского мыслителя не могло не привлечь внимания русских купцов и крестьян XVIII столетия, людей одновременно истово верующих и прагматичных.

Наконец, велико было значение утопизма, определяющей черты люллианского и старообрядческого сознания. В тяготении староверов к личности и учению Раймунда Люллия сказались и общая предрасположенность русского сознания к утопиям.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА

История люллианства как феномена культуры представляет собой прежде всего историю бытования произведений самого Льюля, имеющих отношение к его доктрине, комментариев к ней и ее инациональных версий, а также псевдолюллианских произведений в многочисленных списках и уникальных изданиях, из которых самыми знаменитыми были издания, осуществленные в XVI веке Латцером Зецнером (*Zetzner L. Opera ea quae ad adinventam ab ipso Artem universalem. Estrasburg, 1598*) и в XVIII в. Иво Зальцингером (*Salzinger I. Raymundi Lulli Opera omnia. Moguntiae, 1721—1742, 8 vol.*). У литературного наследия Льюля была не столь впечатляющая судьба, как у псевдолюллианских произведений, однако и она представляет для историков культуры и современных читателей несомненный интерес.

Классификация всех рукописей Льюля, как на латыни, так и на каталанском языке, и их детальная текстологическая характеристика — дело будущего. Подлинно научно-критического издания многих замечательных произведений майоркинского мыслителя до сих пор не суще-

ствуует, однако в случае с «Книгой о Любящем и Возлюбленном», «Книгой о рыцарском ордене» и «Книгой о животных» мы имеем возможность опереться на издания, в которых учтены новейшие текстологические разыскания, и на их основе подготовить текст в соответствии с требованиями, предъявляемыми к изданиям серии «Литературные памятники».

Рукописный текст «Книги о Любящем и Возлюбленном» сохранился как в списках «Книги об Эвасте и Бланкерне», так и в составе разного рода сборников, включающих главным образом произведения самого Льюля. По списку, датированному XIV в. и хранящемуся в Государственной библиотеке Мюнхена (в необходимых случаях использовался также список XIV в. из Парижской Национальной библиотеки), «Книга об Эвасте и Бланкерне» подготовлена к печати Сальвадором Гальмесом (*Lull R. Libre de Evast e Blanquerna. Barcelona, 1954. T. 3*). Это издание включает все метафоры Льюля, не вызывающие текстологических сомнений; приписывавшиеся Льюлю апокрифические метафоры уверенно отвергнуты. В настоящем издании в качестве основного источника перевода «Книги о Любящем и Возлюбленном» выбран этот текст.

«Книга о рыцарском ордене» по рукописи XV в., хранящейся в Библиотеке Каталонии в Барселоне (с вполне убедительными, устраняющими различного рода интерполяции, ошибки и опiski уточнениями по двум другим спискам — хранящимся в Библиотеке Барселонского Атеней и в Библиотеке Святого

Франциска в Пальме де Майорка), напечатана Альбером Соле и Льопаром (*Llull R. Llibre de l'orde de cavalleria*. Barcelona, 1988). Перевод «Книги о рыцарском ордене» осуществлен в настоящем издании по этому тексту.

«Книга о животных» по спискам XIV и XV вв., хранящимся в Археологическом Люллианском обществе Пальмы де Майорка, опубликована в серии «Наши классики» Сальвадором Гальмесом (*Llull R. Libre de Meravelles*. Barcelona, 1934. Т. 2). Основным источником перевода «Книги о животных» в настоящем издании послужил этот текст. Вместе с тем использованы результаты поледующего текстологического изучения творчества майоркинского мыслителя, в частности издание, подготовленное Антони Боннером (*Llull R. Obres Selectes*. Palma de Mallorca, 1989. Т. 2), который в ряде случаев опирается на несколько иную редакцию памятника, представленную в рукописях XIV и XV вв. из библиотек Лондона и Мюнхена.

«Песнь Рамона» по рукописи XV в., хранящейся в Библиотеке Эстанислао Агило в Пальме де Майорка, опубликована Рамоном д'Алос-Моне в серии «Наши классики» (*Llull R. Poesies*. Barcelona, 1928). Перевод сделан по этому изданию.

«Книга о рыцарском ордене» и «Книга о животных» переводятся на русский язык впервые. «Книга о Любящем и Возлюбленном» полностью переводится на русский язык также впервые; перевод отдельных метафор существовал и ранее, но в труднодоступных изданиях (см.: *Арсеньев Н. Мистицизм и лирика //*

Журн. М-ва нар. просв. 1917. № 6. С. 251—298; Гуревич Д. Опыт перевода Рамона Льюля // Каталанская культура: История и современность. М., 1993. С. 35—39). «Песнь Рамона» в переводе А. М. Косс была впервые опубликована в сборнике «Из каталонской поэзии» (Л., 1984. С. 36—38).

Достаточно скупые примечания современных специалистов к публикуемым в настоящем издании произведениям Льюля учтены и несколько расширены и дополнены за счет определенного историко-литературного и философского материала, исходя из принципов, положенных в основу серии «Литературные памятники».

ПРИМЕЧАНИЯ

КНИГА О ЛЮБЯЩЕМ И ВОЗЛЮБЛЕННОМ

(С. 5)

¹ «Признайся, Любящий ~ «Да, если удвоишь во мне любовь к тебе». — На основании метафор 9, 31, 45, 51, 71, 72, 188 и 196 можно получить вполне определенное представление о феноменологии любви майоркинского мыслителя (см.: *Carreras y Artau T., Carreras y Artau J. Historia de la filosofía española. Madrid, 1939. T. 1. P. 290*).

² ...увековечить в книге добродетели Богоматери. — По всей вероятности, Льюль имеет в виду «Книгу о Деве Марии», включенную в ч. 2 «Книги об Эвасте и Блаксерне».

³ *Вопрошал Любящий разум и чувство ~ и достиг разум Возлюбленного его раньше, чем чувство.* — В полном соответствии со своим «Искусством» Льюль отдает здесь предпочтение разуму перед чувствами и памятью, хотя в большинстве случаев (например, метафоры 131, 169 или 364) они взаимодополняют друг друга, в равной степени помогая Любящему в его стремлении познать и прославить своего Возлюбленного.

⁴ *Ослушался Любящий ~ и одарил он его даром еще большим, чем тот утратил.* — Метафора 30 — очевидное аллегорическое описание грехопадения и спасения человечества благодаря искупительной жертве Христа.

⁵ *Встал на рассвете Любящий ~ не знают ли они, где его Возлюбленный.* — Ср.: «Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его, и не нашла его. Встретили меня стражи, обходящие город: „не видали ли вы того, которого любит душа моя?“» (Песнь Песней. 3: 2—3).

⁶ *О земля, на которой навсегда запечатлелись незабвенные следы моего Возлюбленного! ~ претерпеваю я страдания и лишения.* — Речь, возможно, идет о Святой Земле, что может служить аргументом в пользу версии о посещении Льюлем Иерусалима до написания им «Книги о Любящем и Возлюбленном».

⁷ *Грозким голосом стал скликать народ Любящий~ ибо так им велела любовь.* — Миссионерский пыл, которым Льюль наделил своего героя, восходит прежде всего к проповедническому максимализму апостола Павла.

⁸ *...для смертного любовь — это дерево, любить — это плод, лишения и страдания — это цветы и листья...* — В развернутом виде Льюль изложит свою концепцию в другой своей знаменитой мистической книге, «Древо философии любви» (1297—1299): «Воспевая благую, великую любовь и отвергая любовь недобрую и лживую, Рамон приступил к созданию книги „Древо философии любви“, разбив ее на семь частей, а именно: корни, ствол, ветви, сучья, листья, цветы и плоды» (*Lull R. Arbre de filosofia d'amor. Barcelona, 1980. P. 19*).

⁹ *Бежали от людей Любящий и любовь и утешались беседой с Возлюбленным...* — Триада «Любящий—Возлюбленный—любовь» восходит к лирике трубадуров и к кодексу куртуазной любви, усвоенному Льюлем в юности.

¹⁰ *...несть числа именам, которыми он его величает...* — Перу Льюля принадлежит книга «Сто имен Господа», написанная в 1285 г.

¹¹ *Удалился Возлюбленный от Любящего ~ и спрашивал он о нем людей на языке любви.* — Одна из тех метафор, мотивы которых наиболее явственно напоминают мотивы «Песни Песней».

¹² *...дабы выйти из той темницы любви...* — «Темница любви» — один из самых устойчивых мотивов поэзии трубадуров.

¹³ *...дабы обучить их основам своего искусства познавать и любить Возлюбленного.* — Скорее всего, имеется в виду «Краткое искусство постижения истины», датированное 1274 г.

¹⁴ *Упрекал Любящий христиан ~ начиная его именем свои письма.* — На протяжении всей своей жизни после обращения Льюль неоднократно возвращался к мысли о настоятельной необходимости как можно скорее научиться у мусульман трепетному и страстному религиозному чувству.

¹⁵ *Решил отправиться Любящий в чужие края ~ и предал его мучениям недруги его Возлюбленного.* — Вполне вероятно, что речь идет о тех долгих и дальних странствиях, которые Льюль действительно предпринял в самый «темный» период своей биографии (1276—1287).

¹⁶ *Любящий так любил своего Возлюбленного ~ Поэту-му любовь Любящего была на полпути между верой и разумом.* — Метафора 198 — своеобразный автокомментарий к доктрине майоркинского мыслителя, в предельно лаконичной форме вскрывающий специфику его религиозных и философских взглядов.

¹⁷ *... и одиноким остался он среди людей.* — Данный парадокс, подобно некоторым иным (таким, например, как «радость в страдании»), лежащим в основе кодекса куртуазной любви, — один из устойчивых мотивов провансальской лирики.

¹⁸ *Сказал Любящий, что наука врожденная ~ и в какой он более преуспел.* — Возможно, под «врожденной наукой» Льюль подразумевает философию любви, а под «наукой приобретенной» — философию знания, другими словами, мистику и схоластику, которым он в равной степени отдал дань, считая их одинаково необходимыми как в самообразовании, так и в миссионерской деятельности.

¹⁹ *Две думы непрестанно думал Любящий ~ пытался он постичь сущность его творений.* — Еще одна попытка Льюля определить своеобразие своего творчества и объяснить притягательность для него как схоластики, так и мистики, как философии знания, так и философии любви.

²⁰ *Трех Возлюбленных, равночестных в величии и во славе ~ ибо одна на всех трех Возлюбленных разлита.* — В этой и в некоторых других метафорах книги Льюль оттачивает столь необходимую ему для миссионерских целей аргументацию христианского учения о Троице, что является одним из свидетельств в пользу теории о западном, христианском происхождении мистики майоркинского мыслителя.

²¹ *Облачился Возлюбленный в те же одежды ~ дабы походило платье его на платье Возлюбленного.* — Метафора, в основу которой положен догмат о человеческой природе Иисуса Христа, сына Божьего, и об искупительной жертве Спасителя, в очередной раз подтверждает готовность Льюля к мученической смерти.

²² *Спрашивал Возлюбленный людей ~ и сохнет на глазах от любви.* — Эта метафора любопытна очевидными ассоциа-

циями с «Песнью Песней»; в библейском тексте, однако, отсутствует тонкий психологический рисунок, особенностью которого является гармоническое сочетание оппозиций.

²³ *Оставил Любящий мир ~ где сам находил хулу и обиду.* — Одна из тех метафор, в которых автобиографический подтекст наиболее очевиден.

²⁴ *Ответил ~ изложенных в «Книге о язычнике и трех мудрецах».* — «Книга о язычнике и трех мудрецах» — одно из первых сочинений Льюля, написанное им сначала на арабском языке, а затем им же переведенное на каталанский.

²⁵ *«Скажи, безумец, что весомее ~ нет разницы между многообразием и единством».* — Метафора 290 — одно из ста утверждений Льюля, помеченных доминиканцем-инквизитором Н. Эймерихом как «еретические».

²⁶ *«Славолю тебе во славу тебе, тем самым себя прославляя, в славословиях тебе ~ в котором испослано мне благословение моих благословений».* — К сожалению, если еще можно попытаться передать игру слов, присутствующую в оригинале, то игра смыслов неизбежно теряется, так как каталонское слово «salutació» одновременно означает «приветствие», «славословие», «здоровье» и «спасение души».

²⁷ *«Недосягаем ты, Возлюбленный, в своей недосягаемости ~ в их стремлении возвеличивать твое величие».* — Метафоры 298—301 — достаточно частый у Льюля образец «плетения словес», виртуозной игры слов и лексических изысков, представляющих собой отголосок его увлечения провансальской лирикой; убедительное доказательство того факта, что трубадур Христа щедрой рукой черпал из сокровищницы поэзии трубадуrows.

²⁸ *Заросшей дорогой...* — Подобно своему современнику Данте, утратившему правый путь «во тьме долины» и заблудившемуся в «сумрачном лесу», Льюль отправился на поиски своего Возлюбленного символической «заросшей дорогой», устремившись ввысь, к любви и свету.

²⁹ *...одиночество его жены, его детей и его друзей.* — Посвятив себя подвижнической деятельности, Льюль оставил жену, Бланку Пикани, знатную майоркинку, на которой женился в 1257 г. и которая родила ему двоих детей, сына Доминго и дочь Магдалену.

³⁰ *Теология, Философия, Медицина и Право повстречали Любящего ~ отправившемуся на поиски своего Возлюбленного.* — Данную аллгорию, по-видимому, можно истол-

ковать следующим образом: Любящий понял, что Теология, принимающая его страдания «близко к сердцу», взволнована происходящим, Философия огорчена своей неспособностью ответить на те вопросы, которые, казалось бы, входят в ее компетенцию, а Медицина и Право, в равной степени далекие от томлений духа Любящего, радуются его неудачам.

КНИГА О РЫЦАРСКОМ ОРДЕНЕ

(С. 71)

¹ *Подобно семи планетам...* — Далеко удаленные от Земли планеты (Уран, Нептун, Плутон и др.) были обнаружены только в Новое время с помощью оптических приборов.

² *...я разделил мою «Книгу о рыцарстве» на семь частей...* — Льюль разделял со своими современниками веру в магическое значение числа семь. В те же годы, когда Льюль писал свою «Книгу о рыцарском ордене», в Кастилии была завершена работа над «Книгой законов» (1263—1265), в составлении которой самое активное участие принимал Альфонс X Мудрый и которая приобрела известность далеко за пределами Пиренейского полуострова под названием «Семь частей».

³ *...некий мудрый рыцарь...* — Было бы явной натяжкой полагать, что под рыцарем, ставшим на старости лет отшельником, Льюль разумел самого себя. Достаточно сказать, что в пору написания им «Книги о рыцарском ордене» ему было от силы 44 года и он был полон сил и здоровья. Однако автобиографический элемент очевиден как в судьбе героя, сменившего рыцарский и куртуазный образ жизни на отшельнический, так и в наставлениях отшельника, отражающих религиозно-философскую доктрину Льюля.

⁴ *...некий достославный король...* — Скорее всего, речь идет о Жауме II, короле Майорки, сыне Жауме I Завоевателя, короля Арагона. Став монархом, Жауме II продолжал оказывать покровительство своему вассалу Льюлю, который еще в юности, до своего обращения, занимал при его дворе привилегированное положение.

⁵ *...и приумножить славу, дарованную ему Господом.* — Ссылка на «Господа» отсутствует в рукописи, на которой основывается издание, осуществленное Альбером Соле, однако он вполне убедительно восстанавливает, опираясь на

другие рукописные источники, очевидный в данном конкретном случае пропуск.

⁶ *...правда...* — Следуя убедительной аргументации Альбера Соле, восстанавливаем слово «*правда*», опущенное в списке Библиотеки Каталонии в Барселоне.

⁷ *...а из каждой тысячи был избран и выделен один...* — В «Семи частях» Альфонса Мудрого, в разделе, посвященном рыцарству и имеющем много точек соприкосновения с книгой Льюля, также речь идет о том, что «из каждой тысячи человек надлежит выбирать одного, достойного быть рыцарем» (ч. 2, гл. 21, закон 1).

⁸ *...и называли этого человека рыцарем.* — К сожалению, в русском переводе неизбежно утрачивается непосредственная связь между словами «*savauleg*» («рыцарь») и «*caval*» («конь»).

⁹ *...и недостоин ты был бы принадлежать к отмеченным благородством рыцарям.* — В списке, хранящемся в Библиотеке Каталонии в Барселоне: «достоин». Уточнение вносится на основе списка из Библиотеки Барселонского Атеenea.

¹⁰ *...прислуживать за столом и в походе...* — В каталонском оригинале речь идет о более конкретных обязанностях оруженосцев — разрезать мясо («*taylar*») — и надевать сбрую, запрягать («*guarpir*»).

¹¹ *...быть оформленной в виде доктрины для преподавания в школах...* — Одной из задач, которую ставил перед собой Льюль, и было написание трактата, способного служить этой цели.

¹² *...но кто ведет себя по своему разумению...* — В данном случае мы следуем списку, хранящемуся в Библиотеке Каталонии в Барселоне, не внося в него коррективы, ибо считаем вполне допустимым и отнюдь не абсурдным противопоставление «*raho*», т. е. разума, которым нас наделил Господь, и «*de sa raño*», т. е. «своеволия», стремления человека жить «по своему разумению», а не только «*de desraho*», т. е. «неразумно», как полагает, опираясь на другие списки, Альбер Соле.

¹³ *Вассалами же монарха должны быть графы, кондоры, инфансы...* — Речь идет о дворянских достоинствах в средневековой Каталонии. При этом разница между ними состояла в том, что присвоение титулов кондора и инфансына было прерогативой графов.

¹⁴ ...ниже всех располагаются рыцари-одноштитники... — Рыцарь-одноштитник — представитель особой категории феодалов, обладавших лишь конем и оруженосцем. В обстановке феодальных войн и крестовых походов рыцари-одноштитники становились все многочисленнее, участвуя в самых разнообразных авантюрах как у себя на родине, так и за ее пределами, в различных уголках Средиземноморья.

¹⁵ ...откажись весь народ или кто-то в отдельности ~ обязан встать на защиту своего господина... — Характерное подтверждение неоспоримости для Льюля приоритета интересов монарха над интересами народа, несмотря на то что рыцари, по его мнению, являются лучшими представителями народа.

¹⁶ 23. Рыцари должны преследовать изменников, воров и грабителей ~ он действовал бы вопреки своему предназначению. — Глава не поддается исчерпывающему толкованию. Перевод дает одну из возможных интерпретаций, в которой, однако, не делается попытка прояснить или упростить текст.

¹⁷ ...если оруженосец, вознамерившийся стать рыцарем, слишком молод... — Сходная мысль содержится и в «Семи частях» Альфонса Мудрого: «...равно как не должен он быть слабоумным или малолетним, ибо, будучи лишен разума, не будет он вестись, что творит» (ч. 2, гл. 21, закон 12).

¹⁸ ...то достоинство, которым Господь наделил мужчину в большей степени, чем женщину... — Моральный статус женщины в средневековом обществе определялся тем, что на ней лежала основная вина за первородный грех. Даже этимология призвана была служить доказательству изначального и неоспоримого превосходства мужчины и подчиненного положения женщины. Согласно Исидору Севильскому, «мужчина (*vir*) зовется так потому, что в нем более силы (*vis*), нежели в женщине, а вследствие сего он и получил имя, свидетельствующее о его добродетели, доблести (*virtus*)» (цит. по: *D'Alverny M.-Th. Comment les théologiens et les philosophes voient la femme // Cahiers de civilisation médiévale. 1977. XX-e année. N 2—3. P. 108*).

¹⁹ Между дворянином и рыцарем есть несомненная связь и близость... — Более определенно данный вопрос ставится в «Семи частях» Альфонса Мудрого: «... посему выбирать среди идалго надлежит таким образом, дабы были они

благородного происхождения по прямой линии не только от отца и деда, но и в четвертом колене, т. е. от прадеда» (ч. 2, гл. 21, закон 2).

²⁰ *Горбун, толстяк, равно как и тот, кто имеет какой-либо иной телесный изъян...* — Настоятельная рекомендация не принимать в рыцарский орден оруженосцев хилых и худосочных вызвана не только опасениями в связи с их неспособностью к ратным подвигам, но и тем обстоятельством, что носить тяжелые рыцарские доспехи могли только физически сильные люди.

²¹ *Внимая же песням жогларов, воспевающих грех и блуд...* — С X по XIII в. профессиональные певцы-исполнители, которых во Франции называли жонглерами, в Германии шпильманами, в Кастилии хугларами, а в Каталонии жогларами, бродя от селения к селению, от замка к замку, не только ходили по канату, демонстрировали дрессированных животных, жонглировали, рассказывали анекдоты, но и, сопровождая себя на примитивной скрипке-виоле, исполняли героические и народные песни, являясь, таким образом, в какой-то мере создателями западноевропейской литературы. Сходные филиппики Льюля против жогларов ср. в публикуемой в данном издании «Книге о животных» (гл. 5). Разделяя характерную для духовенства непримиримость к жогларам, полуязыческим народным праздникам и мирским песням, Льюль не пощадил и собственных сочинений, написанных им в юности в традициях поэзии трубадуров; после обращения он безжалостно их уничтожил.

²² *Затем он должен поцеловать оруженосца и дать ему пощечину...* — В «Семи частях» Альфонса Мудрого аргументируется и комментируется не только «пощечина», но и «поцелуй»: «Его надлежит поцеловать, дабы продемонстрировать этим благочестие, добронравие и братство, каковые должны царить между рыцарями» (ч. 2, гл. 21, закон 14).

²³ *...герб на щите, седле и латах, символизирующий славу...* — Щит, седло и латы рыцаря были лишены герба до тех пор, пока он не покрывал себя славой.

²⁴ *...ибо всегда хочется ему еще большего вреда.* — В списке, хранящемся в Библиотеке Каталонии в Барселоне, уточнение «еще большего» отсутствует. Однако нам представляется убедительной интерпретация Альбера Соле, восстанавливающего смысл, следуя списку из Библиотеки монастыря Святого Франциска в Пальма де Майорка.

²⁵ ...между преизбытком и недостатком... — «Недостаток», пропущенный в списке, хранящемся в Библиотеке Каталонии в Барселоне, присутствует во всех других списках.

²⁶ ...и не располагалась бы она в золотой середине, являя собой добродетель, суть которой именно в том, чтобы избегать крайностей. — Льюль следует аргументации Аристотеля, изложившего свою концепцию добродетели как обладания серединой в «Никомаховой этике» (Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4, С. 86 и сл.).

²⁷ ...всеобщее благо предпочтительнее блага личного... — Нельзя не отметить некоторое противоречие между данным тезисом и утверждением (гл. 5) о том, что, «подобно щиту, который оказывается между рыцарем и его врагом, сам рыцарь находится между монархом и народом».

²⁸ Если монарх, король или вельможа должен быть рыцарем ~ не достоин он быть королем или вельможей... — Ср. в «Семи частях» Альфонса Мудрого: «В прежние времена рыцарский орден окружали таким почтением, что, только став рыцарями, императоры и короли могли быть коронованы и облечены полнотой власти» (ч. 2, гл. 21, закон 11).

²⁹ ...мы вознамерились написать книгу, посвященную ордену клириков... — Не исключено, что подобная книга — «Libre del ordre de clerecia», — была Льюльсом написана, но, как и некоторые иные его сочинения, до нас не дошла. Сохранилась другая его книга — «Liber clericorum», написанная на латыни в 1308 г.

КНИГА О ЖИВОТНЫХ

(С. 133)

¹ Поблагодарив философа, Феликс... — «Книга о животных» носит совершенно самостоятельный характер и только введение и финал, в которых упоминается главный герой «Книги о чудесах», предлагают необходимую формальную мотивировку включения вполне самостоятельного животного эпоса в значительно более масштабный замысел.

² А принадлежим мы к апостольскому ордену ~ к столь великому ордену, каковым является апостольский орден... — «Апостольским орденом», или «апостольскими братьями», называли себя члены секты, которую создал в Парме в 1260 г. Герард Сегарелли. Доктрина сочетала экзальтированное францисканство с апокалиптическими про-

зрениями Иоахима Флорского. В 1286 г. секта была осуждена как еретическая, а ее члены подверглись преследованию, вплоть до сожжения на костре. Тот факт, что Льюль характеризует здесь представителей «апостольского ордена» с нескрываемой симпатией, является одним из аргументов в пользу гипотезы об автономном характере «Книги о животных», написанной до 1286 г. и лишь затем включенной им в «Книгу о чудесах».

³ *А Лев не высок, не дороден ~ поедает других животных.* — Луис де Фландес, испанский переводчик «Книги о животных» XVII в., снабдил свою версию следующим любопытным примечанием: «В этом трактате питающиеся мясом животные символизируют людей знатных, а питающиеся травой — простолюдинов; лев символизирует царственную особу, леопард — человека честного, гепард — льстивого, лиса — коварного, змея — мудрого и т. д.» (цит. по: Bonner A. *Obres selectes de Ramon Llull*. Palma de Mallorca, 1985. Т. 2. Р. 127).

⁴ *...заговорил Лис...* — В отличие от других персонажей (Лев, Бык, Петух) лис в книге Льюля, как и во французском «Roman de Renart u goupil», имсет собственное имя — Ренар, восходящее к германскому «Reginhard». Однако в переводе это имя не сохранено, поскольку в литературной традиции оно давно стало восприниматься как символическое обозначение лиса (ср. «Роман о Лисе» в русском переводе). В каталонском оригинале происходит любопытное смешение родовой принадлежности героя, которого рассказчик и другие персонажи называют то «лисой», то «лисом». В переводе отдано предпочтение «лису», чтобы персонаж каталонской книги скорее ассоциировался с героем французского романа, чем с лисой русских народных сказок.

⁵ *Друзья, когда Господь создал мир...* — Льюль, как здесь, так и далее, подчеркивает цинизм и начетничество Лиса, последовательно прибегающего с ссылкой на Священное Писание для достижения своих неблагоприятных целей.

⁶ *...рассказав об одном христианине, имевшем раба-сарацина ~ но помышлял лишь о том, как бы его убить.* — Данная притча носит очевидный автобиографический характер (см.: *Vida coetania de Ramon Llull // Moll F. de B. Textos i estudis medievals*. Montserrat, 1982. Р. 8). На Льюля самоубийство раба-мусульманина, который обучал его

арабскому языку и однажды бросился на него с ножом, произвело настолько сильное впечатление, что он многократно обращался к этому эпизоду.

⁷ «Пролетал как-то коршун и держал он в своих когтях мышку ~ дать ей в мужья пригожего мышонка». — Первая из включенных в «Книгу о животных» басен имеет восточное происхождение: одну из наиболее известных версий ее находим в «Калиле и Димне».

⁸ «Был у одного рыцаря прекрасный сын ~ и отказал ему в своем расположении». — История оклеветанного мачехой царевича имеет древнейшее происхождение. Самая ранняя из известных нам версий — эпизод древнеегипетской новеллы «Два брата» (около XV в. до н. э.). Один из древнейших вариантов сюжета представляет собой также библейская история об Иосифе и развратной жене Патифара. Не менее знаменит сыгравший огромную роль в истории мировой культуры сюжет о преступной любви Федры к ее пасынку Ипполиту. Однако значительно более непосредственное отношение к включенной Льюлем в свою книгу притче имеют средневековые арабские, персидские, еврейские, испанские, французские и латинские книги («Тысяча и одна ночь», «Синдбад», «Книга Синтипы», «Параболы Синдабара», «Книга о коварстве женщин»), в которых находит отражение мотив клеветы мачехи, поссорившей царевича с отцом. Одним из самых поздних в этом ряду является французский «Роман о семи мудрецах».

⁹ «Договорились как-то в одной стране звери ~ Так благодаря своей хитрости заяц победил льва». — Непосредственным источником притчи о зайце, перехитрившем льва, по-видимому, является «Калила и Димна».

¹⁰ «В услужении у некоего царя были два юных рыцаря ~ царь приказал дать ему сто плетей». — По всей вероятности, эту притчу Льюль также заимствовал из «Калилы и Димны».

¹¹ «Высоко в горах жил отшельник ~ а отшельник выполнил свое обещание». — Данная притча отдаленно напоминает «Варлаама и Иоасафа».

¹² И так хорошо отдыхал и обильно питался Бык ~ это должен был быть мощный и сильный зверь. — Непосредственным источником эпизода — «Глава о льве и быке», которой начинается «Калила и Димна».

¹³ ...некий жоглар подвесил как-то к дереву барабан ~ но, разломав его, увидела, что он пуст. — Как и во многих

других случаях, притча, по-видимому, заимствована непосредственно из «Калилы и Димны», при этом лис заменен на обезьяну.

¹⁴ *«У одного ворона гнездо было на вершине скалы ~ и таким образом хитрость одолела силу».* — Сходным образом, по совету шакала, расправляется ворон с пожирившей его птенцов черной гадюкой в «Калиле и Димне».

¹⁵ *«...однажды дикая утка ~ и как этот обман стоил ей самой жизни».* — Притча о цапле и раке, аналогичная той, которую рассказывает в «Книге о животных» Змея, включена в «Калилу и Димну».

¹⁶ *«...однажды медведь, ворон, человек и змея ~ и освобожден был отшельник и наказан ювелир».* — Эта притча, которую рассказывает в «Книге о животных» Бык, отличается от притчи в «Калиле и Димне» главным образом тем, что в арабской книге наряду с человеком в яму упали тигр, обезьяна и змея.

¹⁷ *«...„Однажды два козла билась друг с другом на поляне ~ оказавшись причиной собственной смерти”».* — По всей вероятности, и эту притчу Льюль заимствовал из «Калилы и Димны».

¹⁸ *«...эти распутные женщины блудят в присутствии людей, въезжающих в город и выезжающих из него».* — Аналогичную сцену Льюль включил также в гл. 71 «Книги об Эвасте и Бланкерне» (см.: *Llull R. Libre de Evast e Blanquerna. Barcelona, 1947. T. 2. P. 92*).

¹⁹ *«Во время пира в зале находились жоглары ~ и порицали то, что должны были бы превозносить...».* — Филиппики Льюля по адресу жогларов и трубадуров объясняются, с одной стороны, его радикально изменившимся к ним отношением, как у любого «ренегата», а с другой — вписываются в общую систему противостояния культуры церковной культуре светской, идеалов христианства идеалам куртуазным, противоборства «благой любви» и «любви безумной».

²⁰ *«...Лис сказал царю, что не было на свете красивее зверя, чем жена Леопарда...».* — Мотив соблазнения Львом жены его придворного Леопарда во время отсутствия последнего при дворе заимствован Льюлем из «Романа о Лисе».

²¹ *«Леопард и Гепард отправились на поле для турниров...».* — Источник этой сцены — «Роман о Лисе».

²² *«Поединок возможен лишь потому ~ выступают против Господа и против истины».* — Речь идет о так называем-

мых Божьих судах (ордалиях), в основе которых лежали представления средневекового человека о том, что Господь помогает невинному и отворачивается от преступника.

²³ ...Лис явился ко Льву с Быком и Вороном ~ и насытились им как Лев, так и Лис с Вороном. — В «Калиле и Димне», к которой восходит этот эпизод, попадаетея в западню верблюд, задумывает ее ворон, а волк и шакал являются его соучастниками.

²⁴ «В одной стране жил человек, которого Господь наделил способностью понимать язык птиц и зверей. ~ она начала есть и пить и слушаться мужа». — Данная притча восходит к «Рассказу о быке с ослом» из «Тысячи и одной ночи».

²⁵ «Ворон и попугай сидели на дереве ~ обезьяна схватила его и убила». — Эта басня, известная по «Калиле и Димне», особенно полюбилась Льюлю; он воспользовался ею также в «Книге об Эвасте и Бланкерне» и в «Древе науки».

²⁶ ...Феликс отнес ее королю... — Имеется в виду Филипп IV Красивый (1268—1314), король Франции в 1285—1314 гг.

ПЕСНЬ РАМОНА

(С. 185)

¹ Я школу создал (...) который славен Мирамар... — В 1276 г. королем Жауме II и папой Иоанном XXI было одобрено предложение Льюля основать на Майорке, на мысе Мирамар, монастырь, назначением которого было воспитание молодых людей и обучение их восточным (арабскому и еврейскому) языкам для миссионерской деятельности. Монастырь был основан в 1278 г.

² К науке приобщась моей... — Имеется в виду «Великая наука».

³ Я беден, стар, гоним я тут... — «Песнь Рамона», скорее всего, была написана в 1299 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА О ЛЮБЯЩЕМ И ВОЗЛЮБЛЕННОМ (<i>перевод В. Е. Багно</i>)	5
КНИГА О РЫЦАРСКОМ ОРДЕНЕ (<i>перевод В. Е. Багно</i>)	71

Пролог (71). — Часть I. О предназначении рыцарства (77). — Часть II. Об обязанностях рыцаря (82). — Часть III. Об испытаниях, которым должен быть подвергнут оруженосец, вознамерившийся быть посвященным в рыцари (99). — Часть IV. Об обряде посвящения оруженосца в рыцари (106). — Часть V. О символике рыцарского вооружения (111). — Часть VI. О нравах и обычаях рыцарей (118). — Часть VII. О тех почестях, которые надлежит воздавать рыцарю (129).

КНИГА О ЖИВОТНЫХ (<i>перевод В. Е. Багно</i>)	133
---	-----

1. О выборах царя (135). — 2. О царском совете (139). — 3. Об измене, которую Лис замыслил против царя (142). — 4. О том, как Лис был выбран царским привратником (146). — 5. О посланниках, которых Лев направил к царю людей (159). — 6. О поединке между Леопардом и Гепардом (169). — 7. О смерти Лиса (179).

ПЕСНЬ РАМОНА (<i>перевод А. М. Косс</i>)	185
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>В. Е. Багно</i> . Трубадур Христа	191
<i>В. Е. Багно</i> . Русское люллианство как феномен культуры	250
Текстологическая справка	266
Примечания (<i>сост. В. Е. Багно</i>)	270

Научное издание

РАМОН ЛЬЮЛЬ

КНИГА О ЛЮБЯЩЕМ И ВОЗЛЮБЛЕННОМ
КНИГА О РЫЦАРСКОМ ОРДЕНЕ
КНИГА О ЖИВОТНЫХ
ПЕСНЬ РАМОНА

2-е издание стереотипное

Утверждено к печати

Редколлекцией

серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *Т. А. Лапицкая*

Художник *А. И. Слепушкин*

Технический редактор *Е. В. Траскевич*

Корректоры *О. И. Буркова, Н. И. Журавлева и Ф. Я. Петрова*

Компьютерная верстка *Е. М. Сальниковой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.

Подписано к печати 21.11.03. Формат 70 × 90 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура академическая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10.82. Уч.-изд. л. 11.20. Тираж 1000 экз.

Тип. зак. № 4609. С 248

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

main@nauka.spb.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-027147-0

9 785020 127147 0

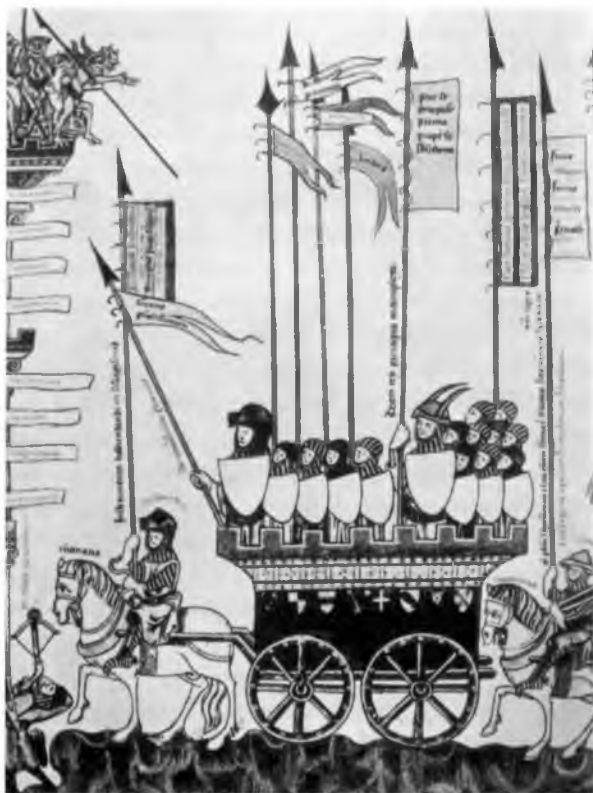
Первое путешествие Льюя в Тунис.
Миниатюра средневековой рукописи
(Муниципальная библиотека г. Карлсруэ).

Диспут Льюля с мусульманскими теологами,
избиение его и заключение в тюрьму.
Миниатюра средневековой рукописи
(Муниципальная библиотека г. Карлсруэ).

Спор Льюля с мусульманским теологом Амаром.
 Иллюстрация из валенсийского издания 1510 г. сочинения
 Льюля «Спор Раймунда-христианина
 с Амаром-сараценом».

Аристотелево воинство, атакующее крепостную башню невежества. Миниатюра средневековой рукописи (Муниципальная библиотека г. Карлсруэ).

Миниатюра средневекового «Бестиария»
(Парижская Национальная библиотека).

C ar lon exple i puet d'ped
 S e la raison voles en l'edre
 7 puis apries voles ouurer
 C tant bien i pores recouret

S el olifant ne deud pas
 la pole tenira gas
 C est la ggnors beste k'ou
 7 lu plus gn'c fes poueroit
 7 si est sage 7 entendable
 7 en bataille couuena ble
 1 luekes a mestier mlt'ou

Миниатюра средневекового «Бестиария»
 (Парижская Национальная библиотека).

Изображение Майориканского дерева.
Рукопись «Великой науки Раймунда Люллия». XVIII в.
(Древлехранилище Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН).

дѣшееруенныхъ :

Второйъ . Фирма прилагемыхъ раз-
смотряемыхъ :

Фигура «Т». Рукопись «Великой науки
Раймунда Люллия». XVIII в.
(Древлехранилище Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН).

РАМОН ДЬЮЛЬ

КНИГА О ЛЮБЯЩЕМ
И ВОЗЛЮБЛЕННОМ